ЮБИЛЕЙНАЯ ПАМЯТКА

КОРНИЛОВЦЫ

1917 — 10 ИЮНЯ — 1967

ИЗДАНИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ЧИНОВ
КОРНИЛОВСКОГО УДАРНОГО ПОЛКА
ПАРИЖ

ЮБИЛЕЙНАЯ ПАМЯТКА

КОРНИЛОВЦЫ

1917 — 10 ИЮНЯ — 1967

ИЗДАНИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ЧИНОВ
КОРНИЛОВСКОГО УДАРНОГО ПОЛКА
ПАРИЖ

"КОРНИЛОВЦЫ"
Юбилейная памятка

ОПЕЧАТКИ И ОШИБКИ:

Стран.	Строка	Напечатано:	Следует читать:
7	1 св.	бешенства	беженства
22	6 сн.	фейерверкер	ст. фейерверкер
40	16 сн.	разиня	разинув
52	15 св.	пор. Дашкевич	вычеркнуть
55	15 св.	**Поручик Натус,** командир Конного Эскадрона.	**Капитан Натус,** командир Штабного эскадрона.
61	7 св.	60 орудий	6 орудий
77	14 сн.	Корсаково	Караськово
80	13 св.	к Малоярославцу	к Малоархангельску
115	1 св.	Корниловское знамя	Корниловский флаг
115	12 сн.	Капитан Гунько	Капитан Рылов
121	17 св.	Нине	Дине (Дианне)
123	21 св.	бежите	бегите

К списку Сестер добавить: Агния Николаевна Агеева.

ГЕНЕРАЛ-ОТ-ИНФАНТЕРИИ

КОРНИЛОВ

ЛАВР ГЕОРГИЕВИЧ

Брюссель, 2-го Апрѣля 1990 г.

Въ комъ есть сознанiе ясное
Въ комъ есть и мужество въ груди,
Подъ знамя черно-красное
Къ корниловцамъ иди.

КОРНИЛОВУ

В мареве бешенства хилого,
В зареве казней и смут,
Видите: руки Корнилова
Русскую Землю несут.

Жгли ее, рвали, кровавили,
Прокляли многие, все.
И отошли, и оставили
Пепел в полночной росе.

Он не ушел и не предал он
Родины. В горестный час
Он на посту заповеданном
Пал за страну и за нас.

Есть умиранье в теперешнем,
В прошлом бессмертие есть.
Глубже храните и бережней
Славы Корниловской весть.

Мы и живые безжизненны,
Он и безжизненный жив.
Слышу его укоризненный
Смертью венчанный призыв:

Выйти из мрака постылого
К зорям борьбы за народ.
Слышите, сердце Корнилова
В колокол огненный бьет!

Иван Савин

ПРЕДИСЛОВИЕ

10-го июня 1967 года исполняется 50-летие служения доблестного Корниловского Ударного полка нашей многострадальной Родине, Матери-России. Объединение его чинов, чтобы достойно (но в пределах своих скромных возможностей) отметить этот юбилей, выпустило эту книгу-памятку крестного пути Полка.

Редактирование и издание Памятки мною поручено последнему Начальнику Штаба нашей дивизии, Генерального Штаба полковнику, а ныне и профессору военных наук Месснеру Евгению Эдуардовичу.

Отклик дорогих мне Корниловцев на весть о предстоящем издании Юбилейной Памятки был великолепен: одни жертвовали деньги, другие — свой труд и слали написанные ими статьи.

Мысль об издании книги возникла в середине сентября 1966 г. Чтобы книга могла быть разослана в пункты Корниловского рассеяния ко дню юбилея, ее небходимо было сдать в набор 1-го января 1967 года. Вследствие этой спешности, к писанию книги не были, может быть, привлечены все, кто мог бы дать ценные материалы; в книге, может быть, не упомянуты все события или все лица, которых следовало бы упомянуть. Это — не по недостатку внимания, а по недостатку времени.

Мы в боях не имели времени на всестороннее обдумывание плана боя — атаковали в ударном порядке и неизменно имели успех. Эта Корниловская книга тоже издана "в ударном порядке" — надеюсь, она будет иметь успех.

Возглавляющий Объединение чинов
Корниловского Ударного полка
Полковник ЛЕВИТОВ

ДАТЫ В КНИГЕ ПО СТАРОМУ СТИЛЮ

ВВЕДЕНИЕ

Широко распростер свои крылья могучий двуглавый орел России: от Либавы до Владивостока. Вступилась Россия за своего младшего брата, сербского орлёнка, вступила в войну против трех хищников на западе и юге. Но себялюбивы были союзники России: решив воевать "до последней капли русской крови", они возложили на наше воинство бо̀льшую часть ратных тягот. Мужественно противилась Действующая Армия сильным ударам врагов, быстро оправлялась после неизбежных на войне потрясений и героически одерживала великие победы на полях Великой войны: Томашов, Львов, Рава-Руска, Карпаты, Сарыкамыш, Перемышль, зимние Карпаты, Эрзерум, Черновицы и Измаилу подобный Луцк.

В этой беспримерной борьбе, не получая существенной поддержки от осторожной Франции, лукавой Англии и беспомощной Италии, но, наоборот, неоднократно спасая их от гибели, утомилась Россия, а из Швейцарского Циммервальда вливалась в ее народ пораженческая пропаганда. Создался внутренний фронт, которому вяло противилось Правительство. Возник в столице хлебный бунт. Как Москва в 1812 году сгорела "от пятикопеечной свечки", так в 1917 году обессилела Россия из-за пятикопеечной булки. Монархия, не сопротивляясь, пала.

Революция, субсидируемая Берлином через Ленина, первым делом стала разлагать Армию и Флот. Люди, бывшие уме-

лыми оппозиционерами Царю, оказались неумелыми правителями и анархия залила страну.

Офицерство и Казачество первыми увидели опасность для России. На нее указал России Офицерский Съезд в Могилеве. Но патриотические резолюции и постановления были лишь выражением негодования против разрушительных сил. Силы же никто не противопоставлял побеждавшему большевизму.

ПЕРВЫМ ВОСПРОТИВИВШИМСЯ стал Генерального Штаба капитан **НЕЖЕНЦЕВ.**

ПЕРВЫМ благословившим сопротивление стал генерал **КОРНИЛОВ.**

ПЕРВЫМИ взявшимися за оружие против анархии, бесчестья и гибели Государства стали Ударники капитана Неженцева, его **КОРНИЛОВЦЫ.**

Их подвигу первовосстания, их подвигам в 570 боях Гражданской войны посвящена эта книга. Посвящена она:

Генералу Корнилову,

Полковнику Неженцеву,

13.674-м Корниловцам, жизнь свою отдавшим за Россию,

34.328-и Корниловцам, кровь свою пролившим за Россию,

Корниловцам, в Зарубежье скончавшимся с верою в Россию,

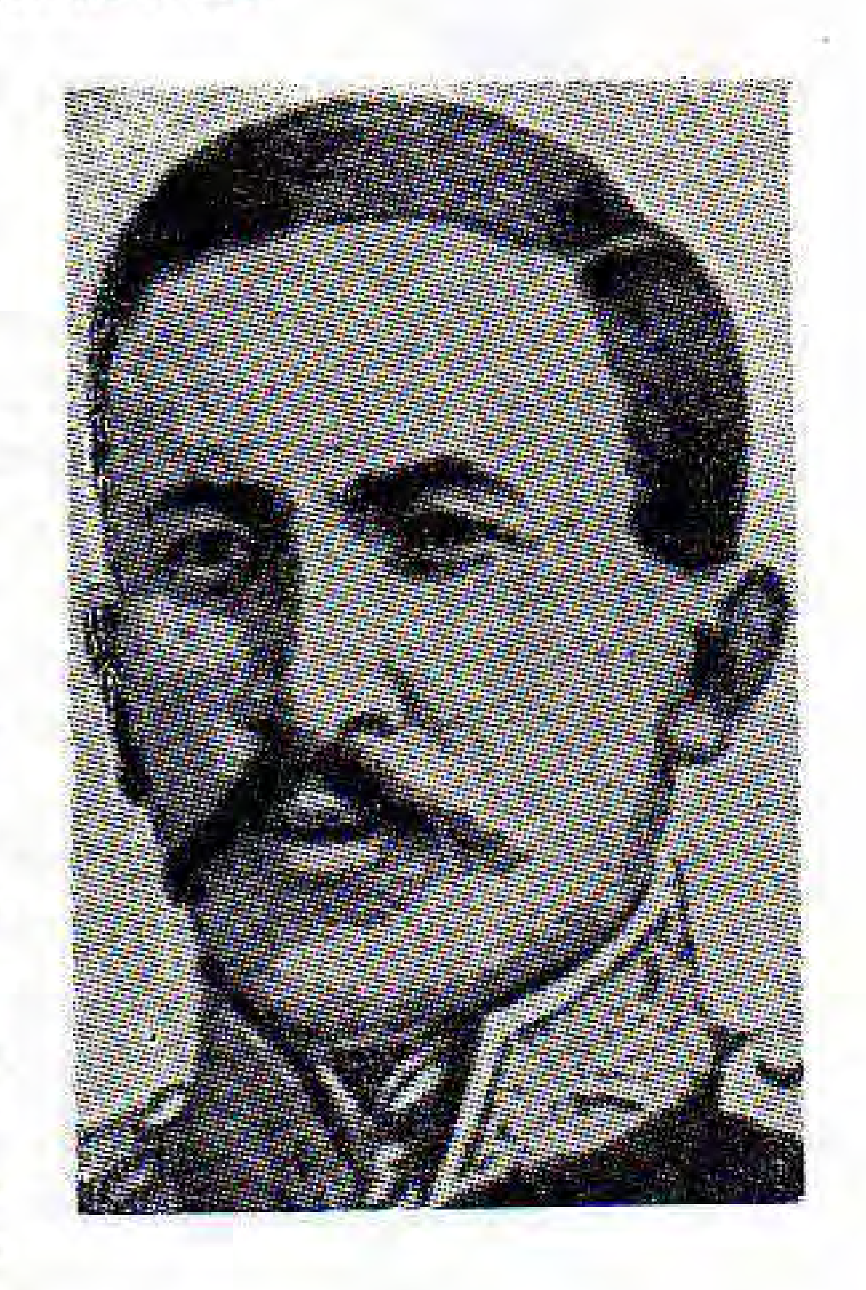
последним **Корниловцам,** до смерти верным России.

ГЕН. КОРНИЛОВ КОРНИЛОВСКОМУ УДАРНОМУ ПОЛКУ

Будьте и впредь, как вы теперь. Все ваши мысли, чувства и силы отдайте Родине, многострадальной России. Живите, дышите только мечтой о Ее величии, счастье и славе. Бог в помощь вам!“

НАШ ШЕФ И НАШ КОМАНДИР

ГЕНЕРАЛ КОРНИЛОВ

Россия больше, чем государство. Иные говорят, что она особый континент. Но Россия больше, чем континент: Россия — стихия. Стихийно пространственны ее необозримые поля и степи, стихийно огромен океан ее лесов, стихийно велик и величествен дух ее народа.

Одним из ярких проявлений российской стихийности был наш, Корниловцев, Шеф, генерал-от-инфантерии Корнилов Лавр Георгиевич. Родился он в толще народной: мать — трудящаяся казачка; отец — отставной хорунжий Сибирского войска, станицы Каркалинской (Западная Сибирь), волостной писарь, в поте лица землю свою обрабатывавший. По народному обычаю, дали младенцу имя в честь святого, поминаемого в день рождения (18-го августа) и стал казачек Лавром: Судьба как бы предопределила, что быть ему увенчанным военными лаврами. Георгиевичем был по отчеству — Георгием 4-й степени был награжден за Японскую войну, а 3-й степени за Карпатские бои; имел и Георгиевское оружие. Лавр Георгиевич —

можно ли подобрать лучшее имя для человека славных дел и воинских подвигов!

В народе родился, народным и остался, несмотря на высокое образование, на чины и ордена. Народный обычай соблюдая, генерал Корнилов, прибыв в Москву на Государственное Совещание, помолился у Иверской часовни и народ, видя коленнопреклоненного Верховного Главнокомандующего, стал молитвенно на колени. Замечателен народный жест: когда Царь наградил Корнилова Георгием 3-й степени, станица Каркалинская собрала ему 100 рублей и послала благословение: не иконой благословила его (как благословляли города и села генерала Куропаткина, ехавшего воевать в Манджурию), а нательным крестом — на теле пусть носит благословение от станичников, от народа. И народным нашим духом дышат слова полководца Корнилова: "Истинный сын народа русского отдает Родине самое дорогое, что он имеет — свою жизнь". Отдал Родине свою жизнь Корнилов, истинный сын народа русского.

Русским природным свойством — талантливостью — был он наделен в полной мере. Ненасытный в любознательности маленький Лавр даже при свете костра — когда в ночном стерег лошадей — читал книги, набираясь знаний для поступления в корпус. Кадет Корнилов первым кончает Сибирский кадетский корпус (1889 г.), юнкер Корнилов первым кончает Михайловское Артиллерийское училище (1892 г.), поручик Корнилов первым окончил Императорскую Академию Генерального Штаба (1898 г.). В училище будучи, берет платные заказы на чертежи, чтобы иметь деньги для оплаты уроков иностранных языков. Потом он изучил языки афганский, персидский, китайский и нескольких народов Центральной Азии. Но он не только любит приобретать знания, он обогащает Россию знаниями: он, служа в Туркестане, географически и этнографически обследует район Кушки, затем полтора года, перенеся невообразимые лишения, изучает Кашгарию (Китайский Туркестан). Потом на протяжении семи месяцев описывал области Восточной Персии Хоростан и Сеистан и прошел неисследованную Дашти-Наумед, Степь Отчаяния. Его книга "Кашгария или Восточный Туркестан" по научной ценности равна трудам знаменитого генерала Пржевальского.

Талантлив он и как офицер: в строю артиллерийской бригады в Туркестане, в Генеральном Штабе на мирной службе, в

командных должностях в дни Японской войны (где он, будучи Начальником штаба Стрелковой бригады, быстро становится Командиром бригады) и в полководчестве на Великой войне (7 дней командует бригадой 49-й пехотной дивизии и уже становится Начальником 48-й пехотной дивизии).

Корнилов, производное от российской стихии, стихийно смел. Генералу Ионову надо было узнать тайну афганской крепости Дейдади в ущелье Гинду-Куша на пути в Кабул и Корнилов, взявши три дня отпуска, скачет переодетый туркменом к этой крепости. Успокаивает подозрительность афганского офицера почтительным поклоном и ответом на языке афганцев: "Великий Абдурахман, эмир Афганистана, собирает всадников в конный полк. Я еду к нему на службу". — "Да будет благословенно имя Абдурахмана", — говорит офицер, не подозревающий, что всадник фотографирует крепость. К концу третьего дня отпуска Корнилов, проскакавши 400 верст, вручает генералу Ионову фотографии: "Ведь вас могли посадить на кол". — "Я это знал". — За эту безумную смелость Корнилов получает Владимира 4-й степени, но (в мирное время!) с мечами и бантом.

При нашем отходе из Мукдена бригада, которой командует Корнилов, оставлена в арьергарде, чтобы обеспечить отступление 2-й Армии; у деревни Вазые японцы окружают доблестную бригаду (25 февраля 1905 года); Корнилов ночью воодушевляет свои батальоны, полки и смело ведет их в штыковую атаку; плотное кольцо врагов разорвано и бригада, унося знамена, увозя пушки, пулеметы и обоз с ранеными, присоединяется к армии. Награда — Георгий. А 23 апреля 1915 года 48-я пехотная дивизия (под водительством генерала Корнилова получившая название Стальной) окружена в Карпатах врагом, опрокинувшим 3-ю Армию. Корнилов приказывает трем полкам прорываться, а с четвертым полком прикрывает их с тылу; когда прорыв удался, он направляет в прорыв и четвертый полк, прикрывая его сзади маленьким отрядом; под командой тяжело раненого генерала отряд дерется пять дней; остаток отряда пробивается горами; при Корнилове остаются пять солдат и санитар. Не позорен их плен — доблестен.

Такие проявления смелости понятны каждому, но многие не хотят видеть смелости в роковом поступке генерала Корнилова в 1917 году: согласившись выполнить поручение Времен-

ного Правительства — объявить Государыне, что Царская Семья будет под арестом — он не мог не сознавать, что, избавляя Царицу от иного вестника (какого-нибудь матроса Дыбенко, свирепого большевика), он впоследствии подвергнется осуждению. Ужели эти осуждающие предпочитают, чтобы вместо корректного генерала, посланного Керенским, во дворец ворвалась, по приказу Нахамкеса-Стеклова, "краса и гордость революции"? Корнилов взял на себя эту мучительную обязанность и, по свидетельству видевших его после этого, выполнил ее с внутренней мукой.

Смелость свою показал он, когда, ставши Главнокомандующим Юго-Западным фронтом отважился, окруженный бандами революционно-распущенных "товарищей", потребовать введения смертной казни. Это, пожалуй, было так же опасно, как то, что он проделал в Китае, где был с 1907 по 1911 год военным агентом: желтолицые тайно от белых формировали отряд войск, обучаемый по-европейски; Корнилов, одевшись китайским мандарином, поехал к отряду, назвался губернатором какой-то провинции, принял парад отряда, произнес по-китайски речь, призывая благословение Конфуция на отряд, и благополучно возвратился в посольство, выполнив изумительную разведку. (Может быть, рассказ об этом — легенда, но легенду о такой смелости могут создать только о человеке, заведомо смелом).

Смелость стоила Корнилову жизни. У Екатеринодара 30-го марта 1917 года адъютант корнет Резак бек Хаджиев умоляет генерала не оставаться дольше на ферме, подвергающейся артиллерийскому обстрелу. "Хан, не будьте паникером". — А на следующий день артиллерийская граната ранит его смертельно. Смерть в бою воина, не дрогнувшего в опасности, снимает с него все вины, людьми ему вмененные; остаются на нем грехи перед Богом. Но легче получить от Милостивого Господа прощение грехов, чем забвение "вин" немилостивыми людьми...

Главная "вина" Корнилова в том, что он был человек стихийного, могучего духа — этого не прощает зависть мелких душонок. Только великан духа мог, будучи узником, почти смертником в Быхове, ковать план спасения России. Он верил в победу над анархией, потому что закалился духом, преодолевая Кашгарскую пустыню, и потому что не впал в отчаяние

в Степи Отчаяния, и потому что в 48-дневном бегстве из австрийского плена, ради свободы и ради возвращения к исполнению своего воинского долга в Армии, поборол и сверхчеловеческую усталость и смертью грозивший голод и нашел в себе еще столько силы, чтобы под огнем пограничников переплыть реку и перебраться на румынскую сторону у Турн - Северина (22-го августа 1916 г.).

Его бегству помог врач австрийского госпиталя, а в бегстве его сопровождал его караульщик Мрняк (не выдержал он тяжкого пути). Их обоих покорил Корнилов, потому что обладал способностью властвовать человеческими душами. Ему, как кумиру, бывали преданы дети природы: и два туркмена, рисковавшие жизнью в разведке крепости Дейдади, и четыре казака и туземца, проделавшие с ним немыслимый путь через Степь Отчаяния, и текинцы, охранявшие его в Быхове. Они видят безнадежность положения — "Ты, бояр, один, мы один, вся Россия против" — и тем не менее сопровождали его (400 верст) при его уходе из Быхова, пока сам Корнилов не снял с них клятвы и не отпустил их. Преданными ему были Корниловцы в Могилеве, когда вооруженная чернь в исступлении вопила "Смерть Корнилову!!!" Преданной ему была маленькая, но духом великая Добровольческая Армия: сколько офицеров застрелилось, узнавши о смерти вождя.

У Корнилова было присущее великим полководцам свойство — зажигать сердца. При формировании Корниловского Ударного отряда к капитану Неженцеву шли добровольцы потому, что отряд был Корниловский. На Дону к нему потянулась чистая сердцем молодежь. Во время Московского Совещания все Совещание и вся национальная часть Москвы поклонились ему, как Надежде России.

И другим полководческим свойством был он богат: мужеством. Генерал Брусилов в своих записках говорит, что Корнилов ставил свою дивизию в излишне опасные положения. Этот Трусилов, за всю свою жизнь не понюхавший пороха, не хочет признать, что Корнилов бесстрашно шел и бесстрашно вел через опасности к победе. Другой клеветник (нынешний) говорит, что не погибни Корнилов у Екатеринодара, он бы погубил всю Армию, штурмуя этот город. Трусы, вероятно, говорили перед штурмом Измаила, что Суворов погубит все войско: военные бездарности не понимают, что великим полковод-

цам сопутствует победа. Пружина стальной воли Суворова, Кутузова, Скобелева давала войску волевое движение к победе. Пружина воли Корнилова была стальной.

В период революции Корнилов сделал головокружительную карьеру: с должности Командира 25-го Армейского корпуса назначен Государем Командующим Войсками Петроградского Военного Округа (2-III-1917), потом (в мае) получает в командование 8-ю Армию, затем (7-VII) назначается Главнокомандующим Юго-Западным фронтом и вскоре (19-VII) Верховным Главнокомандующим. Но не революция выдвигала его, а, наоборот, потребность в контрреволюции, потребность в человеке, который мог бы остановить скольжение России в анархию. На Московском Государственном Совещании (13-15-VII) генерал Корнилов заявил: "Россия гибнет" и устами Родичева Совещание ответило ему: "Спасите Россию!"

Но Москва не послала в Ставку политически опытных людей — приехал какой-то Завойко и он не уберег Корнилова от провокации: генерал высказался за введение диктатуры, а Керенский увидел в нем Бонапарта и отчислил его, объявив изменником (26-VIII). После разговора с Керенским застрелился генерал Крымов, которого Корнилов послал с Конным корпусом для упрочения власти в столице. Керенский предал Корнилова суду, а Россию предал Ленину.

Почему Корнилов подчинился? Почему не сверг Керенского? — Потому что он был солдатом, а не революционером: прощальный приказ Императора повелевал подчиняться Временному Правительству.

Девизом Корнилова было: "Страшна не смерть, страшны позор и бесчестие". Позором и бесчестием было бы подчиниться Ленину и Корнилов пошел туда, где его ждала смерть в бою. Пошел к генералу Алексееву.

Вместе с ним поспешили на Дон и Корниловцы. В письме к полковнику Неженцеву (из Быхова) он назвал себя старшим Корниловцем. Это обязывало Корниловцев идти за Корниловым до конца. Это обязывает нас, Корниловцев, чтить до смерти заветы и память генерала Корнилова.

ПОЛКОВНИК НЕЖЕНЦЕВ

Штабс-капитан Неженцев Митрофан Осипович уже прошел два курса Императорской Военной Академии, когда был, по мобилизации 1914 г., возвращен (как все слушатели Академии) в свой полк — 58-й пехотный Прагский (стоянка в Николаеве). Мы, офицеры 15-й Артиллерийской бригады, стоявшей в Одессе, не знали офицеров Прагского полка. Уже на походе познакомился я с Неженцевым. Первое впечатление было неблагоприятное: "момент" ("моментами" называли строевые офицеры тех офицеров Генерального Штаба, которые считали себя небожителями по сравнению с неимевшими высшего образования). Мы все, по приказу, надели солдатские гимнастерки и шинели, Неженцев же остался в кителе, а солдатскую шинель перешил по фигуре. Его франтоватость увеличивалась тем, что он носил запрещенное офицерам пенсне (разрешались очки). Говорил он, растягивая слова, и часто с иронией. Но во всем этом не было ничего напускного и за всем этим обреталась прекрасная офицерская душа: Митрофан Осипович был храбр, мужествен, тверд волей, но мягок, сердечен в отношении сотоварищей и подчиненных. На походе и в боях я, адъютант артиллерийского дивизиона, часто бывал вместе с ним в колонне, на наблюдательном пункте, в штабной избе, потому что командир полка, полковник Кушакевич, используя его военные познания, назначил его на нештатную, но необходимую должность тактического адъютанта. В этой должности он оказался чрезвычайно ценным: обладая тактическим чутьем, знанием дела, находчивостью, он служил великолепным дополнением к своему полковнику, храбрецу, строевику, но не тактику.

Было ясно, что Митрофан Осипович — большой военный талант, для которого боевой участок пехотного полка слишком малое поле деятельности. К лету 15-го года он был переведен в

Генеральный Штаб и получил штабное назначение. Расставшись с ним друзьями, мы стали изредка переписываться.

В начале лета 17-го года получил я от него письмо: он решил формировать добровольческий ударный отряд в 8-й Армии и рекомендовал мне сделать то же в 4-й. Я ответил, что, хотя и Начальник штаба 15-й дивизии, я никому в Армии не известен и потому никто за мною не пойдет. За Неженцевым же пошли, потому что он умел заражать людей своей энергией, своим оптимизмом и своей уверенностью в полезности предпринятого им дела.

А дело было, действительно, полезным и необходимым: развивающейся в Армии анархии противопоставить дисциплину, чувство воинского долга и солдатскую волю к победе. Будучи Помощником начальника Разведывательного отделения Штаба 8-й Армии, он соприкоснулся с поставленным во главе Армии генералом Корниловым и сразу стал Корниловцем: "Я почувствовал, что за Корниловым пойдут хоть на край света" (слова Неженцева). И сердцевед-Корнилов почувствовал в Неженцеве крепкого воина и великолепного офицера. Он согласился с мыслью Неженцева об ударном отряде и приказал формировать его, не взирая на несочувствие штаба этому делу. Такое же несочувствие встретил полгода спустя и полковник Дроздовский в Штабе Румынского фронта: штабы опасались, что революционные солдаты устроят офицерам "Еремеевскую ночь" (Варфоломеевскую), если начнется формирование отрядов порядка и долга.

Первый бой Корниловского Ударного отряда (25 июня у деревни Павелче) был для капитана Неженцева и первым экзаменом по трудному предмету "командование в бою". И командир Отряда и Отряд блестяще выдержали экзамен. Отряд был развернут в Корниловский Ударный полк — самый молодой полк Российской Армии. Через полгода он стал самым старым полком Добровольческой Армии.

Для характеристики Неженцева необходимо привести два эпизода: после боя у Павелче Керенский прислал по пяти Георгиевских крестов на роту; подполковник Неженцев отказался от них; предлог отказа — все одинаково отличились; причина отказа — презрение к адвокату-военному министру. Второй случай: после боя в Киеве против украинцев и большевиков Корниловский полк выпускают из захваченного красными города,

но Неженцев не соглашается уйти с Полком, пока не было поездами отправлено в Екатеринодар Константиновское Военное училище — оно дралось плечом к плечу с Корниловцами и Корниловец-Неженцев не бросил их на большевицкую расправу.

Великолепны были верность, преданность Неженцева и Корниловцев ген. Корнилову в смутные Могилевские дни и в опасные Быховские недели. Это оценил смещенный и арестованный генерал и, вручая Неженцеву приказ о движении на Дон, благословил своих Корниловцев на ратные подвиги за честь России и ее Армии.

Полковник Неженцев выполнил этот завет до смерти в бою, тысячи Корниловцев тоже.

Суворов из своих сподвижников более всего любил Багратиона — они были одинакового духа. Так и Корнилову всех ближе был Неженцев: полководец и полковник были духовно нераздельны. Смерть разделила их только на одну ночь — полковник был убит 30-го марта, а полководец 31-го, — но воинская слава соединила их на-веки.

Проф. Ген. Штаба полковник
Месснер

ПЕРВЫЙ ИЗ ПЕРВОПОХОДНИКОВ

Первопоходники назвали Первый поход Первым Генерала Корнилова походом, потому что Корнилов вел их к славе и возглавил их в смерти за Россию. Но для Генерала Корнилова поход этот не был первым в его борьбе против разрушителей Отечества.

Его первый поход был неудачен: на посту Командующего Войсками Петроградского Воен. Округа он не мог совладать с большевизмом, потому что постоянным безвластием было то, что называлось Временным Правительством.

Во втором походе он, Командующий 8-й Армией, велит создать Корниловский Ударный отряд (впоследствии полк), который в июньском наступлении 1917 г. своим блестящим бое-

вым прорывом показал революционным "товарищам" Керенского пример воинской доблести, а когда они все же побежали, то суровыми мерами остановил бегство и бесчинство восьми армейских корпусов.

Как Главнокомандующий Ю.-Западным фронтом, он предпринимает поход против развала Армии и против дряблости правительства и требует введения смертной казни на фронте — в глазах Революции Генерал Корнилов становится воплощением Контрреволюции.

Четвертым походом было выступление Верховного Главнокомандующего Генерала Корнилова на Московском Совещании, где члены Совещания и Москва и вся не-большевицкая Россия провозгласили его Надеждой Родины, почувствовавшей, что ее умерщвляют.

Опираясь на народное доверие, Генерал Корнилов предпринимает пятый поход и требует от Керенского установления диктатуры. Чудовищная провокация низвергает Корнилова, пытавшегося спасти Россию и от Керенского и от Ленина.

В шестом походе — из Быховской узницы в Ростов к Генералу Алексееву основоположнику Белой Борьбы — Генерал Корнилов идет и своих сподвижников-быховцев и Корниловский Ударный полк разными путями направляет к единой цели: послужить России под знаменем, поднятым Генералом Алексеевым.

И, наконец, — седьмой поход, называемый Первым: старт Белого Движения на юге, востоке, севере и западе России.

Корниловской Арт. бригады фейерверкер

К. Ассеев

"...Мы уходим в степи. Можем вернуться только, если будет милость Божья. Но нужно зажечь светоч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы".

Из письма Генерала Алексеева.

ЗАРОЖДЕНИЕ КОРНИЛОВСКОГО УДАРНОГО ПОЛКА

Грозные события, связанные с отречением от престола Государя Императора Николая II, Штаб 8-й Армии переживал в Буковине, в городе Черновицах. На фронте Армии никаких боевых операций не происходило. Войска лишь частично занимали позиции. Противник нас не тревожил, чем были довольны разнузданные войсковые части. Солдаты бездельничали, митинговали и жили в окопах привольно: кипятили чай, варили краденую картошку.

Оперативная работа в Штабе притихла. Офицеры засиживались в своих канцеляриях и изливали свою горечь в беседах о мерах спасения фронта и поднятия боеспособности Армии, забывшей свой священный долг перед Родиной. Армия таяла... фронт разваливался... Нужны были немедленные и героические меры. Как на одну из таких указывали: формирование Добровольческой Армии. В этих собеседованиях участвовал и Помощник Старшего адъютанта Разведывательного отделения Ген. Шт. капитан Неженцев. И он стоял за добровольческие формирования, но — видя, что время не терпит — предлагал и настаивал на формировании на добровольческих началах только ударных отрядов при штабах ар-

мий, корпусов, дивизий; на формировании из добровольцев, готовых пожертвовать свою жизнь за Веру, за Родину, за Честь Армии. Митрофан Осипович хорошо продумал идею ударных отрядов. В них он видел воскресение Русской Армии.

5-го мая 1917 года капитан Неженцев подал обширный доклад на имя Командующего 8-й Армией. В нем он глубоко проанализировал причины развала войска и утверждал, что добровольческие ударные отряды подымут дух войсковых частей. Он верил в победу, потому что, как офицер Разведывательного отделения, знал, что происходящее братание подорвало и у противника, у австрийцев, охоту воевать. Неженцев просил разрешения приступить к формированию: "Берусь организовать, выучить и повести отряд в указанном направлении. Испрашиваю только разрешение на организацию отряда и прошу содействия в комплектовании, вооружении, снабжении всеми боевыми и жизненными средствами... Полагаю, желающих "активно" обороняться будет достаточно. Пойдет Ударный отряд, верю глубоко, ринутся за ним и части" — писал в своем докладе капитан Неженцев.

Только что назначенный Командующим 8-й Армией генерал-лейтенант Корнилов понял значение мысли Неженцева и почувствовал, как высоки офицерские качества Неженцева. 19-го мая приказом по Армии разрешено формирование "1-го Ударного отряда при VIII-й Армии". Командиром отряда назначен капитан Неженцев.

Молодой и волевой Командир 1 Ударного Отряда с первых же дней своего командования проявил редкие организационные способности. С неутомимой энергией, с умением и большим тактом обходил он казавшиеся непреодолимыми препятствия на пути создания отряда, его снабжения, питания и проч. Не встретил Митрофан Осипович сочувствия своему назначению среди своих сослуживцев по Штабу Армии. Однако это ему не помешало создать Штаб Отряда: Начальником Штаба Отряда он выбрал помощника Старшего адъютанта Общего отделения Генерал-квартирмейстерской части Штаба Армии капитана Леонтьева; своим помощником назначил гвардии капитана Агапова; адъютантом — поручика князя Ухтомского.

Гораздо сложнее была задача укомплектования офицерами и солдатами: вербовать солдат было разрешено лишь в запас-

ных частях и тыловых учреждениях, но не в войсковых, фронтовых. Что же касается офицерского состава, то комплектовать его Штаб Армии разрешил лишь из числа прапорщиков, прибывающих на фронт по окончании военных училищ. Неженцев устремился в запасные батальоны и пулеметные курсы, находившиеся в распоряжении Генерал-квартирмейстера Штаба Армии. Своими патриотическими беседами он так повлиял на молодых людей, офицеров и солдат, что они охотно записывались в Отряд. Записывались и люди из разных тыловых учреждений Штаба, равно как и из проходивших через Черновицы воинских команд, и ополченцы. По просьбе капитана Неженцева, в самом начале формирования) из фронтовых частей прибыло 6 штабс-капитанов на должности командиров рот.

Но вот новое затруднение к переходу Отряда к полной самостоятельности: нет хозяйственной части, нет кухонь. Штаб Армии снабдить не мог. Однако пришел на помощь Уполномоченный Красного Креста при 8-й Армии Г. Г. Лерхе: прикомандировал к Ударному Отряду 3-й Питательный пункт с сестрами Д. К. Мелиховой и З. А. Нечаевой. Трудно было добывать пулеметы, минометы; горную батарею обещали придать отряду, когда он станет на позицию. В муках рождался Отряд. Были и внутренние трудности: часть ударников оказалась недисциплинированной (насилия над жителями, стрельба из озорства), что вызвало негодование исправных — капитан Неженцев выгнал из отряда все "буйные головушки", всех "слишком хлебнувших свободы". Были и внешние трудности: в Черновицах шла травля Отряда: его называли контрреволюционным. Неженцев посылал на митинги в городе ораторов, которые опровергали это обвинение, доказывая, что ударники объединены лозунгом "Один за всех, все за одного" для подачи примера выполнения долга перед родиной.

Отряд был сформирован и 1-го июня капитан Неженцев отдал приказ № 1 по 1-му Ударному Отряду 8-й Армии имени генерал-лейтенанта Корнилова (уже в 20-х числах мая Неженцев просил Командующего Армией о принятии им на себя шефства и о присвоении Отряду нарукавного знака с изображением черепа, мечей и надписью "Корниловцы"). Отряд был переведен в село Стрелецкие Куты. Здесь было сформировано 8 гренадерских рот, 2 пулеметные команды, команда связи (из солдат трех

телеграфных рот), нестроевая рота и команда разведчиков (из казаков сотни войскового старшины Дударева, 38-го Донского казачьего полка, и из военнопленных чехов); из повозок Армейского транспорта составлен был обоз. Производилось обучение и сколачивание Отряда. Генерал Корнилов часто посещал Отряд и своими высокопатриотическими речами, полными любви к Родине и Армии, зажигал сердца молодых ударников готовностью пожертвовать собой ради спасения гибнущей Матери-Родины и Русской Армии. На 10-е июня Шефом Отряда был назначен смотр в полном составе, в боевом снаряжении, с касками на головах.

Настала торжественная минута... Пронеслась команда: "Слушай, на краул!" Полились звуки встречного марша... Строй застыл... Горевшие блеском радости глаза ударников были устремлены на их обожаемого Шефа. Генерал Корнилов, обойдя фронт и став в середине четыреугольника, образуемого строем Отряда, вручил коленопреклоненному капитану Неженцеву знамя Отряда. Знамя состояло из двух полотнищ: красного и черного; на нем: череп и надпись: 1-й Ударный Отряд. В этот знаменательный день ударники стали называться Корниловцами — эта надпись украшала их нарукавную эмблему.

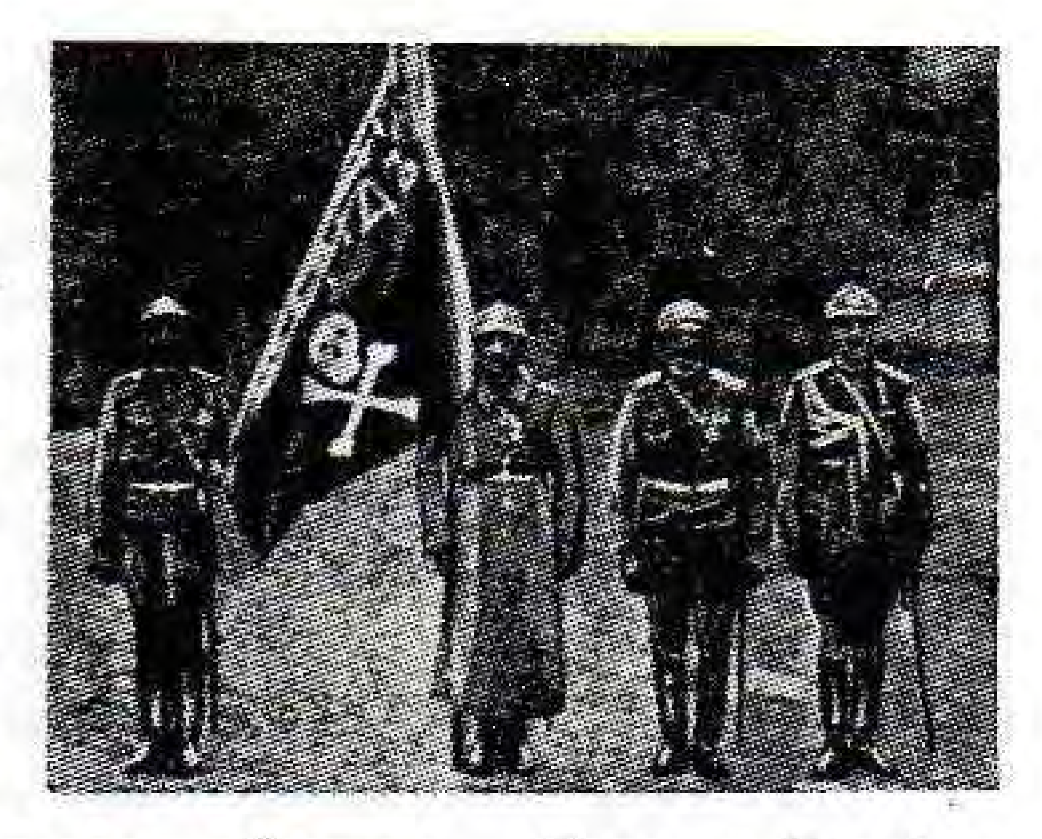
В своей краткой, патриотической речи, обращенной к Корниловцам-ударникам, генерал Корнилов звал свой Ударный отряд на подвиг и жертвы ради спасения Родины и славы Русской Армии.

Так 10-го июня 1917 года в хаосе революции и во время тяжелой войны родилась, на принципе добровольчества, новая войсковая часть Армии России:

1-й УДАРНЫЙ ОТРЯД ИМЕНИ ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА

***

После смотра Отряд продолжал подготовляться к предстоящим боевым операциям. Но, эти занятия продолжались не долго: пришел приказ о выступлении на фронт, в составе XII Армейского корпуса, где, сменив части 1-й Заамурской Пограничной пехотной дивизии,

стать на участке против деревень Ямница — Павелче. Это был самый важный участок на фронте 8-й Армии.

Как электрическая искра, пробежала эта весть среди ударников... Все заговорили о фронте и с этого момента помыслы всех Ударников были сосредоточены там, на боевом участке. Молодому Ударному отряду предстояло принять боевое крещение прорывом сильно укрепленной неприятельской позиции, насыщенной большим числом пулеметов и бомбометов и многими артиллерийскими орудиями всех калибров. Позиция была опутана густой сетью проволочных заграждений. Капитан Неженцев распорядился смену Заамурцев произвести ночью с соблюдением полной тишины; запрещено было курить... Печальную картину представляли собою окопы, которые Заамурцы передавали Корниловцам: всюду грязь и разорение. Пришлось все приводить в порядок, строить пулеметные гнезда, возобновлять прикрытия и т. д. Пулеметчики занялись пристрелкой намеченных целей. Когда люди освоились с окопами и местностью, приступили к разведке; приводили пленных. Командиры взводов приготовляли людей к предстоящей атаке, давая практические указания. Ударники просили разрешения перед атакой оставить вещевые мешки, чтобы взять больше ружейных патронов и ручных гранат. Это было разрешено.

Генерал Черемисов, Командир XII Армейского корпуса, вызвал к себе Неженцева и сказал ему, что, по постановлению комитета, корпус не пойдет в атаку, пока п р е д в а р и т е л ь н о не будут ликвидированы тяжелые немецкие ору-

дены: капитан Неженцев, подпоручик Лахтионов и прапорщик Мазин — Георгий 4 ст.; 11 офицеров — Владимир 4 ст. с мечами и бантом; 1 офицер — Анна 2-й ст. с мечами; 35 офицеров — Анна 4-й ст. с надписью "За храбрость"; все ударники получили Георгиевские кресты, и обе сестры милосердия — Георгиевские медали 4-й степени.

После многих удачных боев Ударный отряд был отведен в гор. Проскуров, где 6-го июля началось переформирование его в полк. Верховный Главнок. генерал Корнилов приказом № 796 объявил (§-1-й): "Корниловский Ударный отряд считать переформированным в 4-хбатальонный полк с 1-го августа 1917 г.". В бою у дер. Ямницы Корниловское знамя было разорвано осколками артиллерийской гранаты. Честь и слава Корниловскому Ударному полку!

Рожденный в огне Первой Мировой войны и в море крови революции, он своими подвигами и сказочной храбростью показал, что не перевелись на Руси Суворовские чудо-богатыри. Генерал Корнилов и капитан Неженцев, воистину, себе воздвигли памятник нерукотворный. Россия их не забудет! Слава им во веки!

Полковник Леонтьев

***

10-го июня 1917 г. Отряд получил Знамя и шефство. Он назывался Отрядом, хотя был, в сущности, полком, имея в своем составе 3000 бойцов и 3 пулеметные команды. В приказе 8-й Армии от 11-го августа 1917 г. за № 796 (§ 1) было сказано: "Корниловский Ударный отряд считать переформированным в 4-хбатальонный полк с 1-го августа с. г.". Этот приказ не создал новую войсковую часть, но лишь переименовал Отряд в Полк, а поэтому за Полком осталось старшинство Отряда. Таким образом старшинство Корниловского Ударного полка считается с 10-го июня 1917 г.

***

....Полк учит нас терпеть безропотно лишенья
И жертвовать собой в пылу святого рвенья.
Все благородное: отвага, доблесть, долг,
Лихая удаль, честь, любовь к Отчизне славной,
К великому Царю и Вере Православной —
В едином слове том сливается: НАШ ПОЛК.

К. Р.

НА ПРИЗЫВ ГЕНЕРАЛА АЛЕКСЕЕВА

После дня яркой победы Корниловского Ударного отряда у Павелче, после светлых боевых дней, когда 8-я Армия, по примеру Корниловцев, пошла в наступление, настали темные дни. Темные для Корниловцев, для Войска, для России: товарищи Керенского всем армейским множеством побежали от врага. Подобного позора не знала наша военная история.

Тут изменился смысл существования Корниловского отряда: создан он был, чтобы быть примером воинской доблести в среде разлагавшейся Армии — теперь же он стал примером воинского порядка в среде развалившейся Армии. Он стал борцом против большевизма, захлестнувшего Армию. Свои победоносные штыки он обратил против трусости и буйства, потив шкурничества и грабежа. Разнузданная толпа отождествляла себя с революцией (и большевизм себя с нею отождествлял) — Корниловский Ударный отряд стал первым вооруженным борцом контрреволюции и контрбольшевизма. Он начал

Гражданскую войну за полгода до ее официального начала, возвещенного ноябрьским воззванием генерала Алексеева.

Капитан Неженцев своим Отрядом останавливал бегущие массы и в то же время выполнял боевые задачи, затыкая дыры в расползавшемся фронте. Положение было невыносимо тяжелое и Неженцев шлет 13-го июля рапорт Корнилову, Главнокомандующему Юго-Западным фронтом:

> ...армии деморализованы и дезорганизованы... (Корниловцы) не могут закрыть все "щели"... в тыл уходят тысячи солдат... что вызывает озлобление Отряда, который расправляется с ними, начиная от порки розгами до расстрела... части начали относиться недружелюбно, видя в Отряде "усмирителей"... за Отряд ухватились все: ...Отряд с 10 по 13-е июля входил в состав 22-го, 45-го, 6-го... вновь 45-го корпусов... во имя долга докладываю о вышеизложенном, т. к. чувствую, что Отряд может дать России очень много. При теперешней же обстановке он рассыпается (что могут сделать 800 штыков, когда бегут армии?) и исчезнет без остатка.

Еще 6 дней Отряд производил разведки, выставлял сторожевое охранение на брошенных полками участках. 19-го июля Командующий 7-й Армией, по указанию генерала Корнилова, приказал Отряду поступить в армейский резерв, ставши у Проскурова. Отряд стал разворачиваться в полк. Добровольцы приходили отовсюду.

25 августа Полк, следуя на Северный фронт, был выгружен в Могилеве, по приказу Верховного Главнокомандующего генерала Корнилова. Верховный сделал смотр молодецкому Полку, имевшему 3.000 штыков. Вслед за этим торжественным днем наступили трагические дни: генерал Корнилов обратился к русским людям со словами: "Великая наша Родина умирает... очнитесь от безумия", а Керенский вещал всем, всем, всем: "Товарищи, час испытания нашей верности свободе, революции настал". Правительство в Петрограде отчисляет генерала Корнилова, предает его суду, а солдатская толпа в Могилеве вопит: "Смерть Корнилову!" Корниловский Ударный полк и Текинский конный полк сплотились вокруг генерала Корнилова.

Посовещавшись с генералом Алексеевым, Корнилов решает подчиниться правительству. Его арестовывают (1 сентября) и

затем сажают в Быховскую тюрьму. Новый Верховный Главнокомандующий адвокат Керенский (он не забыл, вероятно, что Неженцев от имени Отряда отказался от тех 20-ти Георгиевских крестов, которые прислал Военный Министр Керенский) намеревается отнять у Полка наименование "Корниловский" и даже расформировать его. Полковник Неженцев предлагает отправить Полк в русскую бригаду во Франции и получает отказ. Выход найден в том, что Полк включается в 1-й Чешский Гуситский корпус. В июне Корниловцы приняли в свой состав 138 чехов-добровольцев, теперь чехи приняли к себе весь Полк.

В конце сентября Полк направлен в Киев, где восстали Петлюра и Пятаков, украинский сепаратист и большевицкий комиссар. Сопротивление им оказали Корниловцы вместе с юнкерами Константиновского военного училища. Но утвердилась власть Центральной Рады, юнкера отправились на Дон, Корниловцы снова в Чешский корпус.

Генерал Корнилов в Быхове вручил полковнику Неженцеву приказ направиться с Полком к генералу Алексееву, который на Дону поднял знамя борьбы за Россию. Конечно, приказ этот был выполнен. О значении генерала Корнилова в те дни так пишет проф. генерал Головин: "Побежденный Керенским генерал Корнилов приобретает теперь в глазах офицерства такой ореол, который выдвигает его как неоспоримого главу контрреволюции. Заключение же в Быхове становилось своего рода моральным стажем для выдвижения на верхи Белого Движения".

32 пулемета и имущество Корниловск. Ударн. полка было, стараниями Корниловцев, доставлено в Новочеркасск, Ударники же пробирались туда партиями и в одиночку. Наименование "Корниловец" было ненавистно большевикам. Корниловцев хватали и расстреливали. На Дон прибыло 500 человек.

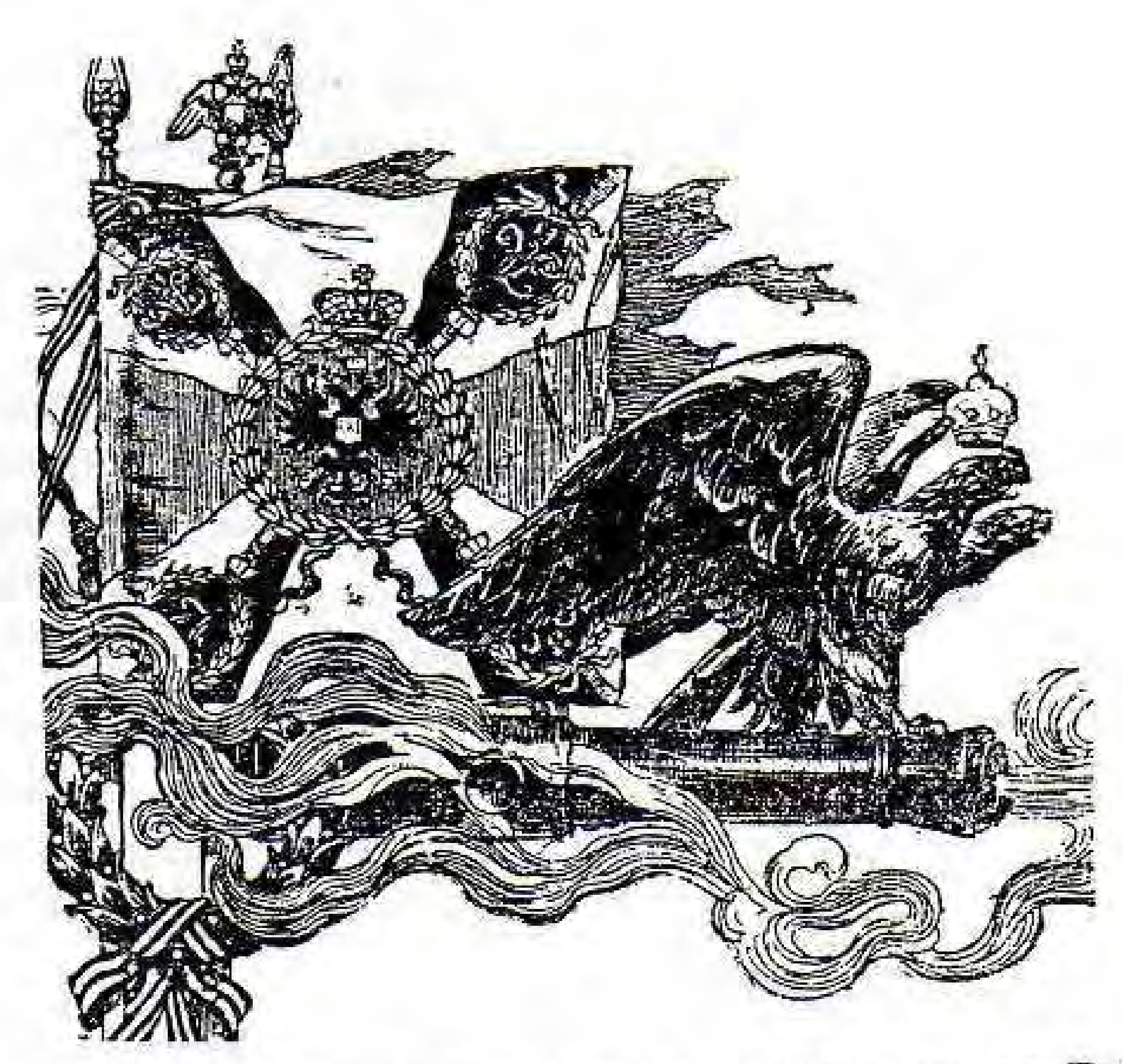
Корниловцы несли гарнизонную службу в Ростове, а их сводная рота дралась у Таганрога в составе отряда полковника Кутепова; в январе она была сменена Офицерской ротой Корниловского полка. Тяжелы, но доблестны были действия малого отряда против многочисленного врага — в том числе целой латышской дивизии, но Корниловцы выполняли вековой завет Петра Великого: "на тысячу смертей устремляться без боязни".

На тысячу смертей устремились они, идя в 1-й генерала Корнилова поход.

Корниловский Ударный полк был сформирован в Действующей Армии Российской. По установленным законам, правилам и воинским обычаям получил он Знамя, наименование, старшинство. При начале формирования в Ростове на Дону Добровольческой Армии он вошел в нее **как полк**, имея изорванное в бою знамя, командира, приказом по Армии утвержденного, офицерский, унтерофицерский и солдатский состав — численностью в 500 чел. — и оружие (32 пулемета), а также полковое имущество.

Этим своим прибытием в Добровольческую Армию он — символически — **дал ей преемственность от Императорской Армии.**

Дальнейшая преемственность следовала так: от Добровольческой Армии — Вооруженным Силам Юга России; от них — Русской Армии генерала Врангеля; от нее — Русскому Обще-Воинскому Союзу, учрежденному в Зарубежье генералом Врангелем, нашим Главнокомандующим.

КОРНИЛОВЦЫ В БОЯХ

Я имел высокую честь всю Гражданскую войну провести в рядах Корниловцев: около года был в нем офицером на положении рядового; мне выпала честь быть от Полка в охране Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны; закончил свою службу Командиром 2-го Корниловского полка. Это дало мне возможность наблюдать боевую жизнь Корниловцев и, по сохранившимся у меня документам, даже подготовить "Материалы по истории Полка".

Пользуясь этими "Материалами", я опишу в следующей главе этой Памятки действия Корниловской Ударной дивизии в одной из самых трудных операций войны — Орлово-Кромской,— решившей участь всех Вооруженных Сил Юга России. Несмотря на значение этой операции, как для наших Вооруженных Сил, так и для Корниловского Ударного полка, все же она не может в достаточной мере осветить всю жизнь Полка и всю жертвенность Корниловцев.

Обычно считают, что доблесть войск и их жертвенность якобы проявляются только в победоносных операциях, а не там, где им приходилось отступать, хотя бы даже и не по их вине. Так было под Орлом, где Корниловцам, в итоге жестоких и беспре-

рывных боев, пришлось отступать, проявив при этом исключительную жертвенность и свой ударный порыв.

Для того, чтобы оставить память о славных боях Корниловцев, я (за не имением достаточного места для этой моей статьи) приведу только кратко отзывы о них наших военных авторитетов. Военный историк, проф. генерал Н. Н. Головин, в своем предисловии к книге "Корниловский Ударный полк", вышедшей в Париже в 1936 г., пишет так:

> Вниманию читателей предлагается книга: "Корниловский Ударный полк". Составитель книги опытный писатель. Интереснейший документальный материал в талантливом изложении М. А. Критского, от первой до последней страницы будет держать читателя в напряженном состоянии. Перед ним ярко предстанет крестный путь доблестных Корниловцев. Как драгоценные камни блестят проявления высокого героизма на мрачном фоне братоубийственной войны. Не сомневаюсь, что читатель сам оценит книгу "Корниловский Ударный полк". Я же, как военный историк, хочу здесь обратить внимание на другую, еще не написанную книгу, но которая должна быть написана. Я говорю про "Историю Корниловского Ударного полка". Выдержки из сохранившихся в руках Корниловцев документов, приведенные Критским в книге, показывают, как нужна эта полная история Полка. . . сохранить эту полную картину Корниловской доблести нужно для возрожденной России. Воинская доблесть — далеко не столь часто встречаемое качество, как это принято думать. Поэтому народ, в армии которого много доблести, может взирать на свое будущее спокойно, несмотря на свое мрачное настоящее.

А какую высшую доблесть проявили Корниловцы — свидетельствует сухой язык цифр. С 25-го июня 1917 г. по 1-ое ноября 1920, т. е. за сорок месяцев своей борьбы с большевиками, Корниловский полк, а впоследствии полки Корниловской дивизии выдержали 570 боев (в это число не входят бои, которые вели отдельные батальоны или роты) и потеряли убитыми — 13.674 человека, ранеными — 34.328, а всего — 48.002 человека. Вот распределение этих потерь:

	Убито	Ранено	Всего
Начальников дивизии		2	2
Командиров полков	4	15	19
Командиров батальонов	64	125	189
Командиров рот	472	1100	1572
Младших офицеров	4781	11500	16281
Ударников	8327	21500	29827
Военных чиновников	15	48	63
Докторов	3	12	15
Сестер милосердия	8	26	34
ИТОГО	13674	34328	48002

> Перечень имен погибших бережно хранится... Имена эти должны быть дорогими не только Корниловцам, но и всем людям, в груди которых бьется русское сердце. Неужели же в нас так мало национального самосознания, что мы допустим, чтобы время стерло с нашей памяти все морально-красивое нашего прошлого? Неужели наша эмиграция, празднующая каждый год праздник Русской Культуры, не проникнется мыслью о настоятельной небходимости сохранить память о существеннейшей части этой культуры — о Русской Доблести?..
>
> **Генерал Н. Головин**

Родоначальником Корниловцев является "1-й Ударный Отряд" Ген. Шт. капитана Неженцева Митрофана Осиповича, которому генерал Корнилов на параде 10-го июня 1917 года вручил полковое знамя и дал согласие на свое шефство. Из обращенной к Отряду речи генерала Корнилова знаем и о назначении его:

> ...вы, добровольцы и ударники, поклялись воодушевлять всех слабых духом. На ваших рукавах нашит символ смерти — череп на скрещенных мечах. Это значит — победа или смерть. Страшна не смерть, страшны позор и бесчестие...

Дальнейшие подробности о формировании Отряда и его первой победе у Ямницы и Павелче дает нам в Памятке ныне здравствующий Начальник Штаба 1-го Ударного Отряда, полковник Леонтьев Константин Иванович.

11-го августа 1917 г. генерал Корнилов подписал приказ № 796, § 1-й которого говорит: "Корниловский Ударный отряд

считать переформированным в четырех-батальонный полк с 1-го августа с. г.". 16 августа **ВСЕ** Корниловцы за свои бои на Юго-Западном Фронте были награждены Георгиевскими крестами. Командующий 7-й Армией каждому Корниловцу приколол на грудь символ храбрости и жертвенности за Отечество.

Отрешение генерала Корнилова от должности Верховного Главнокомандующего Полк трагически переживал, но остался ему верен и получил за это от своего Шефа прощальный приказ такого содержания:

> Сегодня я сдал должность Верховного Главнокомандующего генералу-от-инфантерии Алексееву. В конце мая, когда наш русский солдат стал колебаться, ваш Полк зародился; в конце июля, после славных Станиславских боев, ваше имя — носителей чести и доблести воинской — прогремело по свету. Будьте и впредь такими, как вы теперь. Все ваши мысли, чувства, силы отдайте Родине — многострадальной России. Живите, дышите только мечтой о Ее величии, счастье и славе. Бог в помощь вам!
> 1-го сентября 1917 г. Генерал Корнилов.

Этот приказ спаял воедино Корниловцев, вдохнул в них дух бодрости, который помог их ударному Полку перейти на фронт начавшейся Гражданской войны в составе 500 человек со своими 32-мя пулеметами и с хозяйственной частью.

После обороны города Ростова н/Д полк выступает в 1-й Кубанский поход, пополненный Партизанским, чисто офицерским батальоном полковника Симановского (500 штыков) тоже имени генерала Корнилова и ротой Георгиевского полка полковника Кириенко. Полк в составе Добровольческой Армии, под командованием своего Вождя и Шефа, окруженный противником, победоносно идет, чтобы среди Кубанского Войска "зажечь светоч" борьбы за честь России. Магическая сила генерала Корнилова вела тогда не только один Корниловский Ударный полк, но и все части Добровольческой Армии. В статье Ген. Шт. полковника Николаева дается такая оценка 1-го Кубанского похода:

> Как же расценивают поход военные авторитеты, с мнением которых необходимо считаться, так как на основании этих мнений будет писаться общая история Государства Российского? Видный военный историк Ген.

Шт. полковник Зайцов говорит, что "1-й Кубанский поход, будучи типичным корволантом Петра Великого, является просто военно-исторической загадкой. Оставив базу, говорит он, идя в неизвестное будущее, добровольцы прошли сквозь большевицкое море туда, куда хотели, что можно объяснить только силой духа и любовью к Родине первых добровольцев. Великая Россия — заканчивает он описание похода — родила горсть небывалых героев и военная история, в сущности, еще не имела примера такого необычного подъема духа, который был проявлен в походе генерала Корнилова".

Такими лестными словами оценивает современный военный авторитет 1-й Кубанский поход. И надо признать, что первых добровольцев по их тернистому пути двигала путеводная звезда, озарявшая конечную цель — Родину, та звезда, имя которой — любовь к Родине, честь и самопожертвование. Поход — неотъемлемое и драгоценное достояние национальной России и какие бы новые испытания ни послала нам судьба, мы должны помнить, что в самые тяжкие дни Русского лихолетия Господь помог Русскому народу, в лице первых добровольцев, защитить свою честь. Будем же бодро смотреть вперед, твердо веря в конечную победу правды над злом.

Корниловский Ударный полк был старейшим в Добровольческой Армии, поэтому эта столь лестная оценка участников похода распространяется на него. Имеется еще одна захватывающая оценка 1-го Кубанского генерала Корнилова похода, данная В. Ларионовым, который, в заключение, пишет:

Пройдут года, будет еще немало походов и боев, но история 1-го Кубанского похода останется одной из самых светлых страниц русского лихолетия, где в каждой строке героизм, в каждом слове страдание и под каждой буквой — запекшаяся кровь, много крови, но ни капли грязи, кроме грязи вязкой и черноземной, весенней грязи вольных и широких Кубанских степей...

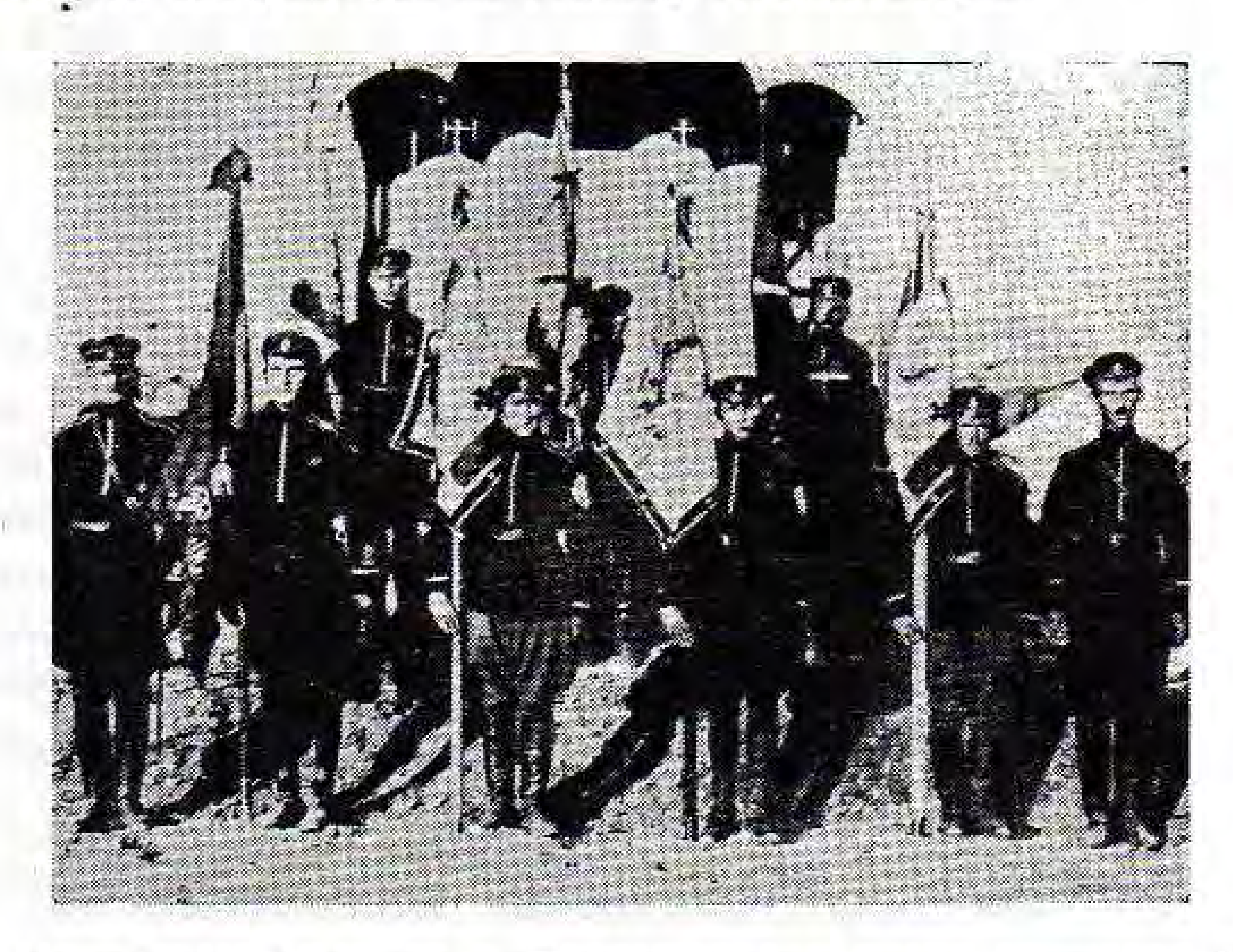
Это все — отзывы историков, но нам, рядовым бойцам, дороги отзывы о действиях нашего полка наших соседей по боям. Так в книге "Марковцы в боях и походах за Россию" полковник

Биркин описывает совместное с Корниловским Ударным полком наступление 7-го марта на станицу Некрасовскую (в 1-м Кубанском походе):

> На дороге у своей коляски стоял генерал Алексеев. К нему подошли офицеры. — "Некрасовская занята красными. Армия оказалась в окружении и придется пробиваться", — сказал он. Рассвет застал 4-ю роту верстах в 2-3 от станицы Некрасовской и одновременно она оказалась под ружейным и пулеметным огнем противника, занимавшего удобную позицию. — "Посмотри влево", сказал офицер своему соседу. На копне соломы сидел генерал Корнилов и наблюдал за противником. — "Что же мы лежим?" — с недоумением спросил офицер. Но вот я слышу сзади музыку. Было, как будто, недалеко, но не видно еще за скатом. Наконец за скатом появилась цепь Корниловцев с их эмблемами на своих левых рукавах. Я много уже слышал про них, впервые и воочию увидел этот знаменитый Полк и как раз в бою. Не отрываясь, смотрел на него, даже не слыша свиста пуль. А Полк разворачивался к атаке, не изменяя шага и отбивая ногу, как на параде. Ни криков, ни беготни, ни одной заминки... Полк поровнялся с нашей цепью и прошел через нее, не ускоряя и не замедляя шага. Мне кажется, что я смотрел на Полк, разиня рот — до того удивительно, картинно-захватывающе и даже страшно было это зрелище. Цепи их были в 6-8 шагов интервала и удивительней всего, что они на ходу строились, одна уступом за другой. Большевики встретили полк ураганным огнем, а Корниловцы и не дрогнули: как шли, так и идут, даже шагу не прибавили и казалось, что они чрезвычайно быстро приближаются к окопам большевиков. Вдруг пальба большевиков сразу прекратилась. Густыми цепями они сразу поднялись и побежали изо всех сил к станице. В ту же минуту грянуло Корниловское "ура!" — Генерал Корнилов, стоя во весь рост на копне, смотрел в бинокль вслед своему Полку.

Записывая это в свои материалы, я поблагодарил доблестного соратника — Марковца — полковника Биркина — за его отзыв о нас и за зарисовку красивого нашего прошлого на

глазах нашего Вождя и Шефа полка генерала Корнилова. От себя же в своих записках добавил, что часа за два до этой атаки Офицерский батальон нашего Полка, по личному приказанию генерала Корнилова, в ночной атаке выбил красных из садов сгоревшего хутора и после этого принял участие в вышеописанном наступлении на станицу Некрасовскую.

Начавшиеся бои за г. Екатеринодар снова увенчали Полк генерала Корнилова боевой славой. Записывая бой за станицу и станцию Георгие-Афипскую, я с чувством восторга вспомнил, как генерал Корнилов благодарил нас за эту атаку: "Спасибо вам, мои ударники, за вечное дело!" Громкое "ура!" и слезы восторга были ответом Вождю нашему и Шефу Полка. Каждый из нас знал, что генерал Корнилов заслуженно получал высшие посты в Императорской Армии, что в революционное время он п е р в ы м открыто пошел на борьбу с развалом Армии; что своим воззванием он п е р в ы м призвал русских патриотов к борьбе за спасение национальной России; что он п е р в ы м наметил место для сбора Добровольческой Армии и сам прибыл туда со своим Полком. Вот — та сознательная сила, которая влекла добровольцев к генералу Корнилову.

Но наступает трагедия штурма г. Екатеринодара. Корниловцы, как и в бою за ст. Некрасовскую, рассыпаются в цепи на виду своего Вождя, под звуки оркестра, и в последний раз

кричат ему "ура!" Пал тогда на поле чести их первый Командир полка полковник Неженцев... Убит генерал Корнилов...

Полк принимает полковник Кутепов, Александр Павлович, бывший командир Лейб-гвардии Преображенского полка. В начале штурма Екатеринодара Корниловский полк имел 1 000 штыков; во время штурма он получил пополнение от восставших кубанцев — 650 человек; полковник Кутепов принял Полк в составе 67 человек. Потери Корниловского Ударного полка в боях за Екатеринодар исчисляются в 1583 воина. И теперь, спустя 50 лет, молитвенно склоняешь голову перед этой исполинской жертвой Полка — в числе жертв и Вождь и его первый Командир — жертвы за честь России.

Твердой рукой генерал Деникин спасает Добровольческую Армию, а восстание Дона, приток пополнений с Кубани и Украины дают Армии силы для 2-го Кубанского похода, где Корниловский полк лишился в боях большей части своего состава и вновь пополнялся для дальнейших жестоких боев с врагом. Во время 2-го Кубанского похода генерал Деникин, побывав в наступавших цепях нашего Полка, заявил, что он рад засвидетельствовать, что дух 1-го Похода живет в наших рядах. В период тяжелых боев за г. Ставрополь генерал Деникин тоже благодарит Полк за блестящие действия. Он передал Полку икону, поднесенную ему городом Ставрополем.

На этот раз Красная Армия была разбита и в январе 1919 г. Корниловский Ударный полк, вместе с другими добровольческими полками, был переброшен в Каменноугольный бассейн, в отряд генерала Май-Маевского. Оборона Донецкого бассейна затянулась на 4 месяца и велась в условиях, просто ужасных для нас: мы были малочисленны в сравнении с противником, были плохо обмундированы, на полу-голодном пайке, без смены в ежедневных боях и плюс к этому — нас косил тиф. Здесь Полк 3 раза сменил свой состав, потеряв в 57 боях (с 1-го января по 1-е мая 1919 г.) 3 303 ударника, 983 офицера на положении рядовых, 63 Командиров рот и 12 Командиров батальонов.

В это время в Полку произошло событие большого для него значения: по ходатайству Командира полка, было разрешено сформировать свой Запасный полк, который впоследствии стал не только источником подготовленного пополнения, но и выделял из своего состава кадры для сформирования 2-го и

3-го Корниловских полков. Запасный полк и сам в трудные минуты не раз выступал на поле боя.

Корниловский Ударный полк еще с Великой войны всегда имел много пулеметов и в Корниловской дивизии, развернувшейся из Полка, пулеметы были основной ударной силой, но вот своей артиллерии у него долгое время не было. Начиная с 1-го Кубанского генерала Корнилова похода и до Донецкого бассейна включительно нам помогали батареи Марковской артиллерийской бригады. Потом, с появлением 2-го Корниловского Ударного полка, было положено начало формированию Корниловской артиллерийской бригады, но все же некоторые Марковские батареи сопровождали нас до Орла.

Командование как-то безразлично относилось к формированию 2-го и 3-го Корниловских полков, но сами Корниловцы прилагали все силы, чтобы создать свою Ударную дивизию. Корниловский Ударный полк, совместно с Марковским, берут гор. Белгород, а уже в боях на линии ст. Ржава — гор. Обоянь действует Корниловская Ударная бригада и частично появляются на фронте батальоны 3-го Корниловского Ударного полка. Город Курск берет лобовой атакой Корниловская Ударная бригада, а 3-й Корниловский Ударный полк бросается на фронт Дроздовской дивизии, в отряд полковника Манштейна. В городе Фатеж, при наступлении на гор. Орел, происходит соединение всех трех полков и, в дальнейшем, официально объявляется о существовании Корниловской Ударной дивизии.

Полковник Левитов

***

ГЕНЕРАЛУ КОРНИЛОВУ

Не будь Тебя, прочли бы внуки
В истории: когда зажег
Над Русью бунт костры и муки,
Народ, как раб, на плаху лег.

Иван Савин

***

Пусть вокруг одно глумленье,
Клевета и гнет, —
Нас, Корниловцев, презренье
Черни не убьет.

Вперед на бой,
Вперед на бой,
На бой, открытый бой!

Верим мы: близка развязка
С чарами врага,
Упадет с очей повязка
У России, да.

Вперед на бой,
Вперед на бой,
На бой, открытый бой!

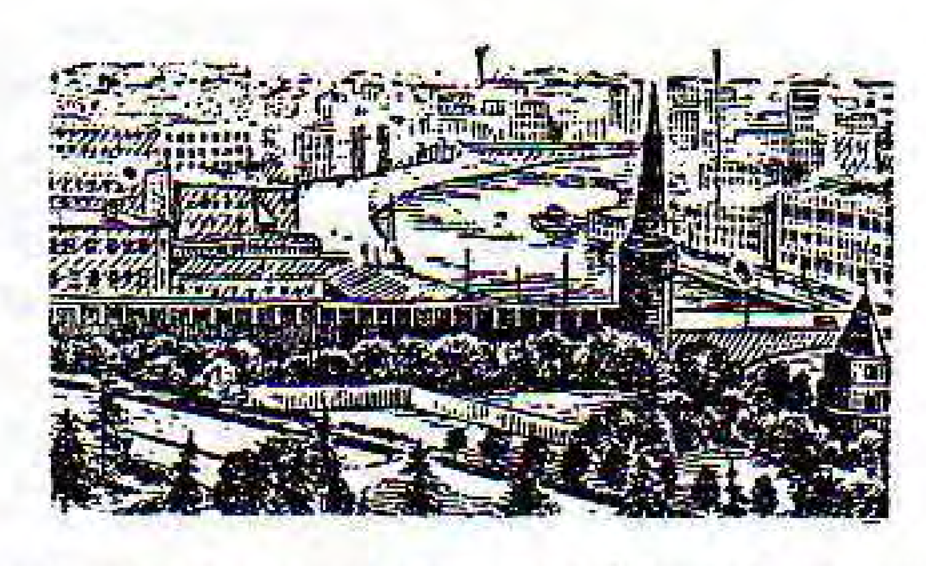
Русь поймет, кто ей изменник,
В чем ее недуг,
И что в Быхове не пленник
Был, а верный друг.

Вперед на бой,
Вперед на бой,
На бой, открытый бой!

За Россию, за свободу
Если в бой зовут,
То Корниловцы и в воду
И в огонь идут.

Вперед на бой,
Вперед на бой,
На бой, открытый бой!

НА МОСКВУ

Стратегия, оперативка, тактика ставят войскам задания конкретные, определенные, Добровольческой же Армии, при ее выходе в 1-й Поход была дана задача не определенная ни во времени, ни в пространстве: "Зажечь светоч". Это, на войне необыкновенное могли выполнить лишь необыкновенные воины, кинувшись "за синей птицей", по выражению генерала Маркова.

"...любовь и вера святы. Этой верою согреты
Все великие безумцы, все великие поэты."

Безумцами были Первопоходники и своего рода поэтами: исполненные любви и святой веры в Россию, они чеканными "строфами" боев, звонкими "рифмами" боевых стычек сложили великую песнь о подвиге и смерти, о храбрости и победе России, свернувшейся в маленькую походную колонну под трехцветным флагом.

Светоч был зажжен. Восстал Дон; 2-й Поход помог освободиться Кубани; в страшной борьбе был очищен Каменноугольный район и Добровольческая Армия развернулась в Вооруженные Силы Юга России: к ней пристроились Донская и Кавказская Армии. Правый фланг войск генерала Деникина был прикрыт Волгой у Царицына, левый фланг — Днепром у Екатеринослава и Главнокомандующий отдал приказ: "На Москву!" Это вызвало воодушевление, потому что все верили, что со взятием Москвы, окончится Лениново злодейство над Русью.

Поход на Москву Белые предпринимали при неблагоприятном для них соотношении сил: Троцкий уже успел вооружить Революцию и создать, если не очень боеспособную, то очень многочисленную армейскую массу. Однако у Деникина была очень малочисленная, но предельно боеспособная группа полков: Корниловский Ударный, Марковский, Дроздовский, Алексеевский. Они были поставлены на Московское стратегическое направление, а из них Корниловский полк был нацелен по главнейшему оперативному направлению — на Курск и Орел.

Корниловский полк был достоен этой важнейшей задачи.

Задачу эту сейчас подвергают критике. Не стало уже в эмиграции офицеров стратегического ранга и о стратегии Гражданской войны ныне судят люди меньшего ранга или вовсе без ранга: не на Москву следовало идти, а на присоединение к адмиралу Колчаку. Мы же не судачим и не судим, как не критиковали приказ "На Москву!" в дни, когда он был издан и когда мы его выполняли.

Мы, мастера тактики, не судили о стратегическом приказе с точки зрения стратегии Клаузевица, Леера, Михневича. Мы судили не умом, а сердцем, которое, прослышав приказ "На Москву!" радостно забилось у всех. Кто эти все? — Кавказцы, под командой Врангеля, действовавшие у Волги, Донцы Сидорина, двинувшиеся на север от своей Области, воины Май-Маевского, шедшие на Харьков, Курск, Орел, кавалеристы Юзефовича, продвигавшиеся к Сейму, пехота Бредова, имевшая целью Киев, кубанцы Шифнер-Маркевича, ворвавшиеся в Екатеринослав. Стратегия сердца не ошибалась и мы с радостью в сердце пошли брать Белокаменную.

Стратегический замысел нельзя судить по результатам его выполнения. Генерал Кутузов дал бой у Бородина и вынужден был, отбив противника, уйти за Москву. Но замысел был правилен: сердце русских воинов требовало боя. Ворчали наши солдаты: "Не смеют что ли командиры чужие изорвать мундиры о русские штыки". Но вместо Барклая-де-Толли Главнокомандующим стал Кутузов и обрадовались солдаты: "Вот приехал Кутузов бить французов". Его солдатское сердце почувствовало биение солдатских сердец — хотят боя, надо, значит, дать бой.

Генерал Деникин тоже чувствовал, какой оперативный приказ желателен сердцам его воинов. Они уже одолели врага на

Северном Кавказе, уже овладели Царицыном, уже очистили Донецкий ад от красных чертей. Они уже перестали идти за "синей птицей" — они уже осознали себя мощными для решения государственной задачи — для овладения Россией. Они хотели идти на Москву и им Деникин приказал идти на Москву.

* * *

...Надо мною рвутся шрапнели,
Птиц быстрее взлетают клинки.

Я кричу и мой голос дикий,
Это медь ударяет в медь.
Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть.

Словно молоты громовые
Или воды гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.

И так сладко рядить Победу,
Словно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага.

Н. С. Гумилев

***

Пусть свищут пули, льется кровь,
Пусть смерть несут гранаты,
Мы смело двинемся вперед,
Мы — русские солдаты.

В нас дух отцов-богатырей,
И дело наше право —
Сумеем честь мы отстоять
И умереть со славой.

Мужайтесь, матери, отцы,
Терпите, жены, дети,
Для блага Родины своей
Забудем все на свете.

Не плач о нас, Святая Русь,
Не надо слез, не надо.
Молись о павших и живых:
Молитвы нам награда.

Вперед же, братья, на врага,
Ура, полки лихие!
Господь за нас: мы победим,
Да здравствует Россия!

БОЕВАЯ СЛАВА

Подобает ли Корниловцам в Корниловской книге писать о Корниловского полка славе?

"Греми, слава, трубой,
Мы идем к тебе войной,
По горам твоим, Кавказ,
Раздается слава в нас", поется в старой солдатской песне. Солдат не стесняется петь, говорить о своей славе, потому что она добыта не рублем, не пером, не хитрым делом, не безопасным дарованием, а опаснейшим из Божьих дарований — способностью бесстрашно жертвовать собою для Отечества своего.

В этой книге о Корниловской славе мы лишь повторяем то, что на Небесах записано Георгием Победоносцем и Николаем Чудотворцем. А на Земле записано в сердцах и в памяти очевидцев наших боевых дел — Марковцев, Алексеевцев, Дроздовцев, Бабиевцев, Шкуринцев, Донцов и других. Не для них пишем свою славу и не для себя, причастников славы, а для тех, кто о нас не знает ныне и не мог бы узнать в будущем. Пишем в убеждении, что потомкам необходимо знать о славе предков: славою воев Святослава и Владимира взрощены бойцы Куликова поля; славою Полтавы, Рымника, Треббии воспитаны воины Бородинского поля. Слава Первого генерала Корнилова Похода, боев в Каменноуголь-

ном бассейне, взятия Курска и Орла да будет воспитательницей будущих солдат России!

Невежды и хулители говорят, что воины идут на подвиг ради боевых орденов. Жалкие слепцы, не видящие фактов! Сколько белых крестиков и солдатских Георгиев добыто в Великую войну? Десятки тысяч. А сколько крестиков из на-спех связанных веточек воткнуто в могильные холмики в поле? Миллион. Сколько крестов Николая Чудотворца получили Корниловские офицеры и Георгиевских крестов получили Ударники? Несколько десятков. А сколько бескрестных — не было времени крестик связать — могил оставили на полях боев? Десять тысяч. Не орден тешил Корниловца, а сознание воинского долга.

Этим сознанием был проникнут Корниловский Ударный полк-дивизия.

Силу его составляла молодость его состава; молодость несла в себе энергию в боевой жизни и беспечность к боевой смерти; это дало славу Полку; полковая слава влекла к себе молодых офицеров и добровольцев; молодость подкрепляла молодость; Корниловским духом обогащались пополнения и офицерские и молодежные, и даже матросские, махновские, красноармейские. Быть Корниловцем и не быть героем было невозможно. Героями были все. Сверх-героями были столь многие, что перечислить их в Памятке немыслимо. Помянем лишь командиров полков, памятуя, что подобными им в доблести были командиры батальонов, рот, взводов, офицеры в офицерских и пулеметных ротах и конных эскадронах, в командах разведчиков и что они служили Ударникам примером в подвиге и смерти за Россию.

ДОБЛЕСТЬ ОФИЦЕРОВ ПЕХОТЫ

Первый Командир Полка был **полковник Неженцев**, военачальник Суворовского духа. После его геройской смерти в бою Командиром стал полковник Кутепов, бывший Командир Лейб-гвардии Преображенского полка. Его, твердо-волевого, рассудительно-спокойного, полководчески-одаренного можно уподобить Кутузову. Видом, фигурой напоминал он былинного богатыря; был и духом богатырь. Всегда, во всем чувствовалась его

уверенность и у всех и всегда исчезала неуверенность: Кутепов выполнит, Кутепов выручит. Его не могли не оценить на верху и его выдвинули высоко, по заслугам, никем еще полностью не описанным, но великолепным, величественным.

Его из Корниловского У. П. взяли, чтобы земенить погибшего героя из героев генерала Маркова. Наш Полк получил **полковник Индейкин**, кадровый офицер, Георгиевский кавалер (за Стоход) и бывший Командир славного 23-го Сибирского стрелкового полка. Это был совершеннейший тип армейского офицера, крепкого в службе и дружбе, сильного в боевой безудержности и неутомимого в заботе о подчиненном. Простой, открытый, здоровый, крепкий он с первого же знакомства располагал к себе. Его основным качеством в бою была напористость, в которой исполнение приказа сливалось с инициативой, с энергией и упорством. Погиб он в критический момент боя в районе Ставрополя (ноябрь 1918 г.). Противника было столько, что, по выражению есаула Милеева, "от большевиков земли не было видно"; остатки Корниловского полка стали отступать; полковник Индейкин крикнул: "Корниловцы не отступают! Корниловцы впе..." — последний звук команды пресекла пуля, попавшая в лоб Командиру. По другой версии, он с бугра наблюдал в бинокль ход боя; полк его отходил; никто не видел его отходящим с бугра; когда Полк перешел в наступление, на бугре было найдено изуродованное тело полковника Индейкина — Корниловец не отступил...

Полк принял **Скоблин.** Он был одним из шести штабс-капитанов, прибывших к капитану Неженцеву для формирования Корниловского Ударного отряда. Он был одним из храбрейших офицеров Полка. Он стал отличным его Командиром. Не будем разгадывать страшную психологическую загадку его падения в Париже. Его там позор не опозорил Полк и Полк не может не хранить в памяти, как полковник и генерал Скоблин вел Полк и Дивизию к победам.

У Курска образовалась Корниловская Ударная бригада под командой полковника Скоблина. 1-й полк получил **полковник Пешня.** Кадровый офицер, получивший отличное офицерское сознание в Виленском Юнкерском училище (выпуска 1907 года), заслуживший в Великую войну Георгиевское оружие, полковник (впоследствии генерал-майор) Пешня был славен

своей невозмутимостью во всех обстоятельствах жизни Полка в бою и вне боя; ничто не могло вывести этого человека духовной и физической силы из душевного равновесия, что, в соединении с храбростью и с пониманием боевой обстановки, приводило к великолепному командованию Полком. Ставши помощником Начальника Корниловской У. дивизии, он сдал полк достойному заместителю — полковнику Гордиенко.

Ныне здравствующий **полковник Гордиенко** был Природой создан для командования Полком: храбрость, отвага, решимость, находчивость, энергия — внутренние свойства этого офицера, а внешними были: высокий рост, отличное сложение, мужественное лицо и громовой голос. В неоднократных ранениях его заменял на командном посту капитан Дашкевич, которого (тоже из-за ранений) временно сменяли штабс-капитан Ширковский, штабс-капитан Филипский, штабс-капитан *) Челядинов, поручик Дашкевич.

Командиром 2-го Корн. У. полка был **капитан Пашкевич**, офицер кадровый, той славной категории, которую определяли словами "отец-командир". Его сухое (словно череп на Корниловском нарукавном значке) лицо, его сухое, не крупное сложение были контрастом к его широкой, яркой душе, озаренной религиозностью — он ничего не начинал, не перекрестившись. Рассудительный, настойчивый, энергичный, отличный организатор, он был всегда сосредоточенно спокоен, всегда бодр и никогда не менял своего уравновешенного расположения духа. Вот случай, характеризующий полковника Пашкевича: в ноябре 1919 г. начальство отчисляет нашего Начальника дивизии за якобы неоказание поддержки Марковцам; полковнику Пашкевичу приказано вступить в командование дивизией; но он — через посредство полковника Капнина, Начальника штаба Дивизии — убеждает начальство в невиновности отрешенного Начальника дивизии и отрешение отменяется. Пашкевич довел 2-й полк до боевого блеска, равного 1-му полку. В боях он давал личный пример доблести. Убит он был 15-7-1920 г. на разведке впереди нашего сторожевого охранения. Посмертно полковник Пашкевич был произведен в генерал-майоры.

Полковник Левитов стал Командиром 2-го полка — ныне

*) Потом полковник.

он возглавляет Объединение чинов Корниловского Ударного полка — и Полк получил Командира высокой, по Корниловскому масштабу, доблести. Как один из старейших Корниловцев, он обладал огромным опытом в Корниловской системе ведения боев и вел он их великолепно, по Корниловски. Одной деталью укажем на его, Левитова, душевные свойства: он с Полком своим здоровался своеобразно — станет перед строем и молча поднесет руку к козырьку. Кому-то он объяснил: "Не могу же я допустить, чтобы господа офицеры на положении рядовых мне кричали "здравия желаем!"

3-й полк сформировал в Харькове **есаул Милеев**, кадровый офицер 6-го Оренбургского казачьего Атамана Нагого полка; человек с высоким образованием. Душевно страдавший от мерзости революции, он приехал в Могилев для поступления в Корниловский У. полк. В его буйной казачьей душе ярким пламенем горел идеал России. В то время как всех Корниловцев радовала или огорчала только тактика, он печалился и о политике, которая, по его мнению, губила успехи тактики. В своем 3-м полку он отлично поставил дело снабжения, но (вместе со своими офицерами) отбросил то "самоснабжение", которое разлагало Армию; он боролся с грабежами и однажды велел выпороть большую группу, грабившую магазин для одного полка. Герою-воину, герою-командиру пришлось сдать полк.

Преемником его стал **капитан Франц**, чех, вступивший в Корниловский У. полк еще в Киевский период; протезный инвалид, он не признавал иного командования полком, как личным примером: во всех боях, всегда шел впереди цепей Полка при наступлении. Жил героем, пал героем. Наследником его стал **полковник Щеглов**, офицер кадровый и, вероятно, старший по возрасту между командирами Корниловских полков. Он сохранил портупей-юнкерскую выправку, не утратил в войнах своей светской воспитанности, был в дружбе с подчиненными и начальством. Его боевой темперамент стоял в некотором противоречии к его боевому опыту — Щеглов кидался в бой, что называется, очертя голову. Радовался успехам и спешил по телефону сообщить в Штаб дивизии: "Передайте Коте (Капнину), что перед моим полком товарищи уже бегут и я их преследую взашей!" Был многократно ранен и быстро возвращался в строй. После ранения у Каховки его временно заменил на посту Командира полка **полковник Пух**, Первопоходник, Это

был любимец Полка — человек, в котором жизнь были ключом, смех часто озарял лицо, а боевая опасность не затуманивала его; это был отменный храбрец.

Существовал короткое время и 4-й полк, сформированный в 1920 г. из шахтеров, главным образом; командовал им **поручик Дашкевич**. Одно время его заменял **штабс-капитан Филипский.** Оба достигли командного поста храбростью и боевой опытностью.

Все эти командиры были гениями штыка. Это выражение не следует понимать только в том смысле, что они отлично применяли штыковой удар по врагу. Нет, они были гениями штыка потому, что гениальны были в ломке вражеской воли безудержным, стремительным движением на противника: тот не так часто принимал штыковой вызов — чаще бежал от нашего движения к штыковому делу. Но Корниловские Командиры не противопоставляли пулю-дуру штыку-молодцу: и сухие, выдержанные залпы и массированный огонь пулеметов были излюбленными формами поражения воли и тела врага. Корниловские командиры были хранителями в полках Корниловского духа, и возродителями этого духа после каждого истребительного для полков периода войны. Дух возрождался, потому что он бессмертен. Корниловские полки возрождались, потому что были бессмертны. Бессмертна и память о Полке-Дивизии с бессмертной памяти Командирами во главе.

Помянем храброго **капитана Трошина,** вспомним, как он со своим батальоном хладнокровно выполнил обязанность арьергарда дивизии при ее отходе с Перекопского вала. Помянем **капитана Морозова**, как девица, стыдливого в жизни, а в бою "не стыдившегося" никакой опасности; как он со своей Офицерской ротой атаковал на ст. Ладожской красный бронепоезд и взял его. Нельзя не упомянуть **поручика Редько**, под Курском атаковавшего со своим взводом многочисленного врага и взявшего 150 красноармейцев в плен, а после этого, опять таки со взводом, он атаковал целую бригаду и ему досталось 3 000 пленных.

В день разгрома Жлобы **поручик Маншин,** с великолепной выдержкой отбив огнем атаку конницы, решил после этого отходить, вследствие сложившейся обстановки, но яростная стрельба в близкой деревне рождает мысль, что находящемуся

там Офицерскому батальону нужна поддержка и Маншин приказывает своему полу-батальону возвратиться на оставленную позицию: Корниловцы не покидают соратников в беде. В тот же день 2-й батальон 2-го Корн. У. полка был атакован целой дивизией красных; Начальник Офицерской пулеметной команды **подпоручик Бондарь** с тремя пулеметами карьером прорывается через цепи врага и в тылу его открывает огонь — толпы красных обратились в бегство.

В критический момент боя на Юшуньской позиции пулеметная тачанка **капитана Бурьяна** выскакивает в промежуток между нашими окопами и в упор расстреливает врагов. При этом убит был храбрый капитан Бурьян.

Среди доблестнейших выделялись своею доблестью **поручик Судьбин**, командир батальона 2-го полка и легендарный **поручик Натус**, командир Конного эскадрона.

Сотни и сотни офицеров подвигом и кровью своею, а иные в бою смертью заслужили упоминания. Тысячи и тысячи унтер-офицеров и ударников тоже достойны прославления.

Всех храбрых, всех легендарно-доблестных перечислить в этой книге невозможно. Упомянувши пятерых, показали не только, каковы были они, но — каковы были все Корниловцы. Всем слава! Всем Суворовское: "Господа офицеры, какой восторг!".

(По воспоминаниям полк. Рябинского, кап. Патронова, по бюллетеню "Корниловцы", по книге "Корниловский Ударный полк").

**
*

"Мы живем в период стремления многих к самооправданию, стремления переложить свою тяжкую вину на чужие плечи. Так и с давно почившим генералом Алексеевым... Все теперь знают, как надо было тогда спасать Россию и все стараются теперь обвинить покойного основателя Добровольческой Армии — первой боевой силы первого боевого фронта... Пройдем же мимо этих бесплодных усилий и отдадим должное покойному Вождю, склонив наши головы перед его прахом, унесенным верными ему соратниками с собою в изгнание".

1957 г. Ген. Штаба ген.-майор ЛАМПЕ

**
*

ВИТЯЗЯМ КОРНИЛОВА

Вот вострубит труба боевая,
Голос Родины вас зовет
И, от низкого к тучам взлетая,
Поспешите вы в смелый поход.

И настанет Руси возрожденье!
Над свободною Русской Землей
Заклубятся в легенды боренья
Белых витязей с красной змеей.

И потомкам своим в назиданье
Вас прославит народ-исполин
В витьеватом узоре сказанья.
В величавом напеве былин.

1924 Е. Месснер

ОРЛОВО-КРОМСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Моя задача: осветить исполнение Корниловцами воинского долга в боях Корниловской Ударной дивизии в Орлово-Кромской операции 23-IX — 28-X 1919 г. Источниками для этого разбора послужили:

1) Журнал боевых действий 2-го Корниловского Ударного полка, 2) Записки К-ра 1-го б-на 2-го К. У. полка, 3) Календарь боев. действий 3-го К. У. полка, 4) "Очерки Русской Смуты" генерала Деникина, том 5-й, 5) "Гражданская война 1918 г." проф. полк. Зайцова, 6) "Разгром белогвардейских войск ген. Деникина" сов. полковника в отст. К. В. Агуреева, изд. 1961 г. (из этой книги беру описания действий красной стороны).

Орлово-Кромская операция, решившая участь Вооруженных Сил Юга России, так оценивается в трудах генерала Деникина:

> На тернистом пути Добровольческой Армии было три этапа: Орел — ее слава; Новороссийск — ее несчастье; Галлиполи — ее испытание. На всех этих этапах развевалось трехцветное знамя. Оно двигало на подвиг, оправдывало жертвы и будило надежды. Этот символ Родины неотделим от Армии. В нем ее смысл, духовная сила и будущее.

Генерал Деникин, на которого пала вся тяжесть возрождения Добровольческой Армии после смерти генерала Корнилова, вывел Армию на Московскую дорогу. Он является для нас большим авторитетом и потому, если он бои за Орел называет "славой" Добровольческой Армии, то из этого мы можем вывести заключение, что здесь добровольцы дрались с предельной жертвенностью. Доблесть, проявленная Корниловцами в этих боях дает представление, как вообще держали себя Корниловцы в боях.

Корниловский Ударный полк развернулся в дивизию трехполкового состава, которая, подходя к Орлу, достигла своего максимального расцвета сил. Думаю, что именно это побудило Командование назначить Корниловцев в центр наступления на Москву. Генерал Деникин пишет:

> Группировка противника (под Орлом) не была для нас тайной; но ввиду отсутствия у нас резервов, парировать намеченные удары можно было лишь группировкой войск. Удар Орел-Севск, выводивший противника на фронт Корниловской и Дроздовской дивизий, не внушал мне опасений. Угроза же со стороны Воронежа левому флангу Донской Армии была более серьезна. Поэтому, не приостанавливая наступления Добр. Армии на линию Брянск-Орел-Елец, 4-го сентября 1919 г. я вновь предписал Донской Армии ограничиться в центре и на правом фланге обороной, чтобы сосредоточить надлежащие силы на левом фланге против Лиски и Воронежа. В состав Донской Армии была передана конница генерала Шкуро, находившаяся в Воронежском районе. Выполнение этих планов сторонами приводило к встречным боям, развернувшимся в генеральное сражение на пространстве между Десной-Доном и Азовским морем — сражение, которому суждено было решить участь всей кампании.

Центральный Комитет компартии во главе с Лениным был такого мнения:

> Определить направление главного удара и основную группировку армий генерала Деникина было довольно трудно, т. к. его армии располагались в одну линию. Ц.К. пришел к выводу, что Добровольческая Армия явля-

ется основой всех Вооруженных Сил Юга России, разгром которой влечет за собой поражение остальных армий... Гениальный план разгрома армий генерала Деникина был создан Ц. К. во главе с Лениным и профессиональными специалистами в лице б. офицеров русской армии, перешедших на сторону сов. власти и ставших верными патриотами своей родины *).

Необходимо упомянуть, что Польский маршал Пилсудский прекратил военные действия против Красной Армии с сентября 1919 г. —это позволило ей спокойно перебрасывать свои резервы против Добровольческой Армии и бросить лозунг: "Всё на Деникина!". До 1925 г. большевики хранили тайну этого договора, но потом поведали, какую услугу оказал им Пилсудский. Последний сперва так мотивировал эту сделку: "Содействие Деникину в борьбе против большевиков не соответствует польским государственным интересам". Во второй же ноте говорится: "В основу политики Начальника государства (Пилсудского) положен факт, что он не желает допустить, чтобы в России восторжествовала реакция".

Генерал Деникин 4-IX-1919 г. предписал продолжать наступление на Орел. А Ц. К. в третий раз посылает большое пополнение Южному фронту, куда за период подготовки и начала сражения было послано 270.118 человек и отдельные части. 9-IX Главком Кр. Армии подписал директивы №№ 4474 и 4476 о переброске на Юж. фронт специальных, отборных частей для создания ударной группы. Армиям Юж. Фронта дается указание: "Отказаться раз навсегда от кордонной системы, от равномерного распределения войск по фронту и т. д."

Корниловская Ударная дивизия, при подходе к линии Малоархангельск — ст. Дьячья имела в своем составе:

Штаб дивизии: эскадрон связи, комендантская команда, к-да связи и др.

1-й К. У. полк: Офицерская рота, 3 солдатских батальона, к-да пеш. разведчиков, эскадрон связи, 120 пулеметов (согласно требованию на патроны). Всего 2 900 человек. При полку: 2

*) По данным полковника Зайцова, в Красную Армию перешло 10 % корпуса офицеров Императорской Армии.

легких батареи, 1 б-рея гаубиц, бронепоезда: "Иоанн Калита", "Ген. Корнилов", "Вперед за Родину", "Офицер", "Москва".

2-й К. У. полк: Офицерский б-н (700 человек), 3 солдатских б-на (по 500 чел.) 85 пулеметов, к-да пеш. разведчиков, эскадрон связи. Всего 2600 чел. При полку: 2 легких б-реи, 1 б-рея мортир 6 дм., 1 б-рея пушек 42 лин. и 1 бронеавтомобиль.

3-й К. У. полк: Офицерская рота, 3 солдатских б-на, 60 пулеметов, эскадрон связи, к-да пеш. разведчиков. При полку 2 легких б-реи. Всего 1900 человек.

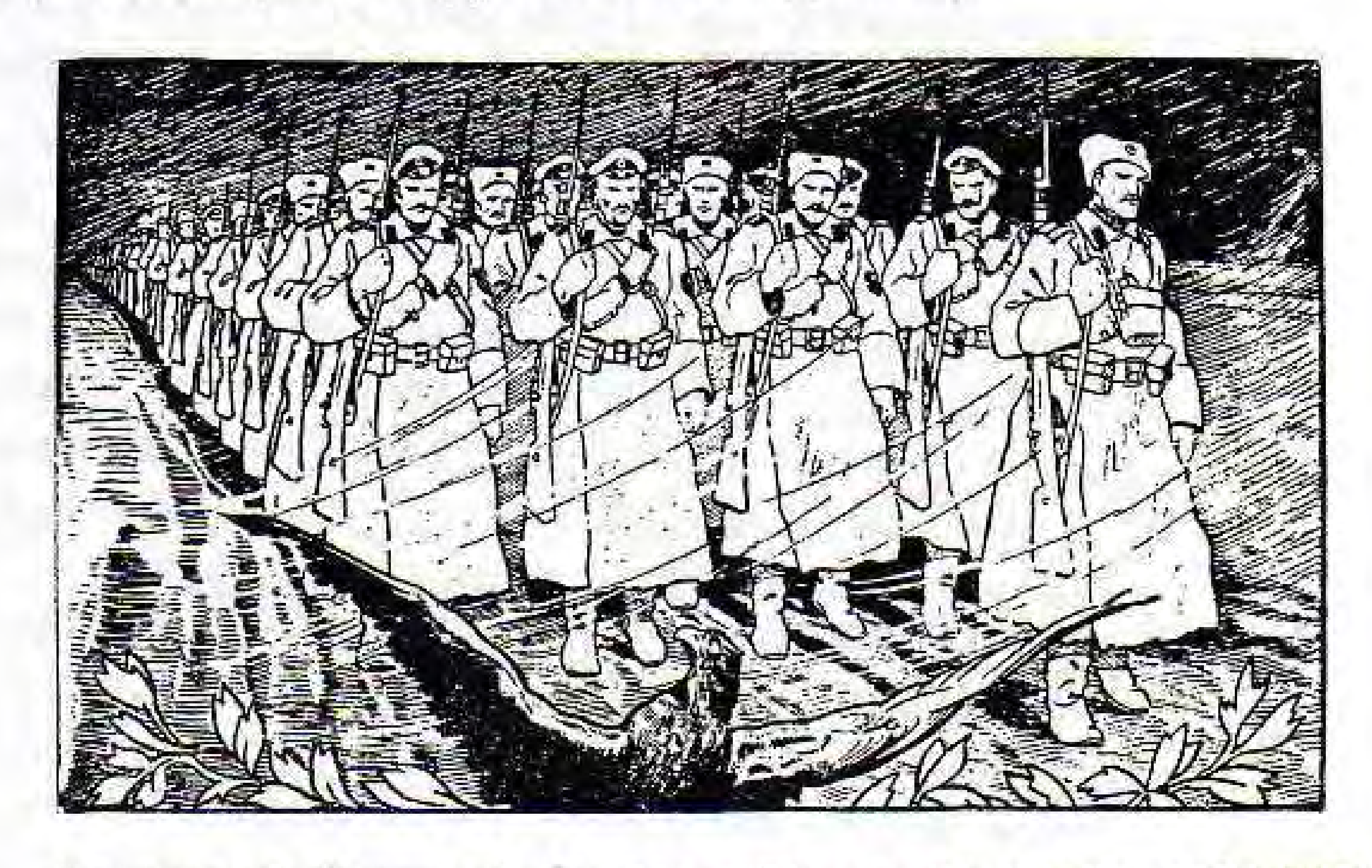
Командный состав Корниловской Ударной дивизии: Начальник дивизии — полковник Скоблин, Начальник Штаба дивизии Ген. Шт. капитан Капнин. Командиры полков: 1-го — полковник Пешня, 2-го капитан Пашкевич, 3-го есаул Милеев, Командир Корниловской артиллерийской бригады — полковник Ерогин.

Несмотря на разнообразный — офицерский и солдатский — состав, моральное состояние дивизии было отличное. После того как красные своим прорывом на Купянск и Белгород сорвали наше первое наступление на Курск, а мы ответили им ликвидацией этого прорыва, 1-й и 2-й К. У. полки снова перешли в наступление, успешно атаковали красную крепость Курск, взяв богатую добычу, и, пополнив свои ряды, продолжали наступление на Орел.

Полковник Зайцов дает такие данные о Красной Армии: в основу формирования лег штат № 220, утвержденный Ц. К. в ноябре 1918 г. — стрелковая дивизия трехбригадного состава (бригада — 3 полка, полк — 3 б-на) с кавалерийским полком и 15-ю батареями (по 4 орудия).

Полки обеих сторон были одинаковой численности, но советская дивизия — 9 полков — превышала силою нашу в три раза. Большое значение имело и отсутствие у наших дивизий кавалерийского полка. Что же касается настроения, то между Корниловцами и Красной Ударной Группой можно поставить знак равенства: у нас в полках офицерская рота или батальон, у них: Латышская, Эстонская дивизии, Особая бригада, где был даже еврейский казачий полк; были венгры, спартаковцы, китайцы; была большая прослойка коммунистов (в Латышской дивизии было 1400 коммунистов); были органы устрашения (Че-Ка) и пропаганды. Все это было взято из резерва, хо-

рошо вооружено, обмундировано для зимы и обеспечено огнеприпасами. Их колоссальный перевес в силах подымал их дух. Если бы не губительное действие наших пулеметов, то они легко могли бы выполнить приказ своего Командования: разбить и уничтожить нас под Орлом. Их преимуществом было наличие в группе конной дивизии Червонного казачества (1 700 шашек, 32 пулемета, 60 орудий), имевшей отличный конский состав и... много бывш. офицеров — так взятый моим батальоном за г. Фатежем эскадрон этой дивизии имел в своем составе полковника и 2-х ротмистров (которые первыми нам сообщили о готовящемся окружении нас Группой).

Советский Генштаб боялся, что мы не скоро сдадимся, а Ленин напоминал тогда, что Деникинские армии чрезвычайно способны к быстрым налетам и отчаянным предприятиям. У нас же в полках почувствовали отсутствие управления в Добровольческой Армии: как могла советская Ударная Группа свалиться, как снег на голову? Воля нашего Командующего Армией была парализована. Генерал Деникин понял, где была неустойка, но сменил генерала Май-Маевского лишь в ноябре 1919 г. — упущенное время не вернулось. Генерал Деникин говорит:

> До поступления генерала Май-Маевского в Добр. Армию я знал его очень мало. После Харькова до меня доходили слухи о странном поведении генерала Май-Маевского и мне два-три раза приходилось делать ему серь-

езные внушения. Но теперь только, после его отставки, открылось многое: со всех сторон — от гражданского сыска, от случайных свидетелей — посыпались доклады, рассказы о том, как этот храбрейший солдат и несчастный человек, страдавший недугом запоя, но не поборовший его, ронял престиж власти и выпускал из рук возжи управления. Рассказы, которые меня повергли в глубокое смущение и скорбь. Личность Май-Маевского перейдет в историю с суровым осуждением ... Не отрицаю и не оправдываю. Но считаю долгом засвидетельствовать, что в активе его имеется, тем не менее, блестящая страница сражений в Каменноугольном районе, что он довел Армию до Киева, Орла и Воронежа, что сам по себе факт отступления Добр. Армии от Орла до Харькова, при тогдашнем соотношении сил и общей обстановке, не может быть поставлены в вину ни Армии, ни Командующему. Бог ему Судья.

Реввоенсовет Красной Армии решает перейти в контрнаступление против Вооруженных Сил Юга России и для этого: сперва разгромить Добровольческую Армию, начав с уничтожения Корниловской У. дивизии. 13-я и 14-я Армии получают все необходимое, а для окружения Корниловской дивизии создается интернациональная Ударная Группа, ей ставится целью прорваться между Корниловской и Дроздовской дивизиями для удара с тыла по Корниловской; Эстонская дивизия ударит с запада, а с севера — 9-я и 55-я стрелковые дивизии, Отдельная стрелковая бригада и гарнизон Орла; правый фланг группы охраняет от Дроздовцев 7-я стр .девизия. Намечается сперва остановить продвижение Добр. Армии и лишь после этого красные перейдут в контрнаступление.

В дальнейшем мы увидим, как, при движении Корниловской У. дивизии на Орел, ее левофланговый полк — 2-й Корниловский — противится советскому плану уничтожения Дивизии и ведет упорные бои, имея фронт северный, западный и южный. Против Корниловской У. дивизии дрались: 55 стр. дивизия, 1-я сводн. стр. бригада, 9-я стр. дивизия, гарнизон г. Орла и Уд. Группа из Латышской стр. дивизии, Кавалерийской дивизии Червонного Казачества, Отдельной стр. бригады, Эстонской стр. дивизии — итого 42 стрелковых полка (с 4 конными

полками) и 4 кавалерийских полка (не считая гарнизона г. Орла). Охранявшая фланг и тыл Группы 7-я стр. дивизия действовала не только против Дроздовской дивизии, но вместе с латышами оперировала и прóтив 2-го К. У. полка.

НАСТУПЛЕНИЕ НА КРОМЫ И ОРЕЛ

1-й К. У. полк составляет правый фланг Дивизии; с **23 по 27 IX** он ведет бой в районе города и станции Малоархангельск в сопровождении пяти бронепоездов, базируясь главными силами на линию железной дороги. Им разбита 55-я стр. дивизия — она бежит, оставляя много пленных. Так в селах Верхн. и Нижн. Столбецкие лихому командиру взвода поручику Редько сдаются 150 человек и тут же он берет добавочно 3 000. Трудно этому поверить, но советские источники подтверждают факт полного разложения 55-й дивизии.

3-й К. У. полк, в центре Дивизии, **23-IX** боем защищает с. Никольское, **25-IX** под давлением противника оставляет его, но **26-IX** восстанавливает положение. В этом бою был убит полковой адъютант поручик Зюков. 27-IX полк занимает села Вишневец и Балмасов.

2-й К. У. полк — на левом фланге Дивизии. Его правофланговый батальон поручика Левитова с налета берет станцию Дьячья и с возвышенного полотна железной дороги батареею из тяжелых пулеметов Максима разгоняет две бригады 9-й стр. дивизии, беспечно расположившиеся на обед в долине ручья. Его болотистые берега, численный перевес противника, отсутствие артиллерии побуждают ограничиться занятием лишь переправы. 2-й батальон штабс-капитана Померанцева занимает с. Макарово. 3-й батальон капитана Щеглова — в Муханово.

24-IX 1-й батальон с утра до 23 часов вел бой. С боя 3-й батальон берет с. Чернодье, а 2-й — Покровское-Чернь. 9-я стр. дивизия и гарнизон г. Орла наступают. Ранен доблестный командир полка капитан Пашкевич. Вр. и. д. Командира полка назначен капитан Щеглов.

25-IX батальон с 5 час. утра до ночи отбивает атаки при со-

действии Офицерской роты, легкой и тяжелой батарей. Взято в плен 400 человек семи свежих полков и отдельного маневренного батальона. Офицерская рота поручика Озерного, посланная из резерва, при своем подходе к левому флангу батальона, была атакована кавалерией. Красиво развернувшись, выдержанными залпами и огнем пулеметов отбросила противника с большими для него потерями. Успех в этот день был достигнут, главным образом, благодаря действию 20 пулеметов и маневрированию... и упрямству противника, ведшего атаки все в одном направлении. От Командующего Армией получена благодарность за успех.

27-IX приказ 2-му К. У. полку взять гор. Кромы. Встречный бой с 9-й стр. дивизией решил 1-й батальон прорывом в стыке двух бригад. Усилия врага задержаться у города были парализованы артиллерией и пулеметами. Полк взял Кромы.

ДЕЙСТВИЯ КРАСНЫХ: 23-IX: 9-я стр. дивизия переходит в наступление и берет ст. Дьячья. После трехдневных кровопролитных боев она отошла в свое исходное положение.

26-IX 55-я стр. дивизия вышла без боя на линию Столбецкое-Юдино. 2-я отдельная бригада пассивно отсиживалась между 9-й и 55-й стр. дивизиями. Южный Фронт получил директиву: Уд. Группе (Латышская стр. дивизия, Отдельная стр. бригада, дивизия Червонного Казачества), под прикрытием 13-й и 14-й Армии равернуться на линии с.-з. Кромы — Дмитровск — на фронте не более 20 верст, — имея направление на жел. дорогу между Малсархангельском и Фатежем. Группа эта имела большой боевой опыт и была наиболее боеспособной на всем Южном фронте, чего не учитывало наше командование. Задачею Уд. Группе ставилось выйти к жел. дороге Орел — Курск. Между тем обстановка в 13-й Армии, особенно на Орловском направлении все ухудшалась для красных: части 9-й стр. дивизии и Сводной стр. бригады не выдерживали удара Корниловцев и 27-IX оставили гор. Кромы и ст. Еропкино; 55-я стр. дивизия, почувствовав обход, стала быстро отходить на север. Войска 13-й армии потеряли всякую боеспособность, признается полковник Агуреев. Приятное для нас признание, а в действительности все эти соединения были разбиты и нам досталось 8 000 пленных.

НАШИ ДЕЙСТВИЯ: 28-IX 1-й Корниловский У. полк успешно

продвигается и 29-IX ведет бой у станции Стиш. 3-й К. У. полк занимает села Живково, Козлово и **29-IX** атакует с. Михайловку, чем способствует занятию 1-м полком ст. Стиш. Во 2-м К. У. полку 28-IX потери значительны; пленных взято мало; захвачено 10 пулеметов и продовольственные склады в г. Кромы. В числе пленных оказался бывш. Ген. Шт. полковник — от него узнали, что к Карачеву уже подошла Латышская дивизия. 1-й батальон с боем взял села Каменец и Агеевку. Жители уверяли, что разъезды латышей должны уже быть около Фатежа. **29-IX** 2-й К. У. полк с боем выходит на линию Хмелевая — Коровье болото — Себякино — Пикалово. Главные силы красных отходят на Карачев.

ДЕЙСТВИЯ КРАСНЫХ: 28-IX. Командование 13-й Армии приказало У. Группе с утра этого дня сосредоточиться у р. Кромы, гор. Кромы и далее до д. Шарикино и энергично наступать на Фатеж, чтобы отбросить белых на восток. 9-я стр. дивизия, 2-я св. стр. бригада и 55-я стр. дивизия должны развернуться в направлении на Малоархангельск. Части Уд. Группы с утра начали медленно и нерешительно продвигаться к рубежу Шарикино — Кромы, хотя белых здесь не было.

29-IX 1-й полк Червонного Казачества, прикрывая правый фланг Уд. Группы, встретил подразделения 83-го Самурского полка, лихой атакой разгромил их (зарублено около 100 и взято в плен 78 человек) и взял д. Мелихово.

ШТУРМ ГОРОДА ОРЛА

НАШИ ДЕЙСТВИЯ: 30-IX Корниловская У. дивизия наступает на Орел. Три полка — три боевых участка; дивизионного резерва нет. На правом фланге 1-й К. У. полк с пятью бронепоездами движется вдоль железной дороги Курск — Орел и восточнее ее; в центре 3-й К. У. полк идет западнее этой дороги; на левом фланге дивизии 2-й К. У. полк имеет направление (как и вся дивизия) с юга на север — наступление вдоль шоссе Кромы — Орел для занятия западной окраины Орла; сопротивление, оказанное полку 9-й сов. стрелковой дивизией и маневр

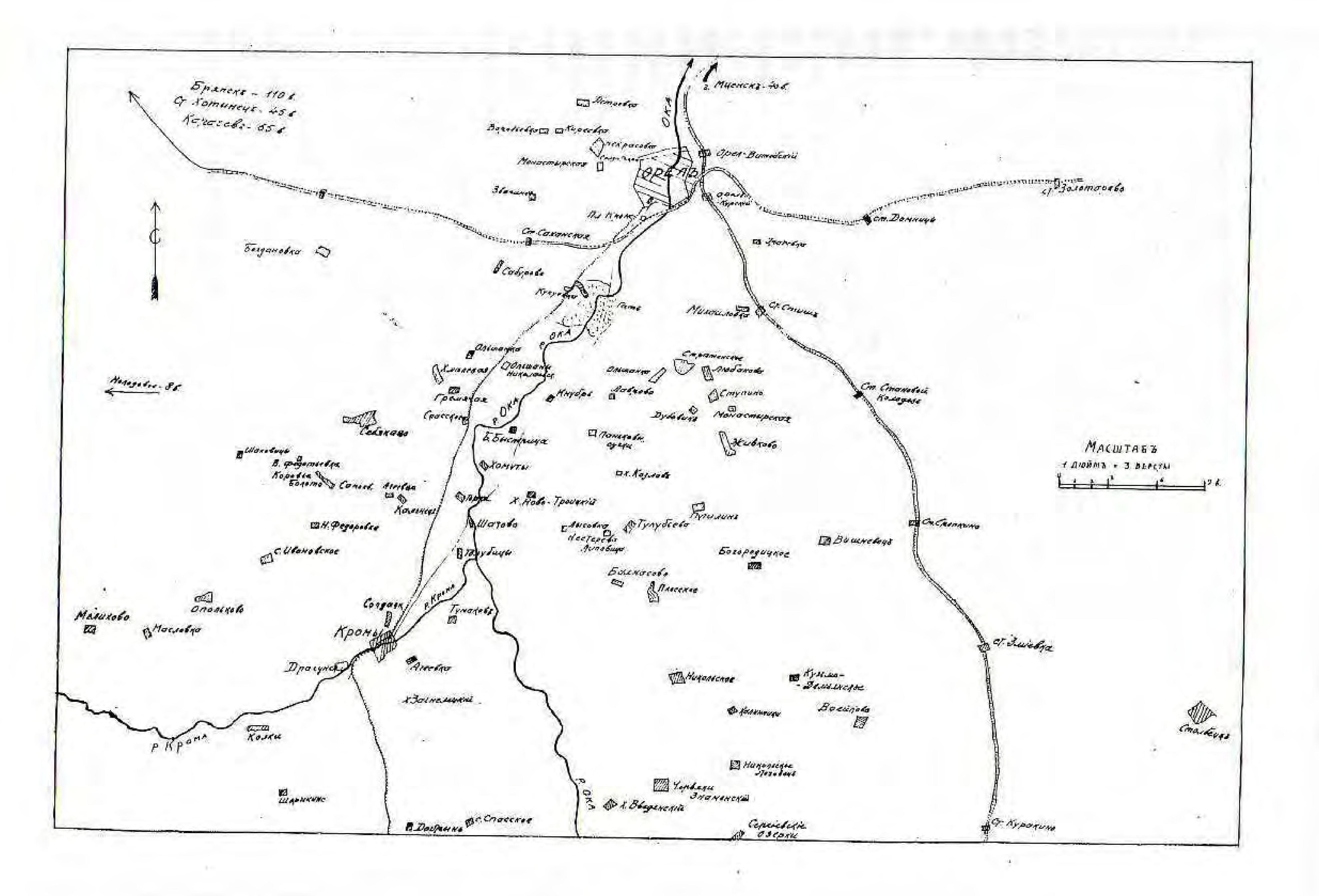
красной Уд. Группы вызвали необходимость к ночи повернуть фронт Полка на северо-запад, а батальоном полкового резерва прикрыться от юго-запада: вражеская Уд. Группа взяла гор. Кромы.

1-й К. У. полк с боем продвигался к Орлу, сопровождаемый бронепоездами и одним танком; к 17 часам цепи Полка уже в городе; один батальон с эскадроном посланы на гор. Мценск. На правом фланге Полка 1-го батальона рота поручика Редько взяла ст. Золотарево. Противник бежит перед полком, оставляя много пленных.

3-й К. У. полк, отдав свой 2-й батальон 1-му полку, двумя батальонами с боем проходит 15 верст и, преодолев сильное сопротивление красных у хутора Гать, к вечеру достигает Орла.

Во 2-м К. У. полку 1-й батальон двигается в авангарде по шоссе Кромы — Орел; за ним команда пеших разведчиков, а за нею в версте Штаб полка и Офицерский батальон, броневтомобиль, 2 легкие и 2 тяжелые батареи. Левее, западнее, уступом назад наступали 3-й и 2-й батальоны полка. Разведкой и показаниями пленных было установлено, что за рекой проходит полоса укреплений Орла. Не доходя Кукуевки, я стал в свою артиллерийскую подзорную трубу осматривать поле: прямо перед батальоном взорванный небольшой мост на шоссе, а за рекой плохо замаскированная линия окопов с проволочными заграждениями. Вправо, за Окой видно движение 3-го К. У. полка; а еще правее движется вдоль жел. дороги 1-й полк с 5-ю бронепоездами, и за ним обозы. Для масштаба Гражданской войны картина была импозантной: наши части не особенно пользовались маскировкой движения и хорошо противнику видимое множество артиллерии, бронепоездов, обозов говорило ему о силе и мощи нашего удара.

1-й батальон, при подходе к Кукуевке, завязывает перестрелку с заставами противника, берет направление на хутор и накапливается в его садах, за которыми протекала небольшая речка, а на возвышенностях за нею были окопы полной профили с проволокой. Все усиливавшееся сопротивление красных в боях у ст. Дьячья и г. Кромы и сведения о движении интернациональной группы в прорыв за нашим левым флангом обязывали к осторожности. Батальон стал ждать поддержки артиллерии и приказания Командира полка об атаке. Шедший за на-

Брянскъ - 110 в.
Ст. Хотинецъ - 45 в.
Карачевъ - 65 в.
г. Мценскъ - 40 в.
ОКА
ОРЕЛЪ
Орел-Витебский
ст. Золотарево
ст. Домница
Ст. Саханская
Богдановка
Сабурово
Гать
Михайловка
Ст. Стишь
Звягинцево
Монастырское
Масловка
Оползково
Кромы
Солдатск.
Драгунск.
р. Крома
Колки
Тунаково
Шатово
Хомуты
Б. Быстрица
Кнубре
Лавчово
Дубовица
Ступино
Живково
Нестерово
Тулубьево
Плесское
Богородицкое
Вишневецъ
Ст. Становой Колодезь
Ст. Змиевка
Ст. Куракино
Николаевское
Х. Введенский
Сергиевское Озерки
Н. Федоровка
С. Ивановское
Севзкаво
Х. Ново-Троицкий
х. Козлова
Маликово
Гремячая
Спасская
Р. ОКА
МАСШТАБЪ
1 дюймъ = 3 версты
Сталкиро

ми бронеавтомобиль лихо понесся к мосту, но получил такую встречу из окопов, что едва отполз в укрытие. Артиллерия обоих сторон вступила в свои права; красная что-то нервничала и разбрасывала снаряды; наши же батареи эффектно и дружно разрушали окопы, где снаряды вскидывали фонтаны земли. Пришло приказание атаковать. Торжественная минута! Местность, казавшаяся почти безжизненной, оживает: Ударники бегут к бродам через реку, указанным разведкой; пулеметы строчат по окопам, прикрывая своим огнем наши цепи; Ударники переходят реку, начинают, под огнем, подыматься на возвышенность. Нервы взвинчены. Напряжение наростает. Можно было опасаться, что такой темп атаки измотает силу к моменту штыкового удара и схватки в окопах. Но вдруг огонь врага прекратился и разведка — уже от проволоки — дает сигнал: путь свободен. Картина нашего наступления настолько потрясла уже сильно нами потрепанные советские части, что они не выдержали и оставили свои окопы без штыковой схватки. Оставили они и г. Орел. 3-й батальон с боя берет села Сахатское, Звегинки, отбрасывает бронепоезд красных в город, где он сдается. 2-й батальон — с боем с. Сабурово. Штаб 2-го К. У. полка располагается на окраине Орла; батальон в слободах и в селе Сабурово. В 23 ч. двум ротам 1-го батальона приказано занять Киреевку и Воробьевку; они с боем заняты под сильным дождем; трофеи: пленные, 4 пулемета, обоз Еврейского полка; потери врага велики. В этот день 1-й батальон с боем сделал 29 верст.

За бой под Орлом Корниловская Ударная дивизия взяла 8 000 пленных, 150 пулеметов, 21 орудие и 1 бронепоезд. Думаю, что материальной части взято гораздо больше, т. к. ее никто не подсчитывал. Брали только патроны, снаряды, меняли пулеметы. Потери в дивизии были велики и особенно во 2-м К. У. полку в боях у Дьячья — Кромы. Из опроса пленных выяснилось, что Уд. Группа красных прошла на ю.-зап. в прорыв между нами и Дроздовской дивизией. Это подтверждается тем, что к 24 час. 30-IX фронт 2-го полка повернули с севера на юго-запад. Из резерва перебрасывается под Орел ново-сформированный 3-й Марковский полк.

ДЕЙСТВИЯ КРАСНЫХ: 30-IX Ударная Группа дивизии выходила на рубеж у гор. Кромы. Прикрывавшие Орловское направ-

ление 9-я и 55-я стр. дивизии и 2-я отдельная стр. бригада разрозненно отступали, теснимые Корниловскими полками, которые вошли в Орел. Стало очевидным, что командование 13-й Армией неспособно управлять своими войсками, и командование фронтом 30-IX переподчиняет Уд. Группу (которая действовала успешно в полосе 14-й Армии и подымала боевой дух красноармейцев) реввоенсовету 14-й Армии; последняя становится главной силой для разгрома Добровольческой Армии. Части же 9-й и 55-й стр. дивизий и Орловского гарнизона сведены в 9-ю стр. дивизию.

НАШИ ДЕЙСТВИЯ: 1-X налет 1-го К. У. полка на Мценск. Расстрелян комендант города, бывш. генерал Сапожников; захвачен Заместитель Командующего 13-й Армией бывш. генерал Станкевич и, по приговору суда, повешен.

В Орле парад Корниловской У. дивизии — в нем участвуют только запасные батальоны полков. Настроение у всех было двоякое: радостное и тревожное. Жителей города было на параде много; при виде танка, разрушавшего трибуну с красными флагами, кричали ура, хотя все отлично понимали создавшееся оперативное положение. Дивизией получена телеграмма от генерала Май-Маевского: "Орел-орлам!"... И только, а мы думали тогда, что будет и приказ для контрудара по советской Уд. Группе.

Донесения говорят, что уже к вечеру 30-IX латыши заняли Кромы и разъезды их около Фатежа. 2-й К. У. полк по частям снимают с его участка, с западного направления и перебрасывают на южное направление, на Кромы. 3-й К. У. полк растягивается и на участок ушедшего под Кромы 2-го полка. Противник занял села Котовку, Агеевку, Себяково пехотой, кавалерией и артиллерией — исключительно латыши.

ДЕЙСТВИЯ КРАСНЫХ: 1-X, Уд. Группа заняла г. Кромы, вышла на линию с. Шаркино-Кромы, разъединила 1-ю и 3-ю дивизии белых и, угрожая тылу Корниловских У. полков (передовые подразделения которых уже продвинулись на 20-25 верст к северу от Орла), вынудила их остановить наступление на север. Орловская группа деникинцев перешла к обороне. В это время и войска 13-й Армии переформировались и частью сил вели упорные бои. Южный фронт, в результате ожесточенных боев, добился значительных успехов, остановив наступление

Добровольческой Армии на Московском направлении. Агуреев говорит:

> В результате действий советских войск, белогвардейские полки, особенно именные: Корниловские, Марковские, Дроздовские, Алексеевские — понесли большие потери. Командование белых недооценило силы Уд. Группы, появившейся в районе Орла. Деникинцы не обращали внимания на выдвижение и сосредоточение наших войск. Но когда Уд. Группа вышла в район Кромы на стыке 1-й и 3-й дивизий 1-го Армейского корпуса деникинцев и стала угрожать их тылам, особенно Корниловским полкам, занявшим Орел, против нее уже было поздно что-либо предпринимать. Своевременное сосредоточение и выдвижение Уд. Группы как нельзя лучше повлияли на войска 13-й и 14-й Армий в районе Орла. Советское командование умело противоставило свои силы деникинцам. Когда в районе Орла действовала отборная пехота белогвардейцев, против нее были выставлены соответственно наиболее устойчивые и боеспособные соединения Южного Фронта.

КРИТИЧЕСКИЕ ДНИ

НАШИ ДЕЙСТВИЯ 2-X: 1-й К. У. полк был в перестрелке, занимая позицию на север от ст. и с. Золотухино до Орла включительно. 3-й К. У. полк занимает фронт ушедшего 2-го К. У. полка, имея 2-й батальон в Орле. 2-й батальон 2-го К. У. полка выбивает противника из окопов на восточном берегу Оки и занимает Шахово, но на ночь отходит в д. Горки. 2-й батальон 3-го Марковского полка, идя на с. Рышково, встречается с латышами и после короткого боя отбрасывает их; потери батальона — 25 %.

ДЕЙСТВИЯ КРАСНЫХ 2-X: Реввоенсовет Южного Фронта поставил 14-й и 13-й Армиям задачу: перейдя в решительное наступление, разгромить противника и не дать ему закрепиться в районе Орел-Новосиль; наступление Уд. Группы пове-

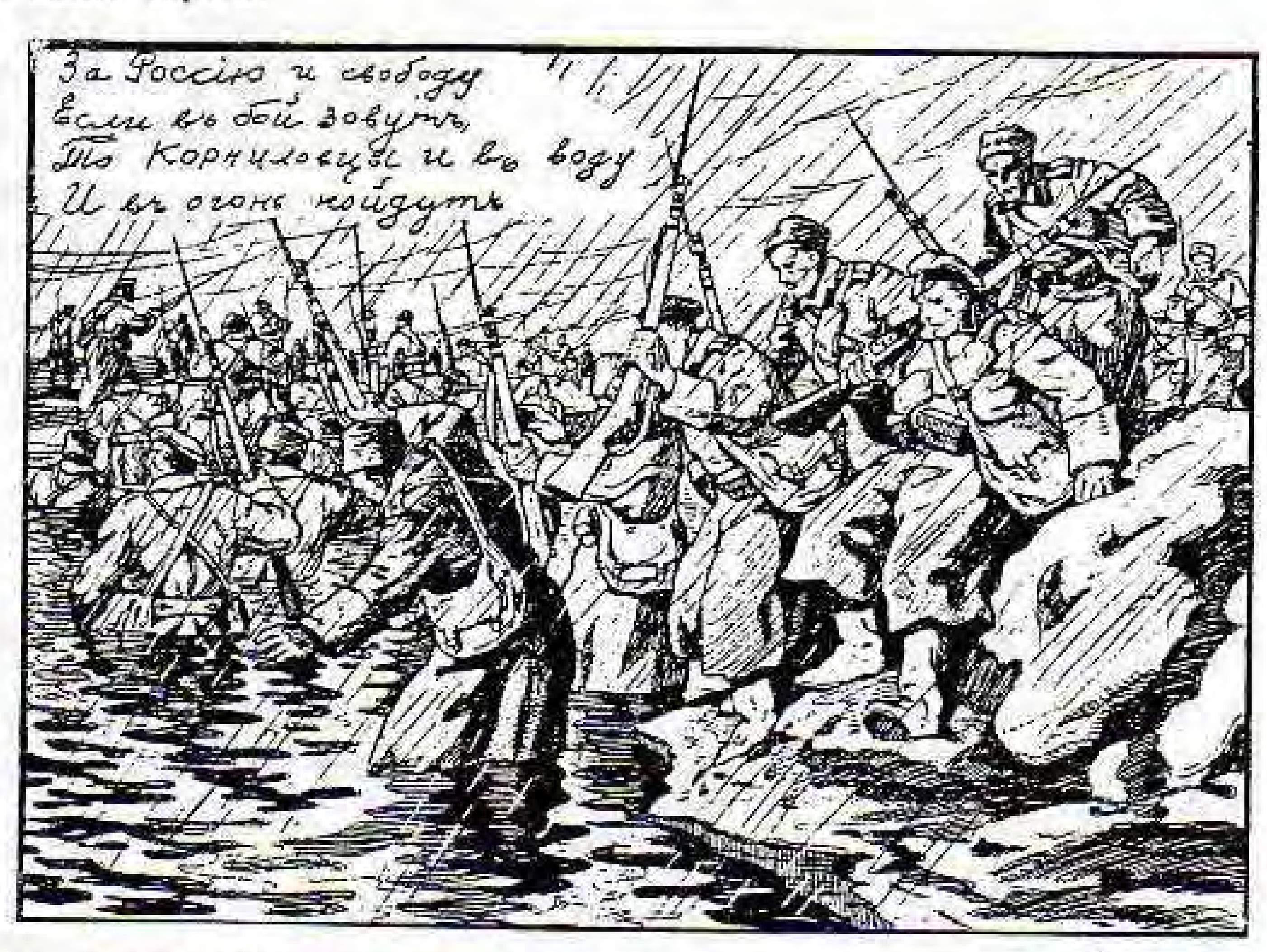
нуть на восток, на Еропкино, а левым флангом бить на Орел. Для удара по Орловской группировке белых привлечена и Эстонская дивизия, развернувшаяся на фронте Вербник-Мощное. Наступление на Орловскую группировку (которую советское командование считало наиболее опасной) развертывалось с юга, запада и севера.

Мы обнаружили в составе Уд. Группы: Латышскую, Эстонскую стр. дивизии, Червонного казачества кав. дивизию, Пластунскую стр. бригаду, 1-й Петроградский, Сводный, 86-й и Еврейский казачий стр. полки, а всего 25 стрелковых полков и 6 конных. И все это на 3 полка Корниловской Ударной дивизии. Кроме того, против нас действовали 9 полков из состава 9-й Сводной стр. и 7-й стр. дивизий, а также 2-й Отдельной стр. бригады. При таком превосходстве сил противник просачивался, где хотел. Но он только упорен был в обороне, а в наступлении приказов Командования не выполнял, просачивался медленно — повидимому, его пугала сила огня наших пулеметов и артиллерии.

НАШИ ДЕЙСТВИЯ 3-Х: наши 1-й и 3-й полки огнем отбивают наступление красных. Против 2-го К. У. полка сосредоточились (по показаниям жителей) 1-й Петроградский, Еврейский, 1-й сводный полки, Пластунская бригада, 1-й Латышский кавалерийский полк; в частях много латышей, евреев, венгров и китайцев. 2 роты 2-го полка берут Шатово. 3-й батальон полка с артиллерией, перейдя речку у Коровьего Болота, был атакован противником. Артиллерия наша била на картечь; Офицерский батальон лихой атакой отбил врага; с правого фланга пешая разведка и 2 роты 1-го батальона прошли лесом в тыл противнику — от них особенно сильно пострадала латышская кавалерия, готовившаяся к атаке на центр нашего наступления. Потери противника были велики — в плен не брали. Взято 7 пулеметов, штаб одного полка, подвижной лазарет с медицинским персоналом и много всего осталось в кустарнике леса. В этот день 2-й К. У. полк глубоко вклинился в расположение Уд. Группы, занявшей Кромы и перешедшей Оку; полк развернулся фронтом на юг, на восток и на север. Левее, за Окой продолжал движение 2-й батальон 3-го Марковского полка, сдерживая наступление красных на северо-восток. Тыл 2-го К. У. полка от с. Опалково до ст. Саханская —

протяжение в 36 верст — оставался открытым. В этот день фронт Корниловской Ударной дивизии равнялся 63 верстам.

ДЕЙСТВИЯ КРАСНЫХ 3-Х: (по описанию Агуреева) действия были таковы: на Орел с запада наступала Эстонская дивизия, а с севера 9-я Сводная. Деникинское командование бросило против Уд. Группы главные силы (?) — Корниловские полки (это был 2-й К. У. полк). Но белое командование не дооценило силы Группы. Дроздовцы на стыке 41-й и 7-й дивизий немного продвинулись у Дмитровки, но с подходом бригады 7-й дивизии были отброшены. Двум бригадам Латышской дивизии и Отдельной стр. бригаде, наступавшим на Орел и на Стиш, белогвардейцы оказали упорное сопротивление (это был 2-й К. У. полк); населенные пункты несколько раз переходили из рук в руки. Когда Юж. Фронт получил и 45-ю стр. дивизию в резерв, то Эстонская и 9-я дивизии стали в исходное положение для атаки Орла.

НАШИ ДЕЙСТВИЯ 4-Х: На старых позициях 1-й и 3-й К. У. полки отбивают наступление на Орел. 2-й К. У. полк наступает на Кромы. Атакуя укрепленную позицию (окопы полной профили с проволокой), 2 роты 1-го батальона и остатки нашей пешей разведки под сильным огнем доходят до противника, несут большие потери и, встреченные гранатами, отходят. Противник переходит в наступление; Офицерский батальон прикрывает отход полка. Оказывается, вр. Командующий полком

получил приказ об отходе полка к хутору Самохвалова, но не приостановил наступления 2-х рот и пешей разведки и они понесли ненужные потери. При отступлении произошло трагическое недоразумение: наш санитарный обоз был по ошибке обстрелян своей заставой, свернул на первую попавшуюся дорогу и там был захвачен красной конницей. В этот день в полку убитых и раненых — 250 человек. 2-й батальон 3-го Марковского полка отбил атаку латышей у Шахово и перешел в резерв 2-го К. У. полка.

ДЕЙСТВИЯ КРАСНЫХ 4-Х: Красные наступают на 1-й и 3-й К. У. полки. 2-й К. У. полк наступает на красных.

НАШИ ДЕЙСТВИЯ 5-Х: 2-му У. К. полку снова приказано наступать на Кромы. Остатки 1-го батальона с боем гонят врага на Агеевку, атакованы со стороны Себякино, отступают на 3 версты, ставши фронтом на запад и юго-запад; обход ликвидирован 3-м батальоном полка. Затем 2-й и 3-й батальоны перешли реку, гоня противника; наши потери велики; убит только что возвратившийся после ранения Командир 3-го батальона поручик Судьбин, исключительно выдающийся Корниловец. В 17 ч. приказано отходить на Спасское-Яковку.

ДЕЙСТВИЯ КРАСНЫХ 5-Х: 2-й и 3-й Латышским бригадам, наступавшим с юга и запада от Кромы на Орел и Стиш, белогвардейцы (2-й К. У. полк) оказывали ожесточенное сопротивление.

НАШИ ДЕЙСТВИЯ 6-Х: Согласно приказа по дивизии, 1-й и 3-й К. У. полки в ночь на 7-Х покидают Орел и отходят вдоль жел. дороги на Курск; в городе оставлен небольшой арьергард. Для выхода из окружения 2-й К. У. полк, по приказу Начальника дивизии, отходит в Сретенское; при переправе через Оку противник атакует с юга; бывший в арьергарде 1-й батальон сдерживает латышей; у Лаврово он с трудом избегает окружения. Хутор Ступин занят противником; батальону 3-го Марковского полка приказано выбить его; приказ выполнили, но ночью латыши отбросили их в Любаново, где сосредоточился 2-й К. У. полк, исключая 1-й батальон.

7-Х утром 3-й К. У. полк переходит в наступление и к вечеру занимает позицию: Стиш — Колодезь — Жидково. 2-й К. У. полк в 4 часа утра выступает на Стиш и далее на ст. Репино. Полки дивизии соединились, что ободрило Ударников. Невынс-

симо отсутствие теплой одежды. Из Орла уходят жители, загромождают дороги и тем препятствуют маневру Дивизии.

ДЕЙСТВИЯ КРАСНЫХ: 7-X Эстонская и 9-я Сводная дивизии с Отдельной бригадой повели наступление на Орел.

8-X с утра советские войска с трех сторон наступали на Орел и после жарких боев (?) освободили его. Деникинцы потерпели первое крупное поражение. Войска 14-й и 13-й Армий подошли к ст. Стиш. Все попытки белых разгромить левый фланг 14-й Армии потерпели полный крах. Директива Командования Юж. Фронтом: "Наступать на Курск, дабы окончательно уничтожить зарвавшегося противника в районе Орел — Ливны. 14-й Армии — Уд. Группой на Фатеж — Курск; 13-й Армии — Эстонской дивизией на Малоархангельск, а 9-й стр. дивизией — через Орел на Ливны".

НАШИ ДЕЙСТВИЯ: 8-X 1-й К. У. полк остановил продвижение противника около ст. Стиш. 3-й К. У. полк, продолжая наступление, выдвинулся на линию Михайловка — Любаново. Во 2-й К. У. полк приехал Командующий Добровольческой Армией генерал Май-Маевский. Перед выстроенным полком он хвастался: возьму ворону за хвост (т. е. красных). Это горечью отозвалось в сердцах Корниловцев, а присутствовавший на параде Командир 3-го дивизиона Корниловской артиллерийской бригады полковник Роппонет заплакал: невиданным был такой отрыв Командующего от действительности. Не ответив на маневр красных, когда мы были в полной мощи, поздно было ему говорить о предстоящей победе, когда мы потеряли половину состава, были до предела измотаны и полу-одеты. Я не присутствовал при проводах генерала Май-Маевского, но Командир Офицерского батальона капитан Иванов К. К. говорил, что при отходе поезда Командующий сказал: "До свидания в Туле!". Какое непонимание действительности! Мы искренне обрадовались приезду нашего Командира полка полковника Пашкевича: еще слабый после ранения, он со слезами на глазах обходил остатки своего полка, обещая скоро возвратиться с пополнением. Мы имели случай поздравить его с производством в полковники.

9-11-X 1-й К. У. полк, в резерве Дивизии, продолжает отходить по линии железной дороги. Из Курска прибыли и выгрузились на ст. Дьячья 1-й и 3-й батальоны 3-го Марковского

полка. С утра 3-й К. У. полк ведет упорный встречный бой с превосходящими силами Эстонской дивизии. Потери полка — 400 человек. На правом фланге полк, отбив противника, гонит его на север. К вечеру отходит в исходное положение, где удерживается до 14-Х. 2-й К. У. полк отбивает **9-Х** наступление врага на фронте х. Дубовик, х. Ново-Троицкий, Хомуты, Пашково. **10-Х** бой продолжается. **11-Х** перемешанные части 7-й дивизии, Сводной бригады и латышей наступают двумя группами: одна — по шоссе Орел — Кромы, другая — с запада на с. Лаврово. У Дубовика 1-й батальон отбил противника; у х. Козлова 3-й батальон два раза отступал: его потери огромны — 150 человек. Расстреляно 400.000 патронов. Справа от полка 3-й К. У. полк; слева нет связи с 3-м Марковским полком. Его два батальона взяли 10-Х Кромы, а вечером 11-Х латыши их оттуда выбивают и они отходят на ст. Дьячья. Получено сообщение, что 10-Х Алексеевцы оставили Новосиль, а 11-Х Воронеж взят 12-й стр. дивизией и 4-й кав. дивизией Буденного.

ДЕЙСТВИЯ КРАСНЫХ 9-11-Х: На левом фланге 14-й Армии у Дмитриевска и Кромы 7-я стр. дивизия и Ударная Группа встретили упорное сопротивление белогвардейцев. 3-й Марковский и 2-й Корниловский полки потеснили левый фланг 1-й Латышской бригады и Марковцы заняли Кромы. (Ошибка у Агуреева: только 2-й батальон Марковцев со 2-м К. У. полком отбивал латышей, наступавших из Кром на Орел; 3-й же Марковский полк брал только переправу у Кромы, а из города латыши сами отошли — очевидно, под действием Корниловцев). Марковцев из Кром выбила ночью атакой 3-я Латышская бригада.

НАШИ ДЕЙСТВИЯ 12-Х: 1-й К. У. полк (резерв Дивизии) продолжал отходить. 3-й и 2-й полки удерживают свои позиции.

13-Х 2-му К. У. полку приказано наступать почти до р. Оки у села Шатова. 1-й батальон удерживает х. Дубовик; прочие батальоны, разбив 1-й Киевский и 1-й Фастовский полки, выходят на линию Дубовик — Быстрица, выслав заставы к селу Шатово. Черноморский конный дивизион — у д. Шумаково.

14-Х: Несмотря на успех 2-го и 3-го К. У. полков, взять гор. Кромы не удалось и потому 2-му К. У. полку приказано отходить на Червяк-Знаменский и Сергиевский. 1-й К. У. полк в резерве Дивизии. 3-й удерживает свои позиции. 3-й Марковский полк в ночь на 14-Х отходит на ст. Дьячья; связи с ним нет.

Дроздовцы оставили г. Дмитровск (до них от левого фланга 2-го К. У. полка — 62 версты, через Кромы). Погода окончательно испортилась: дождь со снегом.

ДЕЙСТВИЯ КРАСНЫХ: О боях в полосе Кромы — Стиш и об их значении Ленин сказал:

> Наступает момент, когда Деникину придется бросать все на карту. Никогда еще не было таких кровопролитных, ожесточенных боев, как под Орлом, где неприятель бросает самые лучшие силы, так называемые Корниловские, где треть состоит из офицеров, наиболее контрреволюционных, наиболее обученных, самых бешеных в своей ненависти к рабочим и крестьянам, (офицеров) защищающих восстановление своей помещичьей власти. Вот почему мы имеем основание думать, что теперь приближается решающий момент на Южном Фронте. Победа под Орлом показала, что перелом наступил.

14-Х реввоенсовет республики приказал наступать от Орла на Курск.

15-Х. Дивизии Эстонская и 9-я стрелковая, бригады: 2-я Латышская, 2-я стрелковая и Павлова, сменив Уд. Группу, вели кровопролитные бои у ст. Стиш.

НАШИ ДЕЙСТВИЯ: Отряду полковника Пешня (2-й К. У., 3-й Марковский полки и Черноморский дивизион) приказано, сосредоточившись у ст. Дьячья, ударом на север отбросить Кромскую группу за р. Кромы. **15-16-Х** 2-й К. У. полк берет В. Муханов и Павловку; батальон 3-го Марк. полка — Корсаково. В ночь на **15-Х** 3-й К. У. полк отходит к Червяк-Знаменский (кошмарный переход под проливным дожден со снегом) и **16-17-Х** отбивает атаки врага.

17-Х 2-й К. У.полк наступает и берет Жерновец и Чернодья — захвачено 1 орудие и 50 снарядов.

ДЕЙСТВИЯ КРАСНЫХ: советский источник умалчивает о боях у ст. Дьячья. Прорыв их Уд. Группы удался, но и на этот раз не произошло разгрома Корниловских полков, хотя силы красных превосходили наши минимум в 10 раз.

НАШИ ДЕЙСТВИЯ: 18-Х отряд полк. Пешня ведет контратаки. Батальон пор. Левитова, которому временно подчинен 3-й Марк. полк и Черноморский дивизион, выбивает врага из Караськово; отбивает контрудар на Зиновьево, берет хут. Спасский; спешно

идет на Зиновьево и оттуда выбивает противника, который отступает на Подселье, бросив пулеметы и раненых. 2-й и 3-й батальоны 2-го К. У. полка заняли Гостомлю и Ломовец, но контратакой выбиты. В боях этого дня с латышами доходило до штыковых схваток, в которых особенно отличился 2-й батальон штабс-капитана Померанцева. 3-й К. У. полк, атакованный противником, оставляет с. Червяк-Знаменский.

19-X согласно приказу, за левым флангом 2-го К. У. полка должен быть 3-й Дроздовский полк, но там оказался противник. 2-й К. У. полк занял Чернодье, но наступление на Ломовец успеха не имело; потери полка очень велики. Наступили сильные морозы и большинство бесшинельных заболело, многие отморозили конечности.

20-X красные с утра ведут наступление на 2-й К. У. полк, на Караськово — Зиновьево; несмотря на то, что 3-й Марковский полк выведен из боя и ушел для получения пополнения, 1-й батальон с Черноморским конным дивизионом отбил все атаки латышей (с большими для себя потерями). Латыши выбили 2-й и 3-й б-оны из сел Чернодье и Жерновец. Дивизии стрелковая Латышская и конная Червонного Казачества напрягают усилия для разгрома Отряда полковника Пешня, с целью отрезать Корниловской У. дивизии путь отступления на Курск. На участке 3-го К. У. полка все атаки отбиты.

ДЕЙСТВИЯ КРАСНЫХ: 19-X бригада 9-й стр. дивизии наступала на Малоархангельск для поддержки Эстонской дивизии.

20-X Две Латыш. бригады должны были прорваться на участке Чернь — Чернодье. Мощная 8-я дивизия Червонного Казачества (под командой Примакова) должна была выйти в прорыв между Дроздовской и Корниловской дивизиями, ударить на Дьячья и дальше на юг. Деникинцы были выбиты из Черни и Чернодья. 8-я кав. дивизия, наступая на ст. Поныри, взяла у 3-го Дроздовского полка батарею, 9 пулеметов и обоз. 60-й кавалерийский полк, совершив налет на г. Фатеж, убил 30 офицеров, взорвал ж.-д. путь и водокачки.

ОТСТУПЛЕНИЕ

НАШИ ДЕЙСТВИЯ: На участке 1-го К. У. полка глубоко прорвавшийся противник занял **21-Х** кавалерией Поныри, но ротами полка был отброшен. Во 2-м полку положение критическое: наступающая Латыш. дивизия вводит свежие силы, а у Корниловцев резервы исчерпаны. Противник занял Зиновьевку и Павловку, но контратака **1**-го батальона спасла положение. Только отменная доблесть полка и артиллерии могла преодолеть во много раз превосходящие силы противника и суровую природу — стоял сильный мороз, а мы без теплого обмундирования. Многие не надеялись на контрнаступление и население тоже не надеялось, что плохо влияло на бойцов. Командный состав бранил высшее начальство: ни подкрепления, ни пополнения, ни управления. Фронт был накануне развала. Это все чувствовали. Напрягали все силы. Но неизбежное началось: отступление.

ДЕЙСТВИЯ КРАСНЫХ: Уд. Группа перешла в решительное наступление **21-Х.**

НАШИ ДЕЙСТВИЯ: **22-23-Х** 1-й К. У. полк выдвигается к Фатежу, чтобы прикрыть левый фланг Дивизии. 2-му полку приказано (в связи с обстановкой) отойти и удерживать линию Сеньково — Ловчиково — Гремяче — Озерки. Правее его 3-й полк у ст. Глазуновка.

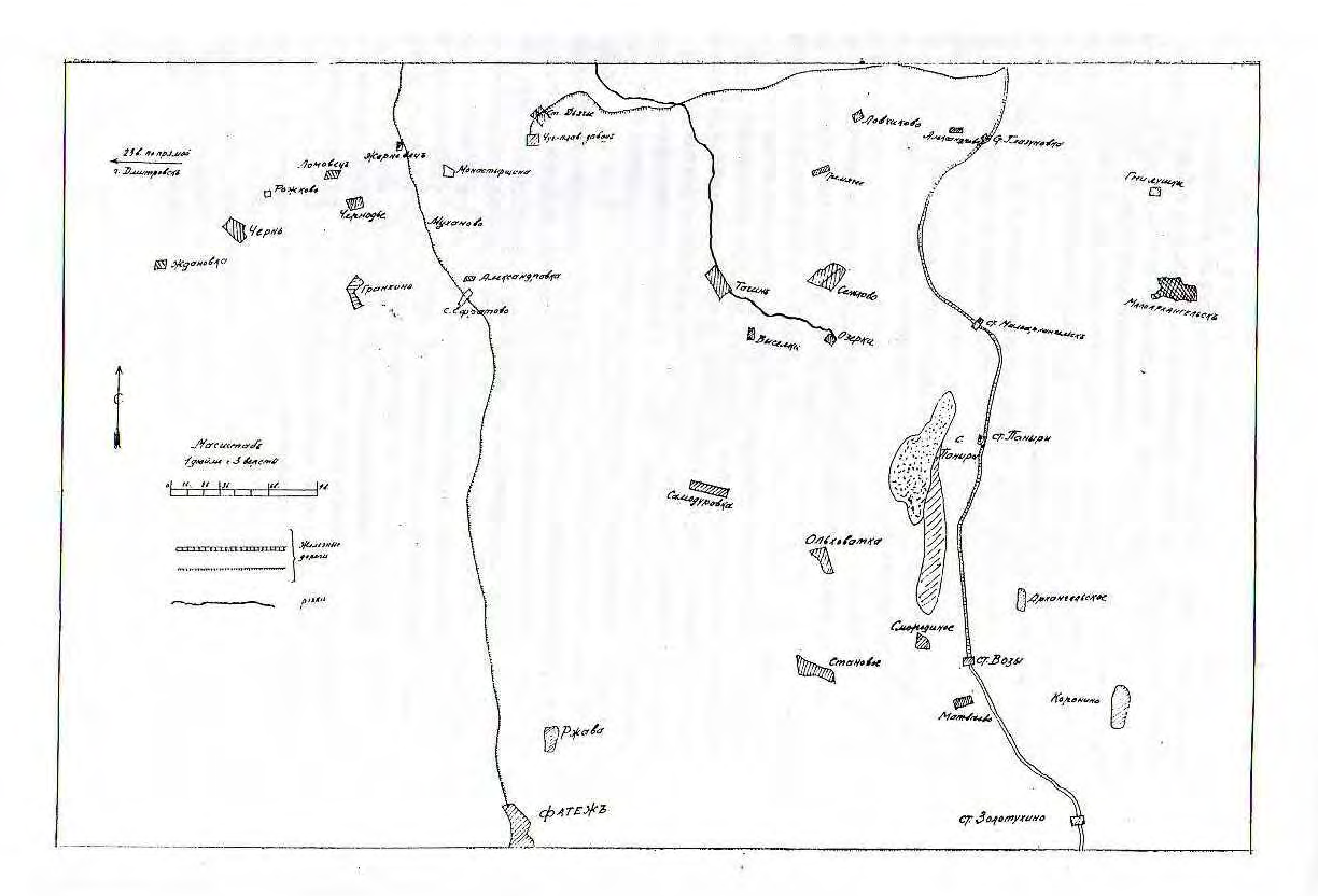
24-25-Х 2-му К. У. полку приказано наступать на запад. Была гололедица, дождь со снегом. Противник оказывал упорное сопротивление. 1-й батальон поручика Левитова занял Сеньково; 2-й батальон штабс-капитана Померанцева после нескольких неудавшихся атак на Битюк — Подоляне, отступил, понеся большие потери; 3-й батальон поручика Вихша встретил у д. Сабуровки большие силы пехоты и кавалерии, несколько раз захватывал окраину села и, понеся большие потери, тоже отступил. Положение сделалось критическим: пехота красных перешла в контратаку, а кавалерийский полк стал рубить батальон. Началось бегство, но конница была остановлена сомкнутой 3-й ротой штабс-капитана Панасюка, Офицерского батальона и 5-й батареею, стрелявшей на дистанции в 400 шагов. К ним присоединилась 1-я Офицерская рота. По их примеру все стали сбегаться в группы и отбивать конницу. Не будь выдающейся выдержки и примерного мужества штабс-капитана Панасюка и артиллеристов, едва ли полку уда-

лось бы уйти от конницы. Когда кавалерийская атака была отбита и полк преследовали лишь отдельные разъезды, были брошены 2 тяжелых орудия, хотя за ними шли 2 Офицерские роты. Полк отошел к ст. Поныри, где связался со Штабом дивизии. 1-й же батальон оставался на месте, не получив распоряжений; телефонную связь прервала красная конница, а наблюдать ход боя мешал снег и туман; посланный для связи разъезд батальона был отрезан конницей; второй разъезд не нашел Штаба полка. На это ушла ночь. Утром противник наступал, был отбит и оставался пассивным, а в полночь Командир батальона решил отходить на Поныри вместе с батареею полковника Думбадзе.

3-му К. У. полку было приказано отойти к Малоярославцу, что было выполнено под огнем наступавшего противника. Изнуренные Корниловцы отбивают атаки и в течение 2-х суток удерживают город, оставив его затем по приказу.

1-й К. У. полк перешел из резерва на левый фланг Дивизии и под командой полковника Гордиенко К. П. разбил 3 полка латышей (в книге Агуреева об этом сказано: "26-X на шоссе Кромы — Фатеж части Корниловской пехоты оттеснили 3-ю Латышскую бригаду Уд. Группы на север"). 1-й полк имел самое большое количество пулеметов и теперь он блестяще выполнил свой удар из резерва: все свидетельствует, что противник еще раз получил от Корниловцев хороший урок.

26-X ночной отход 1-го батальона 2-го полка был ужасен: снег с сильным ветром в лицо и гололедица, и такая глубокая грязь, что приходилось местами не только пушки тащить на руках, но и лошадей. К 6 часам стали втягиваться в с. Поныри и наткнулись на разъезды красных; все замерзли, драться никто не мог. Разъезды, после отборной ругани, скрылись и батальон стал по квартирам, а в том же селе (оно имело в длину 15 верст) ночевали и красные. Разъезды полковой команды конных разведчиков нашли нас и привезли приказание идти к ст. Поныри (в 3-х верстах от села). До рассвета пришел туда батальон и тут же, в составе полка, двинулся на юг; к полудню 2-й полк расположился в селах Смородиное, Становое, Матвеевка. Справа 3-й полк в селах Яковлево, Коронино. 1-й полк у д. Ржава (севернее Фатежа). Согласно приказа по Дивизии, поручик Левитов вступил во временное командование 3-м полком.

г. Дмитровскъ
Черкь
Ждановка
Ломовецъ
Ржавчикъ
Черноде
Граненово
Жерновецъ
Монастырщина
Муханово
Александровка
с. Ефратово
Масштабъ
1 дюймъ = 3 версты
Железныя
реки
ФАТЕЖЪ
Ржава
Тагино
Сетково
Веселые
Озерки
Самодуровка
Ольховатка
Становое
Смородиное
с. Понырь
ст. Поныри
ст. Возы
Матвеево
Коронино
ст. Золотухино
Ложбиново
ст. Малоархангельскъ
Малоархангельскъ

26-27-X, по приказу, 3-й К. У. полк оставляет Малоархангельск, отходит на д. Гнилец — с. Заболотное. Правее Алексеевцы отступают на Щигры; связи с ними нет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приказ красного командования Ударной Группе наступлением на восток от Кромы на станцию Еропкино, перерезать не позже 3-X линию жел. дороги Орел — Курск был исполнен с опозданием на 24 дня. Лишь 27-X красные достигли с. Поныри, но окружения Корниловской У. дивизии не получилось. Ни колоссальный перевес в силах, не маневрирование не дало красным "молниеносного разгрома" Добровольческой Армии. Основной причиной тому были мужество и доблесть Корниловской Ударной дивизии в боях под Орлом. В "Перекличке" были опубликованы советские снимки (1919 года), изображающие толпу, в городе, в видимом смущении встречающую чужих янычар: латышей, эстонцев, венгров, евреев с китайцами — это они решили Орловские бои в октябре, навалившись на белых силой 70.000 бойцов.

Потери Корниловской У. дивизии за Орлово — Кромскую операцию были: 1-й полк — 750 человек, 2-й полк — 1 560, 3-й полк — 646. Пополнение поступало из запасных батальонов Дивизии; были и добровольцы из местных жителей, но их потери не включены в вышеприведенные числа.

Потери и ратные тяготы не сломили дух Корниловских частей и их верности заветам генерала Корнилова. Это генерал Врангель, вручая им в Крыму, в 1920 г., Георгиевское знамя, выразил словами:

> Орлы ратные, Корниловцы! Сегодня, первые после зачисления в ваши славные ряды, довелось мне увидеть вас. Сегодня привез я вам, достойнейшим из достойных этой чести, знамя бывшего Георгиевского батальона (при Ставке). Это знамя вручил батальону храбрых сам Корнилов, чье бессмертное имя носите вы, бессмертные Корниловцы. На этом знамени начертаны слова: "Благо

Родины превыше всего". Их хранил в своем сердце Корнилов, их теперь храните вы, Корниловцы. Благо Родины это то, за что лучшие сыны Ее уже три года орошают своею кровью Ее поля. Это то, что заставляет вас пренебрегать холодом, голодом.. Это то, ради чего вы несетесь через тучи пуль, не считая врага.

Я вручаю вам это знамя храбрейших. На нем изображен орел, расправивший свои могучие крылья — ваш прообраз. На нем Георгиевские ленты и Георгиевский крест, украшение груди русских храбрецов. Достойнейшая награда увенчает вас, Орлы-Корниловцы, и я знаю, что вы вполне достойны ее, Орлы!

Одним криком, криком русского солдата — могучее ура! нашей страдалице Матери-России!

Грянуло многотысячное "ура!" — две трети грудей, из которых оно вырвалось, было бывших красноармейских — оно до сего дня звучит в наших ушах и укрепляет веру в победу Национальной России.

На все судьба. За свой грех, за революцию во время Великой войны Россия должна была понести наказание. И несет его 50 лет, обливаясь слезами и кровью.

Но Бог милостив. Вечная Россия изживет и это лихолетие и снова станет Она на свой исконный, исторический путь величия и славы, сохраняя добрую память о своих доблестных Корниловских Ударных полках, которые, по примеру своего Вождя и Шефа полка генерала Корнилова Лавра Георгиевича, жизнь свою не щадили в борьбе с палачами России, Лениным и чекистами, в борьбе за честь России.

В битве у Орла Корниловцы исполнили свой воинский долг перед Россией и действительно, под Орлом дрались Корниловцы-Орлы.

Бывший Командир 2-го Корниловского
Ударного полка **полковник Левитов**

КОРНИЛОВСКАЯ АРТИЛЛЕРИЯ

Приступая к изложению сохранившихся в памяти событий жизни Корниловской артиллерийской бригады со дня основания и до конца ее существования, после 3-летней героической борьбы, я приношу братскую благодарность инициаторам издания сборника полковнику Левитову и проф. полковнику Месснеру за приглашение принять участие в составлении Юбилейной Памятки ко дню 50-летия Корниловских частей. Приношу искреннюю благодарность всем Корниловцам, давшим материалы и советы для составления настоящих записок.

Вместе с тем я позволю себе перед лицом истории засвидетельствовать те чувства искреннего уважения и, больше того, восхищения исключительной доблестью и мужеством Ударников. Мы, артиллеристы, были восторженными свидетелями их дел на протяжении всей войны с ее непрерывными боями. Не было такого положения, из которого с честью не мог бы выйти храбрый Ударник, искусно водимый своими командирами: ни превосходство врага в подавляющем количестве, ни недостаток вооружения, ни ограниченный запас патронов, ни благоприятствующая врагу обстановка боя не могли воспрепятствовать Корниловцу-ударнику вырвать из вражеских рук победу, обильно политую Корниловской жертвенной кровью.

Тот победоносный дух, которым был пропитан Корнилов-

ский Ударный полк от рядового до командира, побуждал и нас, артиллеристов, быть достойными сподвижниками своих братьев-ударников. Глубокое доверие к ним сплошь и рядом толкало нас на рискованные выходы на открытые позиции, даже впереди своих цепей и на движение вместе с наступающей пехотой; здесь осуществлялось на деле сопровождение своей пехоты не только огнем, но и колесами, на чем так настаивала тактика артиллерии.

Благодаря установившейся традиции боевого товарищества, операции Полка почти всегда проходили с громадным успехом, даже в период отхода Добровольческой Армии, когда общая обстановка могла подорвать эту высокую боеспособность.

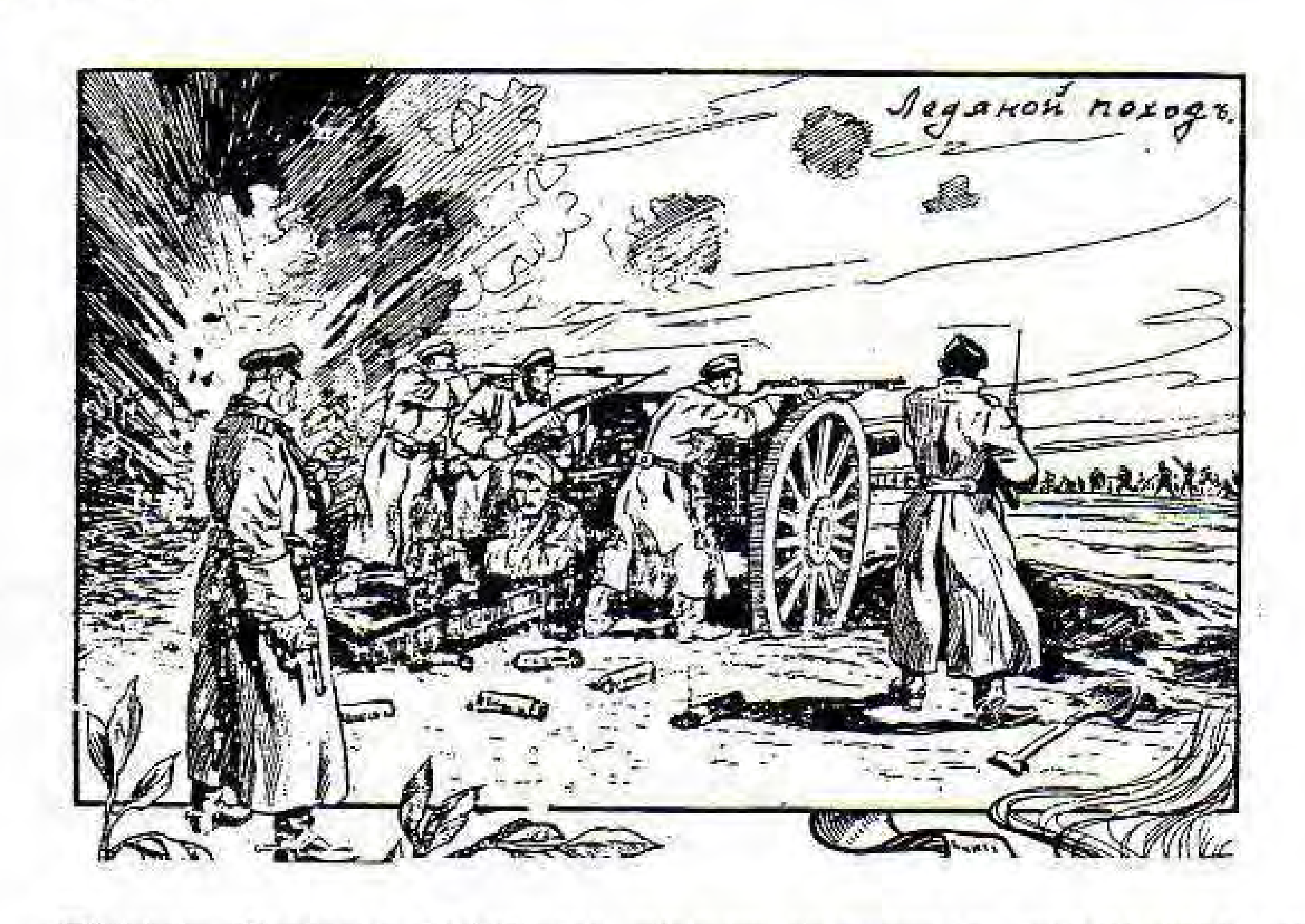
Оказавшись, силой обстоятельств, снова на берегах Дона, в той колыбели добровольчества, откуда начался поход на север, Корниловцы своим мощным ударом едва не обернули к победе поворотное колесо событий, прорвав позиции большевиков у Ростова; не сломились они под Новороссийском; из Крыма вышли на простор Таврии, громя постоянно нароставшие силы врага.

Говоря о доблести Ударников, я имею в виду и славный Конный Дивизион во главе с полковником Ковалевским и сапер полковника Добровольского.

Все эти подвиги не принесли конечной победы, но они отразили любовь к своему Отечеству и готовность на жертвы, а для военной истории показали образцы высокого уменья побеждать вмале. Пусть же пришедшие после нас прочтут на страницах этого Сборника о делах воинов под черно-красным знаменем на пути к достижению их великой, заветной цели: освобождения России от красного ига.

К нашему прискорбию, смерть генерала Ерогина и его заместителя полковника Роппонета, а также адъютанта бригады шт.-капитана Шереметова, погибшего от несчастного случая (смертельно ранил себя выстрелом из охотничьего ружья), а сверх того последовавшие неоднократные переезды в разные страны привели к потере нужных документов для подтверждения фактов организационного и боевого значения, а потому настоящее изложение не может претендовать на безошибочность.

Формирование Бригады носило спорадический характер и производилось по мере накопления средств, поступавших из той добычи, которая захватывалась во время боевых действий. Этот источник снабжения в течение первого года был единственным.

Первая батарея Бригады может считаться прародительницей всех 8 батарей. Через это горнило проходил, главным образом, командный состав Бригады и пропитывался духом добровольчества, уверенного в своей непобедимости. Сама же батарея пережила пертрубации: выйдя в 1-й Кубанский поход 3-ей батарей в составе Дивизиона ген. Икишева, вернулась из Похода под именем 2-й отдельной батареи с командиром подполковником Ерогиным. Она стала 1-й Корниловской батареею, выделившею из своего состава 2-ю, 3-ю и 4-ю батареи. Образовавшийся 1-й дивизион был сперва на фронте против грузин, а во время действий у Изюма соединился с Корниловскою Арт. бригадою; 2-й дивизион пошел на Киевское направление. 3-й дивизион образовали две Марковские батареи, переименованные в 5-ю и 6-ю Корниловские. 4-й дивизион был гаубичный — 7-я и 8-я батареи.

В конечном итоге, после многих переформирований Бригада к ноябрю месяцу 1919 г. имела следующий законченный состав:

Командир бригады генерал-майор Ерогин.

1-й Дивизион полковник Королев

1-ая имени генерала Корнилова батарея полковник Пио-Ульский

2-ая батарея полковник Глотов

2-ой Дивизион полковник Гегела-Швили

3-ья батарея капитан Шинкевич

4-ая батарея полковник Поспехов

3-й Дивизион полковник Роппонет

5-ая батарея полковник Петренко

6-ая батарея полковник Гетц

4-ый Дивизион полковник Джаксон

7-ая батарея полковник Халютин

8-ая батарея полковник Мальм

Однако указанный состав, вследствие понесенных потерь видоизменился в Крыму. 1-й Дивизион составили: 1-я генерала Корнилова батарея и 2-ая батарея. 3-ий Дивизион в составе батарей 5-ой и 6-ой. (2-й Дивизион был интернирован в Польше и в Крыму его личный состав влился в наши батареи; 4-й дивизион — 7-я и 8-я батареи — действовал в составе иных соединений). Бригада, обслуживая в Крымский период Дивизию, делилась так: 1-й Дивизион работал с 1-м и 3-м Полками, 3-й Дивизион непрерывно с 2-м Полком. Этот боевой контакт пехоты с артиллерией был могучим рычагом при разрешении возложенных задач; основами были: обоюдное доверие и взаимная поддержка.

Ограниченность места в Сборнике не позволяет широко описать действия всех батарей Бригады, а потому коснусь батарей, в которых протекала моя служба, и где я занимал командные должности. Это ставило меня в положение живого свидетеля и участника событий этих батарей, а именно: я был начальником орудия в 1-й батарее, старшим офицером в 4-ой батарее и командиром 6-ой батареи.

Общая оценка действий всех батарей, по отзывам нашей пехоты, как главного судьи, выше всяких похвал: Бригада в полном своем составе добросовестно и успешно разрешала возлагаемые на нее боевые задачи: в наступлении прокладывала путь своей похоте, при обороне — своим мощным огнем прикрывала боевой порядок и отражала врага, нанося ему гро-

мадные потери; почти всегда взаимные усилия венчались успехом, а зачастую полным разгромом противника. Никогда не случалось, чтобы надломилась воля к борьбе, уступая неприятелю, и только оперативные причины заставляли поворачивать вспять, но и в этом случае сохранилась боеспособность и решимость продолжать бой.

1-я ИМЕНИ ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА БАТАРЕЯ

Батарея эта была участницей 1-го Кубанского Ледяного похода. Боевой дух сохранила она до конца своего существования, она ковала для Корниловской Арт. бригады дух удали инициативы и искусство глазомера и полевых способов ведения стрельбы. Здесь выработались приемы подвижной войны и упразднилась тяжеловесность способов регулярной войны как-то: разведка позиции, разбивка фронта позиции батареи, установка приборов, построение веера — все это поглощало сравнительно много времени и терялся один из важных моментов открытия огня — его своевременность. Корниловская же бригада упростила все это и опережавщий врага огонь ее батарей в начале боя зачастую создавал благоприятные условия для достижения успеха. Весь 1918 год прошел в подвижной войне, в которой батарея действовала по установившемуся способу: двигаясь в походе вместе со своей пехотой, в головной части ее колонны, она, под прикрытием передовых частей пехотного охранения, при первом соприкосновении с противником обыкновенно занимала открытую позицию и немедленно открывала огонь, а затем сопровождала огнем и движением свою наступающую пехоту. Это сопровождение велось перекатами по взводно ,а большею частью отдельными орудиями. Таким образом орудие стало играть роль тактической единицы, а бывший орудийный фейерверкер "вырос" в начальника орудия, каким он стал именоваться, с возложением на него обязанности решать и исполнять самостоятельные боевые задачи. Кажущееся распыление сил батареи и уменьшение мощности огня окупалось достигнутой совкостью в скоротечном бою и вы-

годой огневой поддержки отдельными орудиями во всех точках на фронте завязавшегося боя. Действия орудий нашло широе применение по мере разрастания фронта и недостатка артиллерии, чем и вызвано было назначение орудий в отдел.

Один из таких случаев выпал на 4-ое орудие батареи, каковым имел честь командовать пишущий эти строки. 4-ое орудие было отправлено в составе сборного отряда полковника Ген. Штаба Слащева для овладения ст. Невиномысской в сентябре-октябре 1918 года и оно пробыло в командировке около месяца. Исходным пунктом намеченной операции была станица Темнолесская. Наше наступление началось без помехи от врага, окопавшегося на высотах восточнее станции Невиномысской. Не доходя позиции большевиков, наши колонны развернулись и движение продолжалось к жел. дороге, которая вела на город Грозный. На левом фланге двигался только что сформированный Ставропольский Офицерский полк, около 400-500 человек, имевший задачей пересечь железную дорогу и повернуть фронт на запад в обход позиции красных, в то время как пластуны направлялись непосредственно на станицу, перед которой противник возвел окопы.

Орудие двигалось за фронтом Офицерского полка, поддерживая огнем его наступление. Полк легко овладел участком жел. дороги и стал поворачивать на фланг противника. Полку пришлось двигаться по довольно крутому подъему, на рубеже которого находился окопавшийся противник, переночевавший там на соломенной подстилке, которая прекрасно обозначила

линию окопов и, будь у нас достаточно снарядов, и, главным образом, гранат, пожалели бы товарищи о предательском комфорте проведенной ночи. Лихо шел в гору наш Офицерский полк, нисколько его не удерживал сильный огонь красных. Расстояние быстро уменьшалось. Но когда полк приблизился на 500 шагов до окопов, неожиданно из выемки железной дороги на полном ходу выкатился бронепоезд и открыл по цепям пулеметный огонь. Минута была критической, но удачные попадания снарядов орудия в бронепоезд заставили его с той же скоростью скрыться в свое убежище.

Бегство это окрылило наши цепи, бросившиеся вперед. Но вот красные поднялись из окопов и своей густой массой устремились навстречу нашим героям. Казалось, что эта лавина сотрет их; однако, герои шли, не дрогнув, вперед с наклоненными штыками, чтобы либо победить, либо умереть; в этот вновь назревший критический момент шрапнель нашего орудия в рядах красных прошла губительной косой. Но я все же не могу взять на себя смелость утверждать, что это было причиной отражения контратаки противника: он морально был потрясен бесстрашием героев-офицеров, шедших безудержно вперед.

Сначала красные на момент замялись на местах, а затем бросились назад в свои окопы и из окопов в тыл — вот тогда они усеяли скат своими трупами от меткого огня и орудия и наступающих цепей полка. Все говорило о победе. Орудие же снялось с позиции, чтобы ближе подойти к своей похоте, как вновь вырвался тот же бронепоезд из выемки и выдвинулся во фланг наших цепей, открыв огонь из всех своих пулеметов. Орудие выпустило последние 3 снаряда и замолчало. Катастрофа разразилась над Офицерским полком. Герои, уцелевшие в своем наступлении под убийственным огнем неприятельской пехоты, теперь были скошены бронепоездом, действовавшим в полной безопасности; только 60 человек вырвались из огневого ада. Наступление было сорвано, а беспомощное орудие отходило к исходному положению без всякого прикрытия, обстреливаемое неприятельской батареей. При этом отходе — 8 километров — оно могло стать легкой добычей неприятеля, если бы тот перешел к преследованию.

В этом примере выявляется бедность нашего арсенала. Что произошло бы на поле боя, если бы орудие наше имело до-

статочно снарядов? — Несомненно, порыв бронепоезда был бы погашен, а он загнан в прежнее убежище, пехота же наша довершила разгром врага.

Говоря о действии батареи, можно много привести случаев одиночного применения орудий, так весь период боев под Ставрополем и Армавиром изобилует примерами самостоятельной орудийной работы. Роль Командира батареи сводилась к наблюдению за полем боя, инспектированию действий орудий и пополнению снарядного запаса, зато начальник орудия становился ответственным функционером артиллерийского огня на своем участке.

Все мы, прошедшие школу подвижной войны в рядах славной батареи, с любовью вспоминаем боевую в ней службу и благодарны за приобретение зарядки того духа, который поддерживал нашу бодрость и веру в победу.

ФОРМИРОВАНИЕ 4-й БАТАРЕИ

Началось формирование 4-й батареи 1 декабря 1918 года в городе Туапсе, отсюда она была переведена в сел. Лазаревка и получила на вооружение австрийские орудия без снарядов. Пополнившись людьми и частично лошадьми, батарея была переброшена в гор. Таганрог, где получила английские орудия и закончила свое формирование, а в мае месяце 1919 года, погруженная на пароход, была отправлена в г. Мариуполь, откуда начала свой поход через Бердянск, Александровск. Поход этот совершила самостоятельно без прикрытия, почти без помехи со стороны неприятеля. Только под колонией Молочная пришлось открыть огонь по маячившим конным группам противника, которые скоро распылились, и поход, а вернее, прогулка продолжалась по просторам Екатеринославской губернии. Закончилась она прибытием в гор. Екатеринослав, который накануне был взят дивизией генерала Шифнер-Маркевича. Батарея была поставлена по квартирам на самом лучшем бульваре города и вошла в состав гарнизона.

Красные, по своему обыкновению, после поражения скоро

приводят себя в порядок и вновь настойчиво добиваются своего. Они и в этот раз попытались захватить Екатеринослав, подкрепив себя полком Ленина. Бой разгорался на западной окраине города. Батарея обрушилась на красных и сразу же остановила их наступление, и затем, нанося им громадные потери, деморализовала их и облегчила нашу контратаку, которая принудила красных к поспешному отходу, окончившемуся преследованием врага нашей конницей.

Батарея вернулась в город и поступила в распоряжение Начальника гарнизона генерала Павловского, благосклонно относившегося к нам. Благодаря таким симпатиям генерала, мы около месяца простояли в прекрасных условиях на отдыхе.

Приятное времяпрепровождение на беспечной стоянке в большом и гостеприимном городе было прервано приказом о переброске батареи в район действий 5-й пехотной дивизии. Батарея была погружена в вагоны и перевезена к ст. Ново-Украинка, куда мы прибыли в день наступления махновцев и разгружались под огнем. Сразу же после спешной разгрузки приняли участие в бою и помогли нашим частям отбросить противника .

Таким образом батарея включилась в состав частей, ей незнакомых и непроверенных в той взаимной спайке, которая всегда нужна и выручает в боевой обстановке. Это знакомство и проверка прошли в районе Плетеный Ташлык, Ново-Украинка, Монастырице, Умань, где мы сталкивались с Махно, с Петлюрой, с галичанами и с большевиками и многократно попадали в самые баснословные приключения, из которых выходили с Божьей помощью, и благодаря находчивости и доблести боевого состава батареи. Включившись в работу с непроверенными частями, мы сразу почувствовали отсутствие боевого братства, которое так прочно сложилось в рядах Корниловских полков. С ними мы никогда не прибегали к сугубым мерам самоохранения и не оставались предоставленными собственной участи. А с новыми партнерами, если благополучно все кончалось, то в этом большую роль сыграла пулеметная команда на тачанках поручиков Норенберг Отто и Георгия: они огнем своих станковых пулеметов предотвращали назревавшую катастрофу.

В бою под Плетеным Ташлыком, когда наступление 75-го

Севастопольского полка закончилось неудачей и остатки этого полка начали спешно отходить, батарея принуждена была сниматься и уходить, но она оказалась прижатой к полотну железной дороги, из-за отсутствия переезда, до которого предстояло пройти более ½ километра. В то время когда голова колонны подходила к переезду, из-за бугра, на уровне батареи, вышла конница неприятеля силою до 1 эскадрона и, увидев нашу батарею, стала рассыпаться в лаву и поворачивать фронт на нас. Пришлось поднять батарею в рысь и выводить по пахоти на близкий бугор, чтобы принять атаку. Не будь пулеметов мы не успели бы сосредоточиться на намеченной позиции, но наши пулеметы, оставленные у переезда, остановили идущую на нас с шашками наголо конницу. Напрягая все усилия, батарея быстро заняла позицию и приготовилась к картечному огню, но когда противник увидел направленные на него дула 4-х орудий, он остановился; в это время оба пулемета перекатами были оттянуты на фланги батареи. Идти на такую грозную стену огня не хватило у робкого врага смелости.

Наступил психологический перелом, в котором победителями оказались мы. Подоспевшая ночь помогла оторваться от недоумевающего противника. Батарея снялась с позиции и двинулась по пахоти в тыл, взяв гадательно направление, но пройдя таким способом около ½ часа, остановилась и приступила к разведке дорог и определения своего местонахождения по карте. В это время послышасля какой-то шорох, батарея приготовилась к огню. Высланная вперед разведка встретила оторвавшийся взвод полка, который и присоединился к батарее, как прикрытие. Ночь вступила в свои права, на небе загорелись звезды, вот они и помогли верно взять направление на соседнюю станцию, куда мы прибыли к рассвету, вызвав радость среди нашей пехоты, считавшей нас погибшими.

Не меньший интерес в серии боев в составе 5-ой дивизии вызывает бой за ст. Помощную, в котором принял участие Гвардейский батальон, составлявший главную часть пехоты отряда.

Для глубокой разведки в район ст. Помощной был выслан из ст. Ново-Украинка сборный отряд с участием взвода 4-ой батареи и орудия Мортирной батареи. Выступив до рассвета, отряд подошел к ст. Помощная, когда утренние сумерки рас-

сеялись. Разворачивание отряда началось тотчас же на последней возвышенности перед станцией, на которой дымил бронепоезд и стояло несколько составов. Противник молчал. До станции было меньше 2-х километров. Наша пехота энергично пошла вперед, наша артиллерия открыла огонь по станции, там началась паника и все составы вместе с бронепоездом стали отходить.

Наступление ускорилось, цепи почти прошли ½ расстояния, отделяющего нас от станции и вдруг пронеслась очередь неприятельской батареи над нами, а затем весь огонь обрушился на нашу пехоту, причем такой сокрушительный и меткий, что пехота принуждена была залечь и обратилась к нам за помощью. Но найти закрыто стоящую вражескую батарею не так легко. Ничего нет для артиллериста обиднее, как оставаться беспомощным на глазах у погибающей пехоты. Надо было во что бы то ни стало найти батарею или ее наблюдательный пункт. Тщательной разведкой с помощью бинокля удалось на одном из курганов обнаружить плохо замаскированную фигуру, по всем признакам похожую на наблюдателя. Взвод батареи немедленно направил туда огонь и сразу сказалось его действие — батарея противника замолчала. Когда мы заняли эту высоту за курганом, то за ним нашли убитого наблюдателя и его лошадь.

Помеха наступлению была устранена и все двинулось вперед, как и наш взвод, но из предосторожности движение это шло перекатами: пока одно орудие стреляло, второе двигалось. Пехота наша вошла на станцию, а взвод батареи своим одним орудием достиг высоты, где лежал убитый наблюдатель. Отсюда сразу увидели грозящую нам опасность: большая колонна неприятельской конницы с пулеметными тачанками уже вышла в наш тыл по скрытой от нашего наблюдения лощине; часть этой колонны шла на нас, а другая на рысях направлялась в наш глубокий тыл. При виде такой угрозы наши части начали отходить в исходное положение на холмик, где произошло разворачивание отряда. Выдвинутое орудие батареи пришлось спешно убрать, но зато второе, оставленное на холмике, приняло на себя отходившие цепи и вот это орудие взвода огнем своим охладило неприятеля, появившегося на только что нами оставленном бугре с убитым наблюдателем.

Отход наших цепей продолжался и, когда пехота села на подводы, превратился в беспорядочное отступление. Скоро эта масса подвод образовала скопище, обезумевшее под выстрелами напиравшего сзади врага. Взвод батареи оказался в гуще объятой паникой массы, стрелявшей куда попало. Наши энергичные меры с применением стэков, ножен и даже обнаженных шашек, чтобы вырваться из этого хаоса и принять меры к самообороне, оказались в этот момент бессильными, но, к счастью, встречный огонь спешенной за возвышенностью красной конницы повернул беглецов направо на безопасный фланг, что помогло вырваться взводу из Панургова стада и приготовиться к бою.

Опять выкатились наши пулеметы братьев Норенберг и открыли огонь по спешенной коннице. Под их прикрытием взвод орудий тоже открыл огонь. Лава была сметена, там началось бегство, подгоняемое нашим огнем. Теперь роли наши переменились — противник, понеся потери, бежал. Отряд благополучно присоединился к главным силам. Наш же враг свой блестящий маневр скомпрометировал по вине начальника обхода, совсем некстати спешившего всадников и таким образом выпустившего свои трофеи. Его атака в конном строю грозила бы нам полной катастрофой.

Эти боевые приключения долго сопутствовали батарее, разрешаясь каждый раз благополучно и только конец добровольческой эпопеи привел ее в лагерь в Польше, где ее ждало обидное разоружение.

6-я БАТАРЕЯ

Сформированная из марковских частей в походе на Москву, батарея погибла при общем отходе в ноябре месяце того же 1919 года. Обоз батареи с частью своего состава переведен был в ст. Кущевку, куда прибыл вновь назначенный командир батареи полковник Гетц. Оттуда эти кадры были переведены в ст. Тимашевскую, где и началось формирование батареи. За короткий срок батарея доведена была в людском составе до

штата и получила 2 орудия. С этим составом она отходила на Новороссийск, принимая участие в арьергардных боях. После Новороссийской катастрофы, когда пришлось всю материальную часть и конский состав оставить на берегу, в Крыму она возродилась за счет расформированной школьной батареи и опять вступила в строй, приняв участие в Крымских боях и в Таврии. За свои удачные действия батарея была награждена Николаевскими трубами с национальными лентами. Из той серии боев, участницей которых была батарея, заслуживает особого внимания разгром Жлобы.

Накануне этого знаменательного дня 2-ой Корниловский Ударный полк с 3-м дивизионом сосредоточились в селе Спасское, а затем на рассвете этот наш отряд был атакован красной конницей, но конница с большими потерями была отброшена, потеряв свою артиллерию. Вслед за разгромом противника началось наше наступление на кол. Роккенау, где, по сведениям, накопились красные — часть корпуса Жлобы, теснившего Донской корпус. Батарея шла в авангарде. Колонна достигла колонии Роккенау без всяких происшествий и заняла ее утром.

Когда появившееся над горизонтом солнце четко осветило холмы на юго-восток от нас, на них мы увидели колонны красной конницы, повернутые к нам тылом и готовые к наступлению против Донского корпуса. Артиллерия красных уже стреляла по расположению донцов. 6-я батарея выехала из колонны на позицию и открыла огонь по стрелявшей батарее красных. Там в первый момент наступил паралич от неожиданности и от удачно легшей очереди батарейных разрывов. Неприятельская батарея прекратила огонь. В это же время красные конные массы, охваченные первоначальным испугом, перестроились и бросились на нас. 6-я батарея принуждена была оставить свою первую цель и перенести свой огонь на густые массы идущей на нас конницы; быстро сокращался наш прицел по волнам этих масс, но убойный огонь на самых действительных настильных траекториях от 3-х до 2-х клм. расстояния наносил им громадные потери, а когда заговорили наши пулеметы и ружейный огонь развернувшихся батальонов 2-го полка, перед красными выросла та непроницаемая стена огня, в которой их ждала верная гибель. Красные дрогнули и раскололись на две части — одна пошла на восток и попала под

удары нашей конницы, а вторая, бо̀льшая, повернула на запад и, в попытках прорваться на север, растаяла под ударами нашей подходившей к полю боя пехоты. Остатки конницы погибли под огнем наших бронепоездов.

Второй боевой эпизод относится к серии боев в районе Александровск — Никополь — Хортица. Переправившись с боем у с. Хортица, наши части к вечеру того же дня заняли село Орловка в направлении на гор. Никополь и расположились здесь на ночлег. На закате солнца на далеком горизонте показались густые клубы пыли; несомненно там двигалась конница, что впоследствии подтвердилось, но своевременно не было проверено, и могло привести к неприятным неожиданностям. Так и случилось. Глубокой ночью, когда мы, в сладком сне после бессонной ночи и напряженного боевого дня, беспечно отдыхали, нас подняли беглецы из обозных частей, оставленных нами на переправе. Туда вышла конница красных, обозначившая себя накануне далекой пылью.

Эта прелюдия наступающего дня утром продолжалась появлением разъездов противника, приближавшихся и с тыла и со стороны нашего предполагавшегося движения на Никополь. Так тянулось до полудня. В сторону противника было выставлено усиленное сторожевое охранение и выдвинута 6-я батарея на позицию. Воспользовавшись затишьем на фронте, командир батареи спустился с наблюдательного пункта, отстоящего от позиции на 150 шагов впереди на прикрывающем батарею гребне; в это время на батарею подъехала кухня с обедом; за ней выстроилась очередь с котелками и началась раздача пищи. Не успели первые ряды получить варево, как на самой позиции упало два снаряда, к счастью, не причинивших урона. Огонь неприятельской батареи был открыт точно нам во фланг. Но этим событием не пришлось заниматься, так как обстановка одновременно сложилась для батареи угрожающей. Взвод сторожевого охранения, расположенный несколько впереди, начал, отстреливаясь, спешно сниматься с прикрывающего нас бугра. Это привлекло наше внимание и помогло приготовиться к неожиданностям. И действительно, немедленно за отступавшей заставой, показались два красных броневика, в шагах 50 от нас. Броневики медленно двигались и, видимо, не ожидали наткнуться на батарею. Их башни смотрели в сторону

от нас. Момент был критический. Он готовил либо поражение и смерть, либо победу. Все зависело от того, кто первый изготовится и откроет огонь. Мы оказались счастливее: сам командир, первым заметив выползание броневиков, подал команду открыть огонь гранатой и бросился к первому орудию, направляя за хобот орудие в первый броневик. Затем все 4 орудия открыли огонь. Вся батарея окуталась дымом и пылью, скрывши от нас врага. Когда батарея прекратила огонь, броневиков перед нами не было, они успели откатиться за бугор и были там брошены, приведенные в негодность попаданием снарядов. Так закончилась неожиданная встреча врагов.

Генерал Бабиев, наблюдавший бой наш (он с одной из своих бригад прискакал на помощь Корниловцам), восторженно отозвался о действии батареи. Что могло случиться с батареей, если бы инициатива огня оказалась на стороне красных броневиков? Несомненно гибель батареи и большие потери нашей пехоты, в этот момент собиравшейся в колонны в деревне, где она отдыхала; несомненно, бронированный пират мог причинить большие опустошения в рядах пехоты. Шедшая за броневиками конница красных, увидев разгром броневиков, выдвинутых вперед, как огневое прикрытие и даже как огневой таран, остановилась и дальше не пошла, не рискуя подвергнуться той же участи.

ДОБЛЕСТЬ ОФИЦЕРОВ АРТИЛЛЕРИИ

Лицо Бригады представляли ее Командиры и Старшие офицеры, на которых лежала ответственность за боевые действия и репутация ее боеспособности и подготовки. Среди рядовой массы офицерского и солдатского звания немало было таких, которые по своему качеству не уступали своим Командирам, но недостаток места не позволяет о них всех писать.

Командир Бригады генерал Ерогин Лев Михайлович — коренной офицер 33-й артиллерийской бригады: по мобилизации ушел во второочередную 70-ю бригаду Старшим офицером одной из батарей; в 1916 году получил в командование 6-ю ба-

тарею 19-й арт. бригады. Награжден орденом Св. Георгия за участие с батарей в переправе через Вислу, где он совместно с другими батареями бригады удерживал тет-де-пон без прикрытия пехоты, отбиваясь картечным огнем пока на помощь не подошли свежие пехотные части; благодаря проявленной батареею доблести, был обеспечен успех нашей операции. В Великую войну Ерогин был награжден и Георгиевским оружием, а также орденом Почетного Легиона. В Гражданской войне был участником 1-го Похода.

Генерал — прекрасный стрелок; батарея в его руках была усовершенствованным инструментом в точности и быстроте пристрелки и способна была развить тот губительный огонь, который для противника был непреодолимым. Скромный, добрый и душевно привлекательный, на службе требовательный, вне службы благосклонный, старший руководитель. Трагически закончил свою жизнь в эмиграции; жил в Польше в своем имении под Ковелем, а с началом наступления большевиков, когда Советы заключили договор с Гитлером, принужден был бросить все и уходить без средств передвижения; измученный этим походом, заболел и скончался в Варшаве, где и похоронен.

Командир 3-го дивизиона полковник Роппонет Юрий Николаевич — офицер 31-й артиллерийской бригады, командовал батареей во время 1-й Мировой войны. Пользовался авторитетом среди своих подчиненных; знаток артиллерийского дела. Распорядительный и храбрый в бою. Благодаря своим способностям, выдвинулся в ряду Корниловских начальников и сумел установить с пехотой те отношения боевого товарищества, которые шли на пользу дела и укрепляли чувства взаимного доверия и уважения. Среди офицерства пользовался большим уважением, занимая в Бригаде почетное место Председателя Суда чести и таким образом будучи хранителем офицерской совести и чести.

Командир 1-го дивизиона полковник Королев Федор Павлович — коренной офицер 52-й арт. бригады, Кавалер ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия. Прославленный офицер в боях со взводом горной батареи на фронте Великой войны. Участник 1-го Кубанского похода. Всегда спокойный в любой обстановке. Этим спокойствием благотворно действовал на окру-

жающих. Крещеный огнем и дымом сражений, стал высокого стиля боевым начальником.

Командир 2-го дивизиона полковник Гегела-Швили Соломон Давидович — офицер 22-й арт. бригады, награжденный всеми боевыми орденами и Георгиевским оружием за боевую работу. В Корниловской арт. бригаде принял дивизион в Правобережной Украине. Обаятельный в офицерской среде и в отношениях с подчиненными, был душой офицерского круга и общества, в котором ему приходилось вращаться.

Командир 5-й батареи полковник Петренко Яков Михайлович — кадровый офицер с большим строевым и боевым опытом, знавший артиллерийское дело. В бою шутливо спокоен: пролетавшие пули называл пчелками. Авторитетен в офицерской среде и на хорошем счету у начальства.

Командир 6-й батареи полковник Гетц Викентий Иванович — офицер 4-й Сибирской стрелковой арт. бригады. После командования батареею на фронте 1-й Мировой войны и должности Начальника Школы траншейной артиллерии прошел в Корниловской арт. бригаде разные стадии: конного вестового при командире батареи, фуражира (короткое время), наблюдателя, Начальника орудия 1-й батареи, Старшего офицера 4-й батареи и наконец Командира 6-й батареи. Такая игра судьбы удовлетворяла его натуру. Батарея за время его командования заслужила Николаевские трубы с лентами, обильно политыми кровью, особенно под Сладкой Балкой, когда одной неприятельской очередью убиты оба старших офицера, 6 человек ранено и 19 лошадей выведено из строя. Кавалер Ордена Св. Николая.

Командир 4-го дивизиона полковник Джаксон Павел Александрович, кадровый офицер с большим опытом. Его служба в роли Командира дивизиона не могла войти в установленные положением рамки законченного подразделения Бригады: его командование оказалось номинальным из-за разбросанности батарей, составлявших Дивизион. Но когда ему удавалось собрать вместе свои батареи, полковник Джаксон проявлял высокие качества боевого начальника. Вообще же он был глубоко идейным и не гнался за карьерой. Помнится как он, прибыв в Добровольческую Армию, долго работал на кухне, исполняя там самую черную работу, и никогда не обижался, что ему, полковнику, в батарее не нашли другого дела.

Командир 1-й имени генерала Корнилова батареи полковник Пио-Ульский Антоний Георгиевич — доблестный офицер 18-й артил. бригады. К началу 1-го Кубанского похода прибыл в чине штабс-капитана. Полный энергии, он в ноябре 1919 года становится командиром батареи. Его молодость и порыв как нельзя лучше соответствовали носителю и продолжателю боевой славы, каким должен быть Командир 1-й батареи, считавшейся очагом и примером доблести. Все эти качества, привлекательная наружность, воспитанность и манеры светского человека импонировали молодежи, вызывая в них подражание своему Командиру. За боевые отличия произведен в Крыму в полковники. Кавалер ордена Св. Николая.

Командир 2-й батареи полковник Глотов Ефим Александрович — кадровый офицер, участник 1-го Кубанского похода. Во время своего командования батареей проявлял качества, достойного командира, каким обязан быть честный офицер и Корниловец по духу. К сожалению, связь с ним прервалась давно и потому нельзя было полностью изложить его деятельность.

Командир 7-й батареи полковник Бялковский Николай Петрович — кадровый офицер 7-й арт. бригады; служил в одном из Финляндских арт. дивизионов, где, командуя горной батареею, получил орден Св. Георгия и Георгиевское оружие. В Крым прибыл с Кубани, где эвакуация его застала на фронте против "зеленых". Сумел, при посадке на пароход в Новороссийске, погрузить орудие. За это был удостоен командовать 7-й батареей Корниловской арт. бригады. В одном из первых боев в Крыму пополнил свою батарею захваченными у большевиков орудиями, из которых тут же открыл лично огонь по противнику. Генерал Кутепов, наблюдая его действия, приказал представить его к ордену Св. Николая, а батарею к Николаевским трубам.

Наш боевой состав всех должностей и званий отличался высоким духом и знанием службы, полученным в рядах старой Армии, в которой все служили до ее развала в 1917 году. Молодежь, пришедшая к нам на пополнение, скоро усвоила премудрости военного дела и не снижала боеспособности, а скорее повышала ее, благодаря своему порыву, присущему молодости. Много среди этого контингента можно найти отличных, но нет возможности о всех написать, а потому ограничимся некоторыми, чтобы иллюстрировать сказанное.

1) **Полковник Мутсо** Карл Иванович, офицер 18-й артиллерийской бригады. В Добровольческой Армии начал службу рядовым в чине капитана. Вскоре был назначен Начальником орудия, но дальше Старшего офицера не продвинулся из-за отсутствия вакансий. Проявил себя, как выдающийся боевой офицер. Его гордо посаженная голова, бесстрашие в глаазх отражали мужество и презрение к опасности и чем эта опасность возростала, тем больше выявлялся тот героизм, олицетворением которого, без прикрас, он и остался в нашей памяти. В бою под Кубанской Отрадой в начале июля 1918 года он самоотверженно провел дуэль с бронепоездом красных. Его 2-ое орудие батареи получило задачу сбить бронепоезд, преградивший наступление нашей пехоты. Полковник Мутсо занял у жел. дороги открытую позицию и открыл огонь по бронепоезду, уже взявшему орудие под обстрел. Огневые силы противников были неравны: перевес на стороне бронепоезда, но дух побеждает. Полковник Мутсо, выдержав опасный момент подготовки орудия к бою и пристрелки, под убийственным огнем своего врага, скоро доконал его попаданиями и обратил в бегство. Во время этого состязания дуэлянты находились в разных условиях: красный командир — на бронепоезде, а полковник Мутсо стоял рядом со своим стрелявшим орудием, стоял как монумент, не вздрагивая и не наклоняясь под градом осколков, рвавшихся здесь снарядов. Он всецело был поглощен происходившей дуэлью и разбил противника.

В бою под ст. Невиномысской им был проявлен подвиг, отражающий дух нашего Христолюбивого Российского воинства: сам погибай, а товарища выручай. В операции по овладению станцией участвовало 2 наших орудия, в том числе орудие полковника Мутсо. Операция развивалась удачно: станция была взята, а противник был отброшен за Кубань. Преследуя его, мы захватили мост и, продолжая свое наступление, переправились на другой берег. Двинулись к дальним буграм, но в это время к красным подошли большие подкрепления. Противник перешел в контратаку, обходя нас с фланга, ближайшего к переправе. Нам было приказано отходить на мост. Отход проходил в порядке, а орудия, продолжая вести огонь перекатами, отходили к мосту. Когда орудие полковника Мутсо уже вышло на мост, один из номеров ему доложил, что какой-то чин из орудийного расчета тяжело ранен и оставлен в кукурузе, кото-

рой было засеяно все пройденное поле. Полковник Мутсо, оставив себе заместителя, вернулся назад, нашел раненого, поднял его на плечи и под сильным огнем вынес. Ценность этого подвига умножается самоотверженностью начальника, спасшего своего подчиненного, рискуя гибелью. Только счастливый случай помог избежать полковнику Мутсо грозившей спасности в момент, когда он проходил открытый мост, по которому противник сосредоточил огонь.

2) **Подполковник Смогоржевский** Донат Александрович. Старший офицер 1-й имени генерала Корнилова батареи, неоднократный вр. Командующий этой батареей. Его предыдущая служба, начатая на низших должностях рядового звания на правах вольноопределяющегося в 52-й арт. бригаде, украшенная всеми 4-мя степенями Георгиевского Креста, закалила в нем воина, а его продвижение по службе без законченного военного образования зависело от его исключительных способностей. Действительно, он был тот солдат, в ранце которого находился маршальский жезл.

До конца 1918 года подпоручик Смогоржевский вспоминается, как наводчик 4-го орудия, но наводчиком он был исключительным. Ни одна цель при стрельбе прямой наводкой от него не ускользала; бил, что называется в точку. Для бронепоездов противника, попадавших на его прицел, огонь был беспощадным, истребительным, как это имело место под Невиномысской, когда дерзко выехавший бронепоезд красных, после нескольких попаданий орудия, на всех парах скрылся в ближайшей выемке. Такой же случай повторился при атаке ст. Тихорецкой. Здесь перед нами вырос настоящий Голиаф, вооруженный 6-дюймов. орудиями ,но тот же Смогоржевский на 5-м выстреле заставил его густо задымить и дать ход назад. Работал он у орудия спокойно и сноровисто, а его орудийный расчет действовал с точностью исправного механизма; всякая заминка вызывала "бурю", в то время как неприятельский обстрел создавал только декорацию боя.

Этот кряжистый духом и телом воин всей душой был предан своему делу, отказавшись от личной жизни: за время своей 3-летней службы в батарее, он ни разу не воспользовался отпуском и, дослужившись до полковника, в ней же пал за честь своей Родины.

Зима начала 1920 г. Батайск. Снежная степь. Батарея под

огнем красного бронепоезда с 6-дюймовыми морскими орудиями. Огонь убийственный, а батарея на него не может отвечать — бронепоезд стоит вне ее досягаемости. На орудийном передке — высокая фигура в бурке капитана Смогоржевского. Он спокойно смотрит в бинокль. Свист приближающегося снаряда и на месте, где стоял Смогоржевский, черный дым разрыва. Дым рассеялся — Смогоржевский продолжает стоять в той же позе и смотреть в бинокль. Редкая выдержка и абсолютное бесстрашие — вот те, всегда ему присущие, черты, которые ставили этого молодого и скромного офицера в категорию храбрейшего из храбрых. Таким он был до конца дней своих. Убит в октябре 1920 г. под Рогачиком. Посмертно награжден орденом Св. Николая.

3) Подполковник Корбутовский Петр Алексеевич — офицер 3-й Гренадерской артиллерийской бригады. 5 раз раненый. В 5-й батарее Корниловской бригады был Старшим офицером. Скромный герой. По внутреннему содержанию больше подходил к роли священнослужителя. Ему к лицу было взять крест в руки, а не опоясывать себя офицерским шарфом, продевать через плечо портупею и носить смертоносное оружие. Но офицером подполковник Корбутовский был выдающимся, а в бою проявлял то спокойствие и отвагу, на которые способны только герои. Таким он показал себя в бою под Новыми Серагозами, когда его взводу пришлось отбиваться на картечь от красных, вышедших ему в тыл. Он стоял под градом пуль и спокойно подавал команды. Красные с большими потерями были отброшены и положение спасено.

Когда закончилась война, он оказался в Болгарии и ему удалось поступить на Богословский факультет Университета, окончить его и стать преподавателем истории и русского языка в гимназии. Во время прохождения курса в Университете очень бедствовал, не имея даже комнаты, ютясь под лестницей большого дома, но продолжал платить членские взносы в Объединение Корниловцев. С приходом в Болгарию большевиков оказался в числе "врагов народа" и был выслан в СССР, где пробыл 10 лет на каторжных работах. После освобождения прибыл во Францию и здесь вскоре умер от истощения, добытого в лагерях. Святой жизни человек, ревностный молитвенник, посвятивший себя преподавательской деятельности за скудное жалование, чтобы оплачивать свою мансарду с окном на кры-

ше. Мстителями был выхвачен за верность России и сослан в Сибирскую тайгу, где напрягая свои слабые силы, выдержал, при помощи молитвы, испытание, чтобы пред Господом стать непорочным.

В числе особо-доблестных заслуживает упоминания **поручик 1-й имени генерала Корнилова батареи Попов** Александр, один из первых Кавалеров ордена Св. Николая. Убит в конце августа 1920 г. под Каховкой.

Заканчивая свой скромный труд и коснувшись вкратце боевых дел некоторых батарей бригады, а затем помещая краткий перечень оставивших глубокий след в нашей памяти действующих лиц, которых мы, в воздаяние их подвигов, можем назвать носителями и творцами нашей боевой славы и чести, я с любовью и преданностью, по мере своих сил, этим очерком возлагаю венок своих правдивых воспоминаний в незабвенную память нашей доблестной бригады. В этот венок, для его пущей славы, я вплетаю гирлянду из 13 крестов ордена Св. Николая, добытых его кавалерами, и Николаевские трубы полученные 1-й, 5-й, 6-й и 7-й батареями.

Вместе с тем благодарю Создателя за ниспосланную мне милость принять участие в священной борьбе за мою и нашу дорогую Родину. Только мы, посвятившие себя бескорыстной службе ей, находим нравственное удовлетворение, покой совести, когда в наших руках находится присвоенное нам оружие, а на плечах горит эмблема чести. Поэтому мы, честные воины, утратившие свои аттрибуты в дни презренной революции, с радостью их обрели в Добровольческой Армии. Нам же, Корниловцам, выпала особая честь получить погон с инициалом "К" и, возлагая его на себя, пережить момент своего возрождения под Национальным Стягом и обожаемым именем своего Вождя, привлекшего упования и чаяния национальных сил к освобождению порабощенной большевиками России.

Тяжелые удары судьбы нанесли нам кровоточащие раны от сознания, что наша вожделенная Россия томится попрежнему в цепях, а мы, ее верные сыны, надев рубища, рассеялись по чужим странам и отсюда наблюдаем, с болью, умопомешательство свободного мира, узаконяющего нависшее над ним зло. Вопреки проискам темных сил, мы верим, что наступит развязка с "чарами врага" и, если не мы, то наша молодая смена увидит Россию Великой и Свободной.

Полковник Гетц

ОТХОД НА ЮГ

Много полководцев прославилось в наступательных операциях. Немногим удалось приобрести славу в отступательных обстоятельствах: только Мюрат мог с гордостью сказать — "Я — арьергард Великой Армии". Генерал Кутепов, наш Корниловец, уже многократно увенчанный лаврами, как победоносный Начальник Марковской дивизии и как Командир 1 Корпуса, имел право сказать, во время отхода Вооруженных Сил от Орла к Новороссийску: "Я — отпор красным". Он и его 1-й Корпус были крепким пехотно-артиллерийским отпором в постепенном откате Белых под натиском красных.

Пораженчество, неполадки в снабжении Армии и страны, буйная оппозиция к власти и революционный взрыв всадили в 1916/7 гг. нож в спину Императорской Армии, с надеждою готовившейся к кампании 1917 г., может быть, решающей, победной. Шкурничество, хаос в снабжении Армии и населения Юга России, грабежи и отсутствие четкой политической контрреволюционности всадили в 1919 году нож в спину Вооруженных Сил, под командованием генерала Деникина шедших к Москве.

Отход от Орла к Новороссийску до некоторой степени напоминает Первый и Второй Походы: тоже — не дать погаснуть

"Светочу", тоже — отсутствие территориальной базы, тоже — боевые действия в условиях полного окружения. Не о Победе можно было думать, а о "Светоче". Базы не было, потому что хаос охватил население, снабжение, транспорт. Окружение создалось потому, что в тылу войска действовали партизаны "жовто - блакитного" Петлюры, анархиста Махно, действовали всевозможные красные, называвшиеся зелеными, а в Симферополе создавалось восстание отчаявшихся белых, фантазировавших во главе с Орловым, что спасут Белое Движение переворотом.

На протяжении 1000 верст 1-й Корпус отступал нападательно: атаковал наседавшего врага, опрокидывал его, а затем, по приказу свыше, оборачивался вспять — того требовала общая обстановка, в создании которой, кроме численного превосходства красных, не малую роль играло ослабление казачьего духа, как указывает генерал Деникин в книге "Очерки Русской смуты".

Корниловский дух выдержал это страшное испытание: Корниловская Ударная дивизия была несколько раз почти убита, но ни разу не разбита. Погиб 3-й полк (осталось от него 120 штыков и Офицерская рота в 70 человек); погиб и не мог быть восстановлен 4-й полк; во всей дивизии — когда она в последние дни декабря 19-го года, пробившись через Нахичевань, перешла на левый берег Дона — осталось 2000 бойцов, в том числе 400 офицеров. И тем не менее она, в составе 1-го Корпуса, полтора месяца удерживала линию Дона, а в феврале 20-го года в блестящем порыве взяла Ростов и Нахичевань. Трофеи Дивизии: 13 орудий, 74 пулемета, 3 бронепоезда и много пленных. Генерал Кутепов разбил 8-ю советскую армию.

И снова победителям пришлось отступать. В обстановке общего развала Кутеповский корпус отступал, огрызаясь. На Корниловскую дивизию была возложена задача прикрыть эвакуацию Армии и беженцев, стремившихся в Новороссийск. 3-го марта Дивизии приказано стать в ст. Полтавской в качестве арьергарда 1-го Корпуса. Ушли его обозы, ушли его дивизии, Корниловцы остались одни. Отразили внезапную атаку красной конницы и сами атаковали эту конницу.

13-го марта Дивизию оттянули к Новороссийску. Почетная

задача последним прикрывать погрузку на пароходы легла на 2-й батальон 1-го Корниловского Ударного полка.

Кошмарна была эта эвакуация: на дорогах брошенные пушки, танки, оружие, обозы, лошади; горят в Новороссийске военные склады (горело то, что не доставлялось на боевой фронт, где было так необходимо); в городе толпы обезумевших беженцев, тысячи раненых, опасающихся, что их не вывезут...

В ночь на 14-е марта вся Корниловская дивизия — столь малочисленной она стала в боях — погрузилась на пароход "Генерал Корнилов".

Быть на подступах к Москве и — вследствие преступности тыла — оказаться в пароходном трюме... Но Дивизия не считала себя разбитой. И она разбитой не была. Она в Корниловских душах на пароходе "Корнилов" везла в Крым Корниловский дух.

***

ПРИЗЫВ

В ком есть сознанье ясное
И мужество в груди,

Под знамя черно-красное
К Корниловцам иди!

За светлое, прекрасное
России впереди

Под знамя черно-красное
К Корниловцам иди!

ТЕ, О КОМ В РЕЛЯЦИЯХ НЕ ПИШУТ

"Исправление ошибок в управлении покупается ценою крови" (Проф. ген. Головин). Главной причиной допущения ошибок в управлении является (помимо неспособности руководителей) незнание, непонимание командирами и штабами того, что делается в боевой линии и в каком состоянии находятся войска, которыми они руководят.

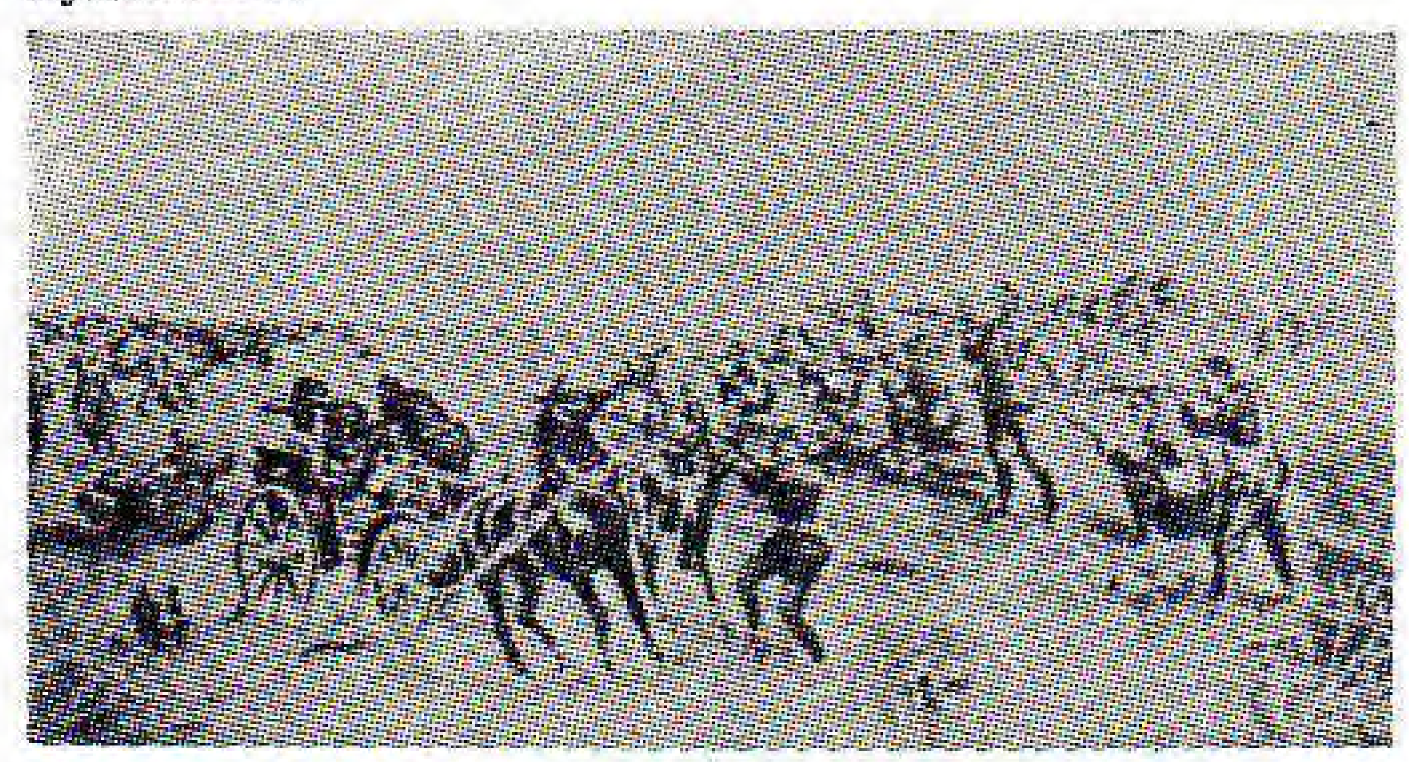
В Великую войну телефон служил главным средством управления, как большими, так даже и небольшими частями. В Корниловской же дивизии технические средства связи были вспомогательными в дивизии или связующими дивизию с высшим штабом. Главным же средством признавалось личное наблюдение поля боя начальниками и их готовность собственным примером, в решительную минуту, поддержать победное стремление своих войск. В этом отношении генерал Корнилов, его Начальник штаба генерал Романовский и первый Командир полка полковник Неженцев были и будут бессмертными примерами для начальствующих лиц и их начальников штабов.

В штабе Корниловской дивизии служили, по выбору ее Начальника, офицеры из строя и, в большинстве, участники Первого похода. Исключение составляли два офицера Генерального штаба — полковники Капнин и Месснер и топограф — капитан Залынский: они были назначены именно в нашу Дивизию по особому удостоению высшего командования. (Примечание: Месснер носил в Дивизии погоны капитана, хотя и был в

первых числах октября 1920 г. произведен в полковники — приказ почему-то не дошел из Севастополя в Дивизию). Офицеры штаба не засиживались за своей канцелярской, штабной работой — то и дело бывали все "в разгоне", выполняя поручения Начальника штаба. Бюрократизма не было: в Ударной дивизии и штаб был ударным. В бою у Нижнего Рогачика (октябрь 1920 г.), когда противник пошел из этой деревни в промежуток между 1-м и 2-м полками, Начальник штаба, по приказу Начальника дивизии, скомандовал конвою, штабу и конным ординарцам "Шашки вон!" и повел их в конную атаку; противник атаки не принял и дал нам выигрыш времени — подоспел батальон 3-го полка.

Конные атаки были "профессией" доблестного Конного дивизиона Дивизии. Он временами достигал внушительной двух-эскадронной численности, временами сжимался, вследствие понесенных потерь в стычках и боях, но всегда оставался смелой, совкой, крепкой конной частью.

Начальник дивизии, с момента завязки боя, выезжал с Начальником штаба и конвоем (во главе с поручиком Шаблыкиным) на поле боя и там оставался до завершения сражения. Это давало возможность незамедлительно принимать решения, соответствовавшие обстановке. Так была избегнута катастрофа в уличном бою в Нахичевани (в декабре 1919 г.). Так, после неудачи Марковской дивизии под Чистяково, Корниловская дивизия была под Бесчинской избавлена от окружения только благодаря личному выяснению обстановки Начальником дивизии и Начальником штаба: окружением угрожала Конная армия Буденного.

Изумительная маневренная победа (июнь 1920 г.), в которой п е х о т а сыграла главную роль в окружении и уничтожении к о н н о г о корпуса Жлобы, была результатом не только великолепной инициативности командиров пехотных

полков и подразделений, артиллерийских командиров, не только образцовой доблести ударников и пушкарей, но и высокого искусства штабов: отлично было оперативное руководство штабов Главнокомандующего и Армии и I Корпуса, отлично было тактическое руководство штабов Корниловской и Дроздовской дивизий.

В этом бою погиб славный командир славного Штабного эскадрона капитан Натус.

Одаренный Начальник дивизии, в бесчисленных боях организовавший Корниловские победы, был ранен у Верхнего Рогачика (16 октября 1920 г.). Сменил его его заместитель, генерал-майор Пешня Михаил Александрович. Воспитанник Виленского Военного училища, прошедший Фехтовальную школу, сухой, мускулистый спортсмен, с неизменяющимся спокойным выражением лица, офицер твердый, решительный, преисполненный доблести, что красноречиво показывали четыре галунных нашивки на рукаве его коричневого френча — он вполне оправдывал название бесстрашного, ударного генерала.

Полковник Капнин Константин Львович, по собственному желанию был назначен Начальником штаба Корниловской дивизии. Как офицер Ген. Шт., осторожный, "себе на уме", внимательный, находчивый, быстро разбиравшийся в самой сложной обстановке, он никогда не терялся и неизменно пребывал в спокойном расположении духа; вид имел озабоченный, но не суетливый; все приказы, приказания, распоряжения редактировал сам. Советников — а таких всегда бывает много в штабах — выслушивал и с иронической улыбкой говорил: "Да?.. Думаете?". Однажды офицер штаба соседней дивизии сказал ему по телефону: "Наш Начальник дивизии считает нужным, чтобы один Корниловский батальон был в промежутке между дивизиями ..." — Капнин его оборвал: "Позвольте Начдиву Корниловской распоряжаться своими батальонами".

Удивляла всех его работоспособность. Он был добродушен, но не очень добр; с чинами штаба не сходился, но и не чуждался их; снисходил к слабостям подчиненных. Пользовался искреним уважением своих подчиненных, а в Дивизии был авторитетом. Начальник дивизии обыкновенно соглашался с мнениями этого талантливого офицера Ген. Штаба.

Полковник Месснер Евгений Эдуардович, сменил Капнина в особо страдное время, когда обескровленной Корниловской дивизии давались непосильные задачи. Он сразу вошел в дух и жизнь Дивизии, вследствие чего уход талантливого и сросшегося с Корниловцами Капнина не был ощутим.

Глубоко проникся Корниловским духом и капитан (впоследствии полковник) Залынский Иван Станиславович, топограф. До конца жизни своей († 6-X-1960) остался Корнилов-

цем и объединял Корниловцев в Бельгии, всеми уважаемый и любимый.

Таков был Штаб нашей дивизии. На войнах приходится слышать выражения неудовольствия строевых начальников решениями старших начальников и работой штабов. А в Корниловской Ударной дивизии талантливое, строевым духом проникнутое руководство соответствовало исключительной доблести ее четырех ударных полков, артиллерийской бригады, конного дивизиона и инженерной роты.

***

В марте 1920 г., в Армянском Базаре, к Штабу дивизии подошла воинская часть и после громких, резких команд: "Головной ряд на месте! Рота стой! Нале-во! Равняйсь! Смирно! Стоять вольно!" — в помещение Штаба быстро вошел пожилой, но живой, коренастый подполковник и, по-корнетски щелкнув шпорами, как-то не по-офицерски, а с веселым видом отрапортовал Начальнику дивизии: "Ваше Превосходительство! Подполковник Добровольский представляется по случаю прибытия с Инженерной ротой во вверенную Вам дивизию". В руке у него была новенькая Корниловская фуражка, что приятно было видеть чинам Штаба.

Подполковник Добровольский Виктор Васильевич, с первых дней стал в Дивизии своим человеком. Живой, общительный, всегда расположенный к дружбе, образованный (высшее образование — в Институте Восточных языков), отличный рассказчик (он был одно время Помощником Военного агента в Японии) Виктор Васильевич часто бывал в центре нашего общего внимания. Он сразу воспринял ударный дух дивизии и старался привить его своей роте. Занятия он вел строевые и, как бы предчувствуя будущее, обращал особенное внимание на отбитие конных атак в рассыпном и сомнутом строях.

Представил он отличный проект укрепления Перекопского вала и усовершенствования наших позиций, но Начальник штаба предупредил его, что из тыла не дадут материалов, да и времени на работы не будет: предстоял наш прорыв из Крыма в Таврию.

После перехода дивизии с острова Хортица на правый берег Днепра, Инженерная рота построила мост через днепровский рукав; Дивизия пошла на Никополь, а Добровольскому было приказано сберегать тет-де-пон и деревушку у моста. В

первую же ночь (когда дивизия была у Орловки) Добровольский, спавший без штанов и сапог, был разбужен выстрелами сторожевого охранения и стерекотаньем пулемета. Как был, схватив только револьвер, выскочил он на улицу и стал отдавать команды: "Все вон! Становись!" При свете луны стали видны скачущие кавалеристы. Добровольский перескочил за плетень и скомандовал: "Рота, огонь по кавалерии!" И сам стал стрелять из револьвера. Огнем роты из-за плетней и ее полевых караулов конница была отбита и скрылась.

Обыкновенно Инженерная рота располагалась на ночлег при Штабе дивизии. Но однажды (в октябре 1920 г.) ей было приказано быть в деревушке к северу от села Верхний Рогачик. Задача: поддержать полковника Пух, который во главе небольшого сводного отряда с батареею прикрывал у Большой Знаменки (против Никополя) фланг и тыл дивизии, дравшейся у Нижнего Рогачика. Под давлением конной массы Пух отходил к Инженерной роте, а та подверглась внезапной атаке кавалерийского полка. Добровольский не успел рта открыть для подачи команд, но я видел, как рота сама ринулась к плетням и открыла огонь — на пользу пошло обучение в Армянском Базаре и опыт стычки у хортицкого тет-де-пона! Рота понесла потери — несколько саперов было зарублено, застрелено или убито гранатами, которые бросали всадники; были и раненые. На выручку Инженерной роты подоспел Корниловский Конный дивизион. Враг был отбит и отряд полковника Пух присоединился к Дивизии. Так и Инженерная рота Корниловской дивизии дралась по-Корниловски.

БРОНЕВИК "КОРНИЛОВЕЦ"

Впервые сидеть мне, Корниловцу-пулеметчику, в башне броневика — наслаждение: не шагать, не нести на себе, машина идет плавно, сидеть удобно, мягко, пулеметы не пылятся, обгоняемая пехота приветствует.

Командир броневика штабс-капитан Гунько, получив задание, говорит нам, четверым Корниловцам: "Отряд генерала Боровского сейчас будет атаковать Белую Глину; нам приказано ворваться в село, обстрелять артиллерию на его окраине, напасть на штаб в селе. У большевиков есть броневик; иметь наготове бронебойные. В селе будет работать Дроздовский броневик "Верный" с трехцветным флагом".

Мы подняли Корниловское знамя и "Корниловец" пошел в свое первое боевое дело. Вошли в село. Обстреляли бегущих красноармейцев, и линейки. Вышли на церковную площадь. Несколько очередей по дому с штабным красным флагом. Вдруг на площадь выкатывает не крытый бронеавтомобиль с матросами. Мы первыми открыли огонь. Те дали несколько очередей — все мимо. Матросы разбежались. Назаров подошел к большевицкому броневику с надписью "Черный ворон", выбросил из него убитого матроса. "На полном ходу!" крикнул он нам весело и дал ход "Черному ворону". И снова крикнул: "Еще один броневик!" и кинулся к "Корнилову", чтобы сесть за руль. Безклубов подал нам бронебойные ленты. На площадь с клубом пыли вылетает огромный броневик.

"Отставить!" подает команду Гунько: "Это — "Верный"!" Бронеавтомобили сошлись. Командиры поздоровались. Дроздовец капитан Нилов сообщает, что большевики отступают. "Верный" уходит. Гунько садится за руль, а Назаров ведет пленного "Черного ворона". Едем назад. По броневику защелкали пули, да так часто, что слились в сплошной треск. Я ранен в ухо. "Не стрелять: свои!" командует Гунько. Федосенко через люк башни машет надетым на шомпол платком. К нам приближаются наши цепи. Подходит окруженный офицерами Кутепов и говорит стрелкам: "Смотрите, как вы разукрасили броневик!"

— "Так точно, господин полковник", говорит Гунько: "среди всех этих попаданий нет ни одного большевицкого".

"Черного ворона" переименовали в "Партизана".

Капитан Гунько был назначен Командиром Бронеавтомобильного дивизиона, состоявшего из машин: "Корниловец", "Верный" и "Партизан". По пути к Тихорецкой "Корниловец" имел несколько выездов: то он преследовал красных, то помогал опрокидывать их части. 1-го июля "Корниловец" и "Верный" имели серьезный выезд на хут. Тихорецкий — продольным огнем по вражеским окопам мы способствовали атаке 2-го Дроздовского конного полка. В хуторе нас обстреляли родные Корниловцы, особенно их пулеметы.

У Армавира "Корниловец" был поврежден снарядами с красного бронепоезда. Мы получили новую английскую машину, названную "Витязь". Я был ранен и эвакуирован. В бою на

Ставропольском направлении "Витязь" врезался в самую гущу наступавших большевиков, был поврежден ручными гранатами; долго отстреливался; израсходовал все патроны, даже револьверные. Гунько предложил желающим выйти из машины, а он решил взорваться. Вышел Федосенко (был взят в плен и бежал из плена). "Витязь" взорвался. В нем погибли капитан Гунько, поручик Бесклубов, унтер-оф. Назаров и доброволец Возген.

Броневик "Память Витязя" и восстановленный "Корниловец" образовали 4-й отряд броневых машин.

Полковник Рябинский

"...Суть Белой борьбы возвышенна, священна и бессмертна ,несмотря на внешнее поражение. Но мы знаем, что оно не окончательное. За Голгофой не может не последовать Воскресение. И тогда наступит заключение и триумфальное увенчание вооруженной борьбы за душу России. Сам Царь царствующих и Господь господствующих нам сказал: не бойтесь, убивающих тело, души же не могущих убить".

Проф. А. КАРТАШЕВ

1933 г.

ТАВРИЧЕСКАЯ КАМПАНИЯ

Первым актом Таврического периода Белой борьбы было наименование преемника генералу Деникину. По писанию (в газете "Россия") Ген. шт. полковника Битенбиндера, Начальника штаба Марковской дивизии, "Цветной Корпус" намеревался выставить кандидатуру генерала Кутепова. Это показывает, как высоко ценили Корниловцы, Марковцы, Дроздовцы, Алексеевцы своего генерала, скупого на слова, щедрого на боевые дела.

Главнокомандующим стал генерал барон Врангель, человек с тройным высшим образованием: цивильное (в Горном Институте), стратегическое (в Воен. Академии) и боевое (Георгиевский подвиг); человек, обладавший полководческим даром и государственной мудростью — в полном смысле слова Вождь. Русская Армия ждала от него чуда: победный поход, победа над красным врагом! Но он учитывал возможности Армии и Крыма, оценивал обстановку в России и в мире и, повидимому, иллюзий не строил: биться надо за восстановление чести Армии. Новороссийская эвакуация — брошенные оружие, кони, обозы — походила на бегство, хотя не войско бежало от врага, а тыл бежал от своего долга (не организовавши увоз Армии). Воинская честь требовала свидетельства — перед теми, кого защищала Армия, перед врагом

и перед миром, — что Белое войско продолжает оставаться и войском и белым, т. е. верным России (и своего представителя на Принцевы острова для сговора с Лениным, по совету Ллойд-Джорджа, не пошлет).

Однако генерал Врангель, предпринимая операцию выхода из Крыма в Таврическую губернию, не упустил случая попытаться придать кампании 1920 года всероссийско-политический характер: Врангелев закон о земле мог бы стать поворотным рычагом Революции. Не стал он им потому, что социалистическая (то есть прокоммунистическая) Варшава прекратила войну против Москвы и последняя могла с воплем "Все на Врангеля!" направить в распоряжение Фрунзе исполинские силы.

В Таврической кампании Корниловская Ударная дивизия выполнила много тяжелых боевых задач. Описание их могло бы быть поучительнейшим сборником разнообразных примеров к учебнику "Тактика маневренного воевания", как то:

Прорыв укрепленной позиции — помолившись Богу, Корниловцы, подкрепленные танками, пробились 25-го мая 1920 г. сквозь занимаемую латышами позиционную систему перед Перекопским валом; огромные трофеи.

Атака крепости ускоренным способом — превращенный 6-й советской Армией в крепость Каховский тет-де-пон Корниловская У. Д., с помощью 6-ой пех. дивизии, штурмовала 21-го и 23-го августа, но — за недостатком тяжелой артиллерии — почти целиком полегла у проволоки; успех нолевой, героизм неисчислимый.

Преследование врага — от 30-го мая, когда 1-й Корн. У. полк отбросил у Каховки красных за Днепр, Дивизия в великолепном напряжении гонит противника.

Оборона в окружении — во время Заднепровской операции К. У. Дивизия у дер. Орловка (24-го сентября) фронтом на юг молодецки отбивалась от красной конницы, в то время как 3-й К. У. полк, лицом к северу, прикрывал ее тыл от красной пехоты; тяжелый бой, разыгранный с Корниловским уменьем.

Оборона в стиле Бородинской эпохи — 14-го октября у д. Нижний Рогачик сомкнутый строй 2-го К. У. полка, с пулеметными тачанками на флангах, залпами отбивает множество

атак красных полков, переправлявшихся через Днепр; 15-го числа у с. Верхний Рогачик, построив каре, полк хладнокровно отражает залповым огнем атаки красной конницы.

Форсированная переправа через реку — 23-го сентября полк. Гордеенко в колонне повел свой полк через Речище (рукав Днепра) на укрепленную позицию врага; взяты переправа, взят в плен полк красноармейцев.

Внезапное нападение — ночью 30-го сентября генерал Кутепов приказывает К. У. дивизии захватить д. Рождественку, чтобы там мог заночевать Конный корпус ген. Барбовича; неожиданным для красных налетом на село генерал Пешня не только овладевает деревней, но и наносит страшный урон ночевавшей там дивизии 1-й Конной Армии.

Разгром конницы пехотою — в плане ген. Врангеля окружить прорвавшийся в район Мелитополя Конный корпус Жлобы, К. У. дивизии ставится задача выйти в тыл этому Корпусу; у кол. Рокенау Дивизия появляется позади красной конницы, готовящейся атаковать Донской корпус; Жлоба бросает свои полки на 2-й К. У. полк, атакуя его с фронта и с обоих флангов 10-ю конными бригадами; фланги полка прикрывают 1-й и 3-й полки; конница скошена огнем 2-го полка и молодецкой артиллерии; разгром отлично дополняет 1-й К. У. полк, а довершают Дроздовцы, Самурцы, 13-я пех. дивизия и бронепоезда; жалкие остатки 23-х Жлобиных полков спасаются бегством.

Снабжение за счет врага — истощив боеприпасы в деле у Орловки (24-IX), К. У. дивизия на рассвете атакует 21-ю кав. дивизию 2-й Конной Армии в дер. Анастасиевка, наносит ей жесточайший урон и из ее запасов снабжается огнеприпасами для дальнейшего наступления на Никополь.

Подобно Корнил. У. дивизии и прочие дивизии Русской Армии творили чудеса в период Таврической кампании, но чуда конечной победы сотворить не могли — соотношение сил к 26-X было таково: у Фрунзе (по советским ,умышленно пониженным данным) 99.500 пехотинцев, 33.685 конников, 527 орудий, 2.664 пулемета; у Врангеля 23.070 пехоты, 11.795 конницы, 231 орудие ,1.663 пулемета.

"И для героев есть невозможное". Восстановив честь Армии, генерал Врангель увел ее за рубеж в надежде на возобновление борьбы.

*
* *

Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня.
Я с кормы все время мимо
В своего стрелял коня.

А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой,
Все не веря, все не зная.
Что прощается со мной.

Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою...
Конь все плыл, теряя силы,
Веря в преданность мою.

Мой денщик стрелял не мимо —
Покраснела чуть вода...
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда.

Н. Туроверов

НАШИ ВРАЧИ И СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ

Знаю, как в годы Великой войны наши раненые герои ценили заботу сестер милосердия подчас самоотверженную и иной раз связанную с личной опасностью под снарядами артиллерии или бомбами самолетов. Помню, с каким ласковым вниманием относились общество, народ к этим девушкам, женщинам под белыми косынками и со знаком Красного Креста, отказавшимся от семейной, от буржуазной, от светской жизни ради подвига милосердия. А в суматохе, в нервности, в ужасах Гражданской войны люди не имели ни времени, ни возможности проявить внимание к Сестрам в Белых Армиях, — но с тем большей благодарностью, с тем большей любовью относились к ним боевые офицеры и солдаты: в делах этих Сестер соединялись милосердие и героизм.

Все это были молодые девушки. Самой старшей из нас — говорю о Корниловских Сестрах, — Нине Дюбуа (швейцарке по происхождению) было 25 лет. Другим едва исполнилось 18-19. Что побудило их бросить дом, ученье и, в качестве ротных фельдшеров, идти в Полк? Там их ждало все противоположное жизни дома, у мамы: воинская грубость нравов, жизнь и ночевки среди мужчин, походы, непосильные для юных девушек переходы позади своей роты, недоедание, недосыпание и вражеский огонь в передовых цепях, и ранения, и смерть — в Корниловском полку было ранено 26 и убито 8 Сестер милосердия. Энергия молодости и милость в русском женском сердце побуждали этих девушек-героинь идти к воинам, шедшим на смерть за Россию. Был в этих девушках и патриотизм и вызов к подло-нейтральному обществу, прятавшемуся от красных за спины белых; было безрассудство молодости в сострадании к тем, кто страждет; была и рассудочность их маленького жизненного опыта: правда на стороне Белых.

С большой санитарной сумкой через плечо и бутылкой воды в кармане солдатской шинели такая "карета скорой помо-

щи" (как Сестер шутливо называли в походе) под огнем противника перевязывала раненого; с помощью какого-нибудь воина эвакуировала его до ближайшей телеги Красного Креста; бегом догоняла свою роту, чтобы снова перевязывать, снова эвакуировать — так до конца боя. Если бой заканчивался взятием населенного пункта, Сестра, хотя и утомленная за боевой день, меняла перевязки у оставшихся после ранения в строю, бинтовала растертые до крови ноги пехотинцев. За недостатком перевязочного материала Сестра зачастую снимала с себя последнюю рубашку, чтобы разорвать ее на бинты.

И в санитарном обозе не легка была служба Сестер. Обоз этот нередко (в Первом Походе постоянно) двигался окруженный врагом и под перекрестным огнем; раненые вчера на поле битвы бывали сегодня убиты на телеге. А на биваке Сестры размещали раненых по избам, меняли промокшие повязки, а, подчас еще и, разведя огонь в печи, готовили еду для своих беспомощных воинов.

Припоминается такой случай в Каменноугольном районе: наши части, попавшие в окружение, быстро отступали к железной дороге; перевязав раненых, **Сестра Таня** и ее подруга по Университету **Сестра Варя** водрузили их на пулеметные двуколки (на что едва согласились пулеметчики — двуколки были перегружены) и взялись тащить на себе пулеметные ленты. Под огнем красных с близкой дистанции они выбивались из сил, но драгоценных лент не бросили. **Варю** ранило в бедро. К счастью, прикрывавшая отход пулеметная тачанка подобрала их вместе с лентами и вывезла к полковому резерву.

Вскоре после этого была ранена пулей в голову **Сестра Таня,** когда она перевязывала своего раненого командира батальона полковника Румянцева (это было при прорыве красных на Купянск и Белгород); умерла в санитарном поезде имени дочери генерала Корнилова. **Наталия Лавровна Корнилова** была духовной связью между павшим, но с нами незримо оставшимся Вождем-Шефом и Корниловцами. Она стала деятельным членом Корниловской семьи и, благодаря своим связям, много сделала для нас: в Ростове на Дону раненые Корниловцы пользовались особым вниманием; производились сборы белья и обмундирования для ставших в Корниловский строй пленных красноармейцев (ее забота не прекратилась в эмиграции — благодаря ей, многим Корниловцам был облегчен переход с Балкан в Бельгию, Францию и Чехию). Она работала в "Санитарном поезде имени Наталии Лавровны Корниловой", который отвозил раненых в крупные центры. Это было уж тогда, когда расширилась территория Добровольческой Армии и Армия организовалась: появились на фронте летучки с докторами, сестрами, санитарами, с двуколками, с носилками. Реже

стали случаи оставления раненых на поле боя (где их неизменно добивали красные). Санитарные поезда стали увозить раненых в отличные госпиталя в больших городах.

Но работа Сестер в ротах осталась прежнею. Прежнею осталась и служба полковых врачей. И они под огнем, в самых невозможных условиях оказывали помощь раненым и они гибли на своем посту милосердия — в Корниловском полку 3 убитых и 12 раненых врачей. Доктора-Корниловцы: **Буров, Чернявский, Крошечкин** (три Первопоходника), **Удинцев, Полетаев, Касенко, Сорокин, Окороков, Карасик, Иванов, Суяров, Финогенов, Ростовцев, Еременко;** зубной врач **Вера Урумадзе;** фельдшера **Федоров, Крылов.**

Трагична судьба Первопоходника-доктора **Крошечкина:** в бою под Екатеринодаром, 28 марта 1918 г., перевязывал раненых Корниловцев, а, с наступлением темноты, пошел с **Сестрами Таней Кунделековой** и **Варей Левитовой** искать раненых на затихшем поле боя; они были окружены выкочившими из темноты красноармейцами; на вопрос: "Какой части?" доктор, не растерявшись, назвал несуществовавшую летучку; пока они соображали, верить ли, он выхватил револьвер и сделал несколько выстрелов в упор; крикнул Сестрам: "Бежите!" Они побежали; красные открыли бешеную стрельбу и ранили доктора в руку с раздроблением кости; рана загрязнилась и он умер в Новочеркасске. **Д-р Красенко,** 1-й Старший врач 2-го Корн. Ударного полка умер от сыпного тифа при отходе от Орла. **Доктор Иванов,** 2-го полка убит при налете конницы красных на колонию Орловка. **Д-р Н. Н. Полетаев,** Старший врач 2-го полка служил Полку в боях, а теперь, в старости, не покидает полковой семьи.

Прошло полвека, в памяти не удержались имена Сестер Полка, в котором я была почти с момента зарождения Добровольческой Армии на Дону и с которым пошла в Первый Поход. Фамилий многих Сестр мы и не знали; звали их именем уменьшительном, или шутливым наименованием.

СЕСТРЫ 1-го КОРН. УДАРН. ПОЛКА: Старейшими Сестрами-первопоходницами были: **Шура** (в 1-й роте) — ее судьба мне не известна; **Таня Кунделекова** (во 2-й роте) — медичка, ранена в 1-м походе, убита в 1919 г. у с. Короча; **Варя Васильева-Левитова** (2-й роты) участвовала вместе с Таней в первых боях атамана Каледина у Ростова; обе поступили к полковнику Симановскому, в отряд имени генерала Корнилова, влившийся в Корниловский Ударный полк при выступлении в 1-й Поход; при отступлении от Орла **Варя** попала в плен; чудом была спасена незнакомым священником; возвратилась, после долгих перепитий, в Ростов к родителям и снова попала в свой полк по захвате Ростова Корниловцами. **Сестра Полина Федоровна**

Бейко-Бешенова участвовала в Ростовских боях в составе Георгиевцев, влившихся в Корниловский полк; с ним проделала все походы и теперь оказывает материальную поддержку наиболее обездоленным Корниловцам. **Сестра Дина Дюбуа** (3-й роты), Первопоходница, ранена под Георгие-Афипской, умерла в Париже в 1963 году. Первопоходницами были Сестры: **Тамара** (убита у Георгие-Афипской), **Шура Александрова** и **Анна Константиновна Чубарина** (поступила в Полк со своим братом, штабс-капитаном). Анна убита при выходе Русской Армии за Перекоп. Полковник Бояринцев, будучи очевидцем, так описывает ее смерть: **Сестры Анна Чубарина** и **Шура Александрова**, перевязав своих раненых, направились в избу, чтобы перевязать и красноармейцев; снаряд попадает в порог двери, смертельно ранит **Анну,** а с **Шуры** только срывает буквально всю ее одежду.

Были в Полку три Сестры: **Шура** (медичка), **Женя** и **Ася Гайдуковы;** они не успели выйти в Поход на Кубань; с риском для себя и семьи приютили в родительском доме в Ростове тяжело раненых Корниловцев; снабжали застрявших в городе офицеров подложными документами и едой; пробрались, все три, в Корниловский полк, когда Добровольческая Армия возвращалась к Ростову из 1-го Похода. **Шура** была убита в станице Мечетенской, **Женя,** сопровождая раненых, погибла при крушении поезда, устроенном красными; Сестра **Ася** ранена в Полку 4 раза и за геройство была представлена к Георгиевской медали; в эмиграции продолжала быть сестрой в Болгарии и Франции и теперь, тяжелый инвалид, живет в Старческом доме под Парижем. **Сестра Таня Романова (Заханевич)** несколько раз ранена и тяжело контужена; живет в Париже. **Сестра Шура,** 5-й роты, была тяжело ранена и умерла от ранения. **Сестра Зина** (7-й роты) была при отступлении от Орла замучена и зарублена красной конницей. **Сестра Лена** "Маленький танк" (прозвана за невероятную выносливость и малый рост — под санитарной сумкой ее не было видно), ранена под Орлом, эвакуирована, умерла от сыпного тифа. **Сестра Муха (Мария Николаевна Агабекова),** маленькая энергичная женщина в Корниловском полку; живет в Греции. **Сестра Крошка (Дора К. Мелихова)** была великаном по службе Корниловцам: она с Питательным пунктом прибыла в Ударный Отряд капитана Неженцева и продолжала быть в Полку. **Сестра Мура Нечопор (Удинцева)** ранена несколько раз; убита в Болгарии. **Сестра Сима Сытникова (Крылова)** работает теперь сестрой в Париже.

СЕСТРЫ 2-го КОРН. УД. ПОЛКА: **Сестра Таня Донцова (Лысань),** поступила в Полк вместе со своим братом; живет в Америке; **Сестра Катя Глик,** умерла в Болгарии; **Сестра Милица**

Георгиевна Полетаева умерла от желтой лихорадки в Африке; **Сестра Нина** убита при разгроме Жлобы; **Сестра Аня** (родственница полковника Будиловича); **Сестры Наталия** и **Елена Киселевские**.

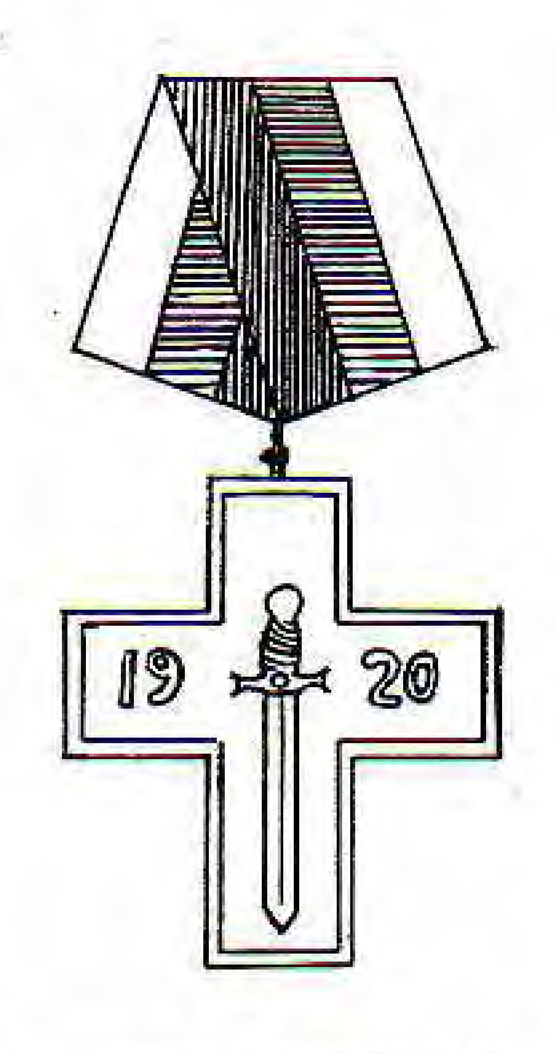
СЕСТРЫ 3-го КОРН. УД. ПОЛКА: **Сестра Оля Есеновская (Мино)** — на ее руках умерла в Екатеринодаре жена генерала Корнилова; **Сестра Шура Есеновская (Пио-Ульская)** вступила в Полк 17-ти летней девушкой; памятна Корниловцам работа **Оли** и **Шуры; Шура**, теперь **Александра Николаевна Гетц** оказывает в Америке помощь Корниловцам. Были еще в Полку **Сестры: Марианна Федоровна Перепелкина, Наталия баронесса Фредерикс, Вера Дульнева, Галя Голицына, Ольга Литвиненко, Катя Карташева, Вера Архангельская** (впоследствии была сестрой у Вел. Князя Николя Николаевича).

Кого не упомянула из живых, прошу меня простить. Кого не упомянула из убитых или скончавшихся — тех помянул Господь в Царствии Своем, ибо они в боях и походах души свои посвящали милосердию, души свои полагали за воинов России, за Россию.

По материалам Сестры Милосердия **Варвары Сергеевны Левитовой**

Многие имена забыты, потому что в урагане боевых событий мозг не успевал запечатлеть всех Сестер и всё Сестрами содеянное в их служении милосердию и геройству. Запечатлевало сердце. Оно хранит в себе благодарность и любовь ко всем Корниловским Сестрам- героиням.

2-й ДИВИЗИОН В ЗИМНЕМ ПОХОДЕ

В конце 1919 г. войско генерала-от-кавалерии Драгомирова А. М. — Отряд (корпус) ген. Бредова и Корпус генерала Промтова, — вследствие общего отступления Вооруженных Сил Юга России, отходили с линии Чернигов—Киев — Фастов в Новороссию и были переданы командовавшему там ген. Шиллингу. Последний вверил командование всей армейской массой, прижатой к Черному морю, ген. Бредову и приказал ему идти в Румынию, потому что "Румыния вероятно, согласится на интернирование русских войск". Генерал Бредов направил гарнизон Одессы к Овидиополю, сам с главными силами пошел к Тирасполю, а Корпус ген. Промтова послал к Днестру средней колонной.

2-й дивизион Корниловской Артиллерийской бригады под командою полковника Гегела-Швили С. Д. уже несколько месяцев состоял в Корпусе ген. Промтова, испытывая все тяготы нахождения "в отделе", т. е. не в составе родной Артиллерийской бригады и Дивизии, а в случайных прикомандированиях к отрядам, создаваемым для выполнения тех или иных тактических заданий. Отсутствие боями и походами созданного братства между пехотинцем и пушкарем затрудняло работу дивизиона и тем не менее он действиями своими заслужил признательность своих случайных боевых соратников. Дивизион часто раздергивали по-батарейно и даже по-взводно, но все же батарейцы чувствовали над собою руководство в боях, ссуще-

ствляемое храбрым (Георгиевский кавалер) и искусным артиллеристом полковником Гегела-Швили.

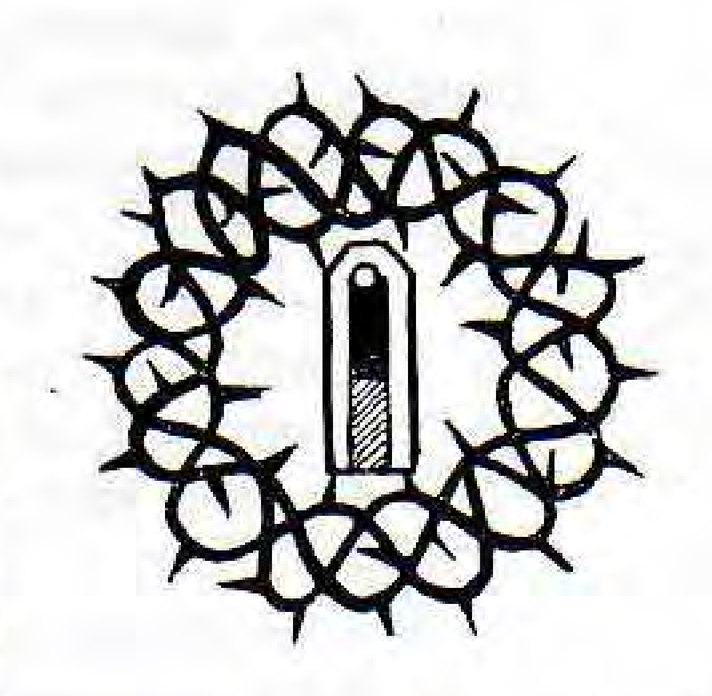
У Днестра Дивизион попал в трагическое положение: румыны не пропустили русских на свой берег и Корпус пошел к Тирасполю по замерзшей реке и ее плавням; лед не выдерживал тяжести пушек и все орудия Дивизиона потонули.

У Тирасполя румыны тоже ломали речной лед артиллерийскими снарядами, чтобы не дать русским войскам возможности перейти Днестр. Отряд генерала Бредова пошел к Польше, вдоль реки. Полковник Гегела-Швили не скрыл от своих подчиненных опасности этого похода: 400 верст в зимнюю стужу; сзади наседает конница каторжника Котовского, справа надо ожидать ударов от железной дороги Одесса — Жмеринка, впереди — советские войска на Польском фронте. Корниловцы 2-го дивизиона оказались верными долгу — устрашившихся похода не было. В самом начале похода, в первой боевой стычке Корниловцы захватили неприятельские орудия и Дивизион снова воружился пушками. Он принял участие в целом ряде стычек с красными, когда Бредов пробивался на север.

В Отряде свирепствовал сыпной тиф. Полковник Гегела-Швили приказал отводить ему для ночлега ту же хату, в которой размещали его пушкарей, заболевших сыпняком. Делал он это для того, чтобы ободрить больных, опасавшихся, что их бросят из-за недостатка перевозочных средств.

Отряд генерала Бредова был интернирован в Польше, а, спустя несколько месяцев, через Румынию перевезен в Крым. Из Севастополя приказали брать только боеспособных. Но и инвалиды и слабосильные после перенесенного сыпняка давали письменное обязательство идти в Крыму в боевой строй, не задерживаясь в тылу — все хотели возвратиться в Армию и тем выполнить свой долг. За это всем Бредовцам, в том числе и чинам 2-го дивизиона Корниловской Арт. бригады был дарован нагрудный знак "в воздаяние верности долгу".

КОРНИЛОВСКОЕ ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ

Главнокомандующий Вооруженными Силами Юга России отдал в июле 1919 года приказ о сформировании двух военно-училищных курсов для ускоренной подготовки офицеров пехоты. Ставропольский Училищный Курс — ставший впоследствии Корниловским Военным училищем — частично унаследовал преподавательский и строевой состав старых Военных училищ и кадровых офицеров полков, получивших боевой опыт в Великую войну, и впитал в себя традиции Военных училищ старого времени.

Начальниками Курса-Училища были последовательно генерал-майоры Чеглов, Протозанов, генерал-лейтенант Жнов, генерал-майоры Зинкевич и Георгиевич (все — Генерального Штаба). В числе преподавателей было 11 генералов и полковников Генерального Штаба, 4 офицера, закончивших Артиллерийскую, Инженерную или Юридическую Академию, 4 офицера с университетским образованием. Занятия велись усиленным темпом — классные и полевые, — причем перерывов на каникулы не бывало; было лишь три перерыва для выполнения боевых заданий, от 2 до 4 недель каждый. Юнкерами были учащиеся высших и средних учебных заведений, в большинстве своем уже побывавшие в боях. Не имевшие среднего образования зачислялись сперва на Общий курс. Училище имело Первый и Второй (выпускной) классы. Оно дало 5 выпусков офицеров с чином подпоручика, считая и ускоренный выпуск 29-го января 1920 г. Училище имеет утвержденный жетон (училищный погон в терновом венке).

Этапы жизни Училища: июль 1919 г. Военно-училищный курс в Ставрополе; март 1920 г. — в Новороссийске; Военный Совет высших начальников Армии жалует Курсу шефство генерала Корнилова, в воздаяние доблести, проявленной у Ростова и Батайска; переименование в Юнкерскую генерала Корнилова пехотную школу; Школа перемещена в Керчь и пополнилась юнкерами Кубанского Алексеевского училища; за храбрость юнкеров-Корниловцев, проявленную в Десантной операции на Кубань, Главнокомандующий Русской Армией пожаловал Серебряные Трубы, Корниловские бескозырки и переименовал Школу в Корниловское Военное училище, с присвоением ему всех прав Российских Военных училищ. — Дальнейшие пути Училища: Галлиполи, Болгария, Люксембург, Франция, Парагвай...

***

19-го декабря 1919 г. батальон юнкеров во главе с Начальником Училища Генерального Штаба генералом Чегловым отправился поездами из Ставрополя на фронт у Новочеркасска. 22-го последовал приказ охранять порядок в Ростове и переправы через Дон. Армия отступала. Пропустив все части и отступив последними за Дон, юнкера заняли на берегу оборонительную позицию, где 28-XII вели перестрелку с рабочими и восставшим гарнизоном города. 30-XII батальон сменил у Батайска Корниловскую дивизию, которая шла для пополнения своих рядов. Две с половиной недели юнкера на берегу реки Кайсуга отражали наступление красных и несли потери. Командир Корпуса генерал Кутепов лично, на передовой позиции наградил отличившихся юнкеров. 29-го января 1920 г. выпускные юнкера были произведены в подпоручики и, получив благодарность Главнокомандующего за доблестную службу, отбыли по полкам Армии.

В Крыму батальон юнкеров с 20-го июля по 1-ое августа нес охрану берега у Еникале на пространстве в 10 верст. 3-го июля получен приказ Главнокомандующего: отряду юнкеров выступить в десантную операцию. Задача: высадиться у города

Анапа, идти к станции Тунельной. Четыре роты юнкеров, офицерский взвод Керченского гарнизона, дивизион спешенных черкесов и два горных орудия — отряд генерала Черепова — погрузились в Керчи на 2 парохода и 2 болиндера, идущих на буксире. Их охраняла подводная лодка. 4-го августа на рассвете Отряд благополучно высадился южнее мыса Утриш и пошел на станицу Раевскую. Перевалил хребет Семисам, преодолев трудности подъема в сильную жару. В полдень от ст. Раевской стала приближаться колонна красных с артиллерией. Ее наступление было отбито. Пал смертью храбрых курсовой офицер полковник Пухальский.

Ночью колонна красных из Абрау-Дюрсо вышла к морю в тыл Отряду. Создалась исключительно тяжелая обстановка: связь с генералом Череповым прервана, дежурного судна, которое у места высадки должно было быть на всякий случай, не оказалось. Ночью рота юнкеров оттеснила противника у берега. Начальник Училища генерал-майор Протозанов приказал отходить к морю. У противника было 2 полка, полк коммунаров и отряд конницы. 8-го августа красные наступали 16-ю цепями; юнкера подпустили врага на 250 шагов и открыли губительный огонь — боевой порядок красных опрокинут, поле опустело.

Отряд юнкеров притягивает на себя 3-4 полка красных, но его положение трудное: одно орудие подбито, два дня нет хлеба, один из болиндеров у берега пробит снарядом. 9-го августа красные наступают, нажимая на наш правый фланг; подходят два судна, открывают огонь по противнику; рота юнкеров переходит в контратаку; враг бежит. С парохода присылают приказ генерала Черепова: "Погрузиться на суда". На пароход грузят раненых и черкесов, на болиндер — юнкеров; буксирный канат оборвался, пароход ушел. В тишине слышна команда Начальника училища: "Вперед, на старые позиции!" Без суеты по сходням или прямо прыжком в воду летят юнкера на позицию .10-го августа на позиции затишье. В ночь на 11-ое юнкера погружены на суда и отплыли к Керчи. Думали — на отдых. Но приходит приказ высадиться на полуострове Тамань и идти на поддержку частей, сдерживающих наступление красных.

12-го августа юнкерский батальон в ст. Таманской; 13-го

переход в 26 верст по грязи; 14-17-го августа бой под горой Камышеватой. Потери батальона убитыми и ранеными — 18%; убита храбрая сестра милосердия Ксения Шишко. 19-го августа батальон, по завершении Десантной операции генерала Улагая, прибыл в Керчь.

Добрые семена, посеянные в стенах Училища, дали чудесные всходы: Корниловцы — бывшие юнкера Корниловского Военного училища — устремились в Русский Корпус в Сербии вместе со своими курсовыми офицерами. А иные пошли на Восточный фронт, на Родную Землю и смертью храбрых запечатлели свою преданность Родине. Несмотря на возраст, и теперь, как в 1919-20, как в 1941-45 гг.,

"Смело мы в бой пойдем
За Русь святую!
И, как один, прольем
Кровь молодую!"

Увы, теперь уже не молодую. Но все же пойдем, помня заветы Корнилова, Неженцева.

Подпоручик Дадыкин

Из книги "На службе Отечества": Военные "Учулища — Орлиные Гнезда — были... крепостями Русского духа и составляли основу России".

Поручик Месняев

В ГОТОВНОСТИ К ПОХОДУ

Русскую Армию, не побежденную, не разбитую врагом, вывез Генерал Врангель за рубеж в полной уверенности — и мы эту уверенность с ним разделяли, — что война не закончена и что Армия должна существовать и быть в полной готовности к походу.

ГАЛЛИПОЛИ

"Саратов" 9-го ноября 1920 года бросил якорь подле крохотного городка на берегу Дарданельского пролива, городка с торчащими минеретами среди деревянных, преимущественно, домов. "Галлиполи!" пронеслось по переполненной до отказа палубе. —"Капитан Рябинский!" услышал я властный и хорошо мне знакомый голос. Я поднял голову и на капитанском мостике увидал генерала Кутепова: "Исправьте крен! А то мы эдак и перевернуться можем", добавил он полушутливым тоном. Я стал говорить: "Господа, пожалуйте к другому борту. Право, любоваться нечем". Господа офицеры — больше по услышанному ими приказу генерала, чем по моим увещаниям — стали переходить на другую сторону и сильный крен парохода стал исправляться.

Я получил приказание с поручиками Августиновичем и Ухтомским (оба хорошо знали французский язык, а в Галлиполи

хозяевами были французы) отправиться на берег в качестве квартирьеров Корниловского Ударного полка — дивизия наша свертывалась в полк, ее артиллерийская бригада — в дивизион. Спустили трап, шлюпки и мы отправились. Стоял прекрасный вечер. После душного парохода, дыша полной грудью теплым морским воздухом, блаженно и радостно почувствовали мы себя на берегу. На берегу между турецкими и греческими кофейнями стоял полуразрушенный дом с русским флагом. В нем мы явились генералу Звягину. "Какие там квартиры", — досадливо ответил генерал: "Вам отведут в гостинице одну комнату для штаба полка, а вы идите вот в эту долину (он указал на карте), где будет разбит лагерь полковником Добровольским".

Идя в гостиницу, прошли мимо генерала Кутепова, который разговаривал с маленьким французским офицером — это был подполковник Томасен, начальник гарнизона и командир батальона сенегальских стрелков. В заботах о Корпусе, много тяжелых минут пережил генерал Кутепов из-за этого человека.

На берег высадился Начальник хозяйственной части Корниловского Ударн. полка. При нем остались, в качестве переводчиков сопровождавшие меня поручики, а я утром пошел к долине, где будет лагерь. Приятно, мягко грело солнышко. Я останавливался, закусывал инжиром и хлебом, любовался видом на Дарданельский пролив, горами и блестевшим на солнце, вдали Мраморным морем. С одного бугра я увидал живописную долину подле желтовато-зеленых гор. Спустившись в нее, встретил полковника Добровольского. Он, со своей Корниловской инженерной ротой, разбивал лагерь для Корпуса. Тут текла быстрая горная реченка с хорошей питьевой водой. По левому берегу ее станет пехота, по правому, у подножья гор — кавалерия.

С двумя французскими офицерами и Начальником Штаба корпуса в долину пришел генерал Кутепов. Добровольский, отрапортовавши, подал отчетную карточку предполагаемого расположения лагеря. С надписью "Утверждаю" генерал возвратил ее Добровольскому. Надпись его обрадовала: для своего Корниловского полка он занял место получше. Левее Корниловцев станут Марковцы, Дроздовцы, Алексеевцы (впоследствии, по требованию французов, образовался еще и беженский лагерь).

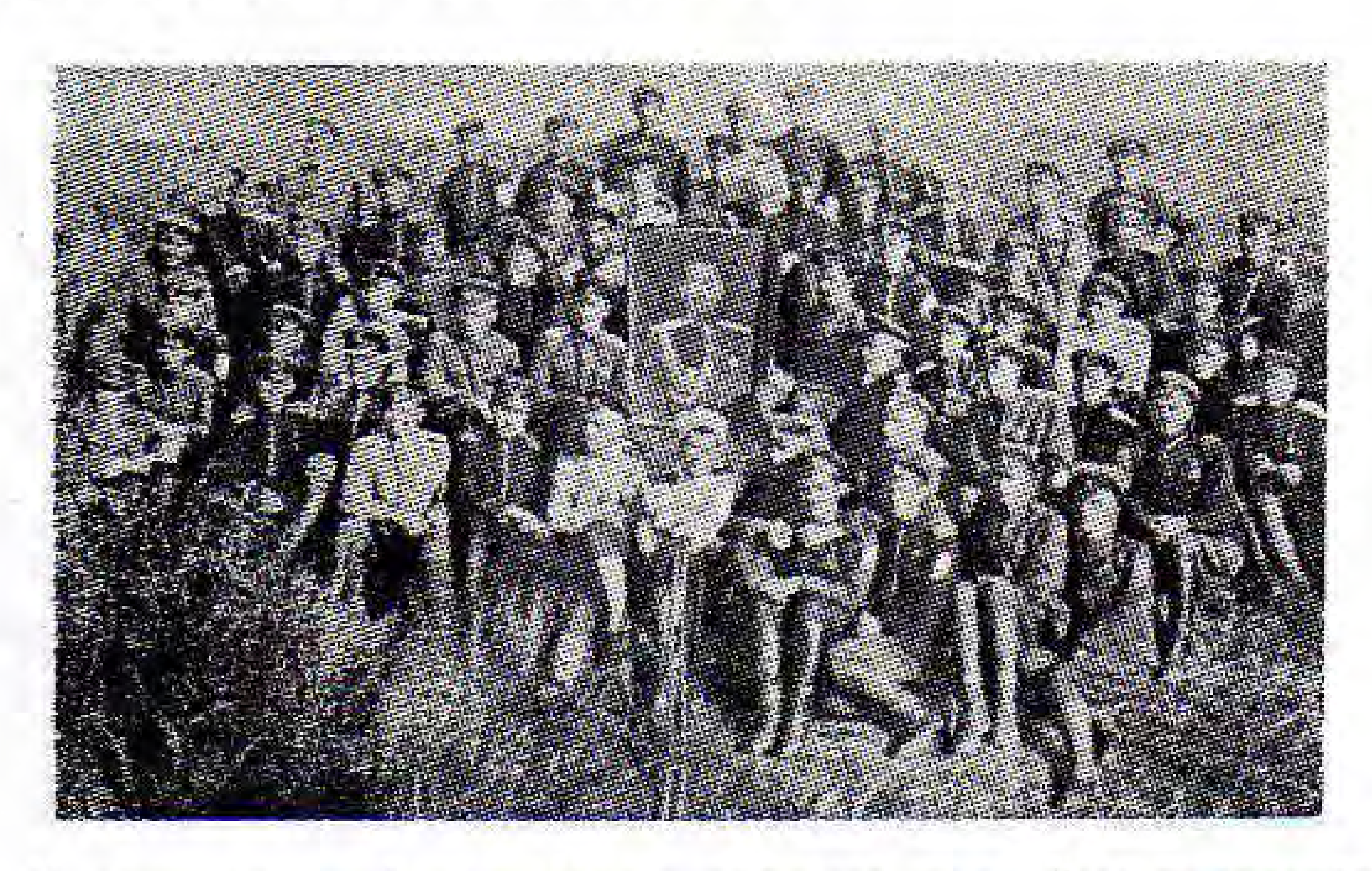
На турецких фелюгах стали отплывать с "Саратова" на берег части Полка. Мертвая до того времени долина оживилась и украсилась стройными рядами светло-зеленых палаток. Все считали, что Галлиполи — временный перерыв борьбы и что весною — поход. Началась уставная лагерная жизнь: парады, церемонии, строевые занятия, тревоги, которые любил производить Кутепов. Для развлечения — концерты, футбол. Для пополнения знаний — лекции, курсы. Для быта — буфет, лавочка. Денег ни у кого не было. Обжигали уголь и продавали его туркам для мангалов — это было заработком. И мы пользовались мангалами. От мангала сгорела, со всеми пожитками, одна офицерская палатка. Деньги очень были нужны: французы нас держали на полу-голодном пайке. Но мы не унывали. Помогал нам не унывать хор под названием "Смычков" — он пользовался большим успехом (запомнился отрывок песенки "Смычков", составленный по случаю прибытия на наш пароход на Константинопольском рейде Главнокомандующего генерала Врангеля: "Все мы видели, все знаем,/ все отлично понимаем,/ как в этот плавающий дом/ приезжал сейчас Главком").

На Галлиполийское сидение мы смотрели, как на временный перерыв в войне с большевиками, и ждали весеннего похода в Россию. Эта галлиполийская готовность к походу сохранилась в Галлиполийцах на долгие годы, когда они расселились по славянским землям, а затем перекочевали на запад.

Газета Милюкова, "жалея" нас, писала о "Кутеповской дисциплине" в Галлиполи. Но никто дисциплиной не тяготился: ведь мы — офицеры, а генерала Кутепова знали с Первого похода, как храброго, честного слугу Родине. Сильный, здоровый, с отличной военной выправкой, с металлическим голосом, с офицерской выдержкой и воспитанностью, он был идеальным военным. Простой и чуткий к переживаниям своих подчиненных, он пользовался авторитетом и доверием всех. Твердая походка и строгое, но не суровое лицо изобличали в нем человека непреклонной воли. Эта воля дала сплоченность, силу войску России в лагере Галлиполи.

В поддержании порядка и дисциплины ему помогал его Начальник Штаба генерал-майор Штейфон. Мерно шагал он по улицам Галлиполи — в ногу с ним шагал юнкерский патруль,

— не глядя по сторонам, но замечая малейший непорядок. Для делателей непорядка существовала гаупвахта. Но не ею, а воинским сознанием крепилось единение Галлиполийцев в мощную воинскую семью. Она не распалась до сего дня: Галлиполийский дух веры в Россию, готовности сразиться за Россию бережет Общество Галлиполийцев.

В один осенний день Корниловский полк был погружен на турецкий пароход под французским флагом и отбыл в Болгарию. По пути, в Константинополе, Корниловцы приветствовали долго не смолкавшими "ура!" Главнокомандующего генерала Врангеля, мужество которого отстояло Русскую Армию от распыления ее французами. Как в тот день верилось, что под его водительством снова пойдем в бой за Россию!

ПЕРНИК

Наши чаяния о походе в Россию побуждали нас считать Болгарию лишь промежуточным этапом. Но жить там воинской, лагерной жизнью нельзя было — не было средств и Главнокомандующий приказал переменить винтовку и шашку на лопату и соху. По всей Болгарии Корниловские офицеры искали работы, но в бедной стране большого спроса на рабочую

силу не было. Для 260 Корниловцев нашелся труд на копях у Перника (в 60 клм. от Софии).

Перник — примитивный поселок на 7 - 8 тысяч углекопов, состоявший главным образом из трактиров, кухмистерских и мелочных лавок. Но, с прибытием туда русских, жизнь переменилась: богослужения в церкви, концерты, доклады, вечера; появились русский ресторан и столовые. Всюду мелькали цветные фуражки — в Пернике побывали чуть ли не все Галлиполийцы, попавшие в Болгарию. Они говорили: для нас все дороги ведут в Перник. Разместились в бараках, по-батальонно; части "цветной" дивизии — подле рудника Хумен Дол, прозванного Хумендольской губернией. В каждой полковой группе было 1 - 3 старших, не работавших в мине, но от ее дирекции получавших жалование. Командир 2-го Корниловского полка полковник Левитов отказался от этой должности и пошел простым забойщиком. С прибытием на Перник генералов Галлиполийского корпуса, Корниловцы уступали им должности старшин и становились на работу. Командир 1-го Корниловского полка полковник Гордиенко снял в 50 клм. от Перника дом для штаба Полка и для размещения тяжелых инвалидов и стариков,

Население относилось к нам, русским, без симпатии, а многочисленные коммунисты, расхрабрившиеся под властью Стамболийского, отравляли нам жизнь. Однажды во время танцовального вечера в помещении взорвались две бомбы — 6 русских было ранено. Но в один прекрасный день по улицам Перника проскакали кавалеристы, разогнали народ и было объявлено о свержении Стамболийского — Болгарией стал править царь Борис. В связи с этим изменилось и наше положение: в Пернике был сформирован вооруженный отряд из рот Корниловской, Марковской, Алексеевской, Дроздовской. Парад батальона принял болгарский генерал Волков.

Между тем время шло. Международная обстановка изменялась так, что рассеялись мечты о походе, и Корниловцы (как и чины иных полков) уехали за границу. В Пернике осталось только обширное русское кладбище...

Полковник Рябинский

КОРНИЛОВЦЫ В РУССКОМ КОРПУСЕ*).

15-го марта 1942 г. сообщение 3-го Отдела Русского Обще-Воинского Союза (Болгария): "Желающие могут прибыть в г. Софию для дальнейшей отправки в русские части, формирующиеся в Сербии и предназначенные для борьбы с большевиками". Никаких особых обещаний. Служба на положении солдата. Объединявший Корниловцев в Болгарии доблестный полковник Кондратьев рекомендовал ехать. Записалось 90 Корниловцев плюс взвод Кутеповской роты (молодежь, воспитанная в Корниловском духе в Софии).

Отправилась первая группа под командой штабс-капитана Стефановского. Нас вливают в формирующийся 3-й полк Русского Корпуса, а Кутеповский взвод — в юнкерский батальон. Обмундирование коричневого цвета, русского образца, русские знаки отличия; кто имеет ордена, надевает их. Вскоре приезжает полковник Кондратьев со знаменем 2-го Корниловского Ударного полка. Назначается парад батальону, на котором наше Знамя будет временно передано 3-му полку Русского Корпуса. Батальон выстроен. Начальство во главе с генералом Штейфоном и немцы. "Под Знамя, слушай, на караул!" Оркестр грянул Корниловский марш. Выходит полковник Кондратьев, за ним знаменщик (корниловец-подпрапорщик Мищенко); ас-

*) В этой главе даты по новому стилю.

систентами Дроздовец и Марковец. Волнуются Корниловцы: перед ними проходит эмблема легендарной истории Корниловцев. Церемониальный марш под звуки старого Егерского.

Пасху встречаем в дружной Корниловской семье. Слухи о походе в Россию; их подтверждает на смотру немецкий генерал. Грузимся в классные вагоны и едем в албано-сербский городок. Задача: охрана (в бункерах) от партизан железной дороги в Грецию, где находится германская армия. Летом поход в горы. Осенью второй поход. Корниловский полковой праздник отмечаем с приглашением представителей Добровольческих частей и немцев. Последние поздравляют нас со скорым походом в Россию. В конце 1942 года Корпус причисляют к Вермахту; хорошо вооружили. Одной ротой командует полковник Кондратьев, другой — полковник Гетц; старшими в бункерах — Корниловцы. 3-го августа 70-ти тысячная масса титовцев, обученных, хорошо вооруженных англичанами, наваливается на линию наших бункеров. Осада длится около недели. 3 бункера взорвано. Погибли 5 Корниловцев. Кругом бои. В 1944 г. положение становится крайне тяжелым, потому что в дело введены советские части. Гложет сознание, что мы идем к гибели за чужое ,не русское дело.

В ноябре 1944 года начинается пятимесячный поход, полный ужаса и могил. Наш полк сведен в "старческий батальон" — все Добровольцы, видавшие виды. Идем в замке отступающих войск. Дороги едва проходимы. Обоза нет. Мороз, снег, переходы по 50 клм., чтобы вырваться из окружения. Кругом кресты с надетыми шлемами и бесконечная стрельба. За 4 сугок прошли 250 клм.. Хорошо, если отдыхали в лесу: будет костер для не потерявших силы. Большой отдых намечен в г. Сиеница. Расположились, думали поспать, но летят эскадрильи, засыпают ковром бомб. Крики, стоны, огонь. К вечеру остатки собираются. Забыты голод и мысль об отдыхе. Новые могилы; короткая лития; крест и надпись "Капитан Морозов", Корниловец (автор стихов для "Смычков").

Опять поход. Горы, снег, лютые морозы. Одно желание: уснуть в тепле. Остановка — надо, охраняя, пропустить отступающие части. На посту 4 часа в сутки; шалаш из веток, иногда костер. В горах бродит скот; можно найти спрятанное зерно; но без соли все это не идет в горло. В конце декабря по-

ход. По карте, обычно, километров 20; высота 2500 метров; мороз 25° по Цельсию. Крыши нет, еды нет, табаку тоже нет. Галлюцинации: видишь дом, огонь, идешь туда — только снег, метель, лес, никакого жилья. Стреляются. Покоя не дает вошь; немцы выдали дивное средство и "прощай, тиран!".

Выступаем на г. Сараево .Там будет отдых, баня, обмундирование. Переходы до 70 клм. в сутки — ни одного жилья: все разрушено. Отдыхаем на снегу у костра. У многих не хватает сил развести огонь; валятся с ног и засыпают на-мертво. Мечту — Сараево — проходим почти без остановки. Сильный мороз. По обочинам дороги — трупы лошадей и автомобили. Кресты со шлемами. Никто и никогда не оплачет эти безвестные могилы. Идем дни и ночи. Февраль в г. Бусовача. Надо его держать, иначе — гибель отходящей армии. Заслон — Русский Корпус — должен всех пропустить. Рядом столица Тито г. Яйце. Каждый день бои. Ключ позиции нашей — гора Хума; она переходит из рук в руки. Приказ: держать два дня. Полковник Кондратьев с ротой дает слово приказ выполнить. Выполнил, но сам ранен смертельно. Его последние слова: "Передайте Корниловцам и жене, что я умер, как солдат, на посту". Погиб Корниловец, одареннейший офицер, неустрашимый солдат своей Родины.

В одну ночь приказ начальника боевого участка: "Мы окружены. Помощи нет. Сдачи тоже нет". Жуткая морозная ночь. Вокруг партизаны. Мы отстреливаемся, а в душе рождается сознание обреченности. Нет боеприпасов, замолкла наша артиллерия, замерзают пулеметы ... О, чудо! Огонь 22 немецких "флак" выручают нас. Атака отбита, все кругом горит, летят куски партизанских тел. У Бусовачи мы потеряли 3-х Корниловцев. Идем дальше. Условия те же. У г. Зиеница несем тяжелую боевую службу, но есть еда, крыша, баня, свежее обмундирование. Войска прошли, остается наш батальон и германская подрывная команда. Едем на бронепоезде, только ночью — днем бомбят аэропланы. Проехали 150 клм., утром взлетает на воздух контрольная площадка. Со всех сторон пулеметный огонь. Атака отбита. Бросаем бронепоезд. Сумасшедший марш и соединяемся со 2-м полком Корпуса. Снова переходы не меньше 70 клм. в сутки под непрерывную бомбежку с самолетов. Надо вырваться из нового окружения: справа Тито, слева Красная армия.

Весна в Загребе. Генерал Штейфон сделал последний смотр и через день умер. В командование Корпусом вступил полковник Рогожин, Командир "Железного" 5-го полка. Марш снова усиливается, усиливаются и бомбежки. Нам дана дневка, но вечером мчимся на автомобилях выручать немцев. Убит еще один Корниловец. Предстоит трудный путь через Альпы в Австрию. Гибнет полк "Варяг" Р.О.А. Гибнет дивизия "Принц Евгений" (из югославских немцев), с которой мы совершали поход. Положение отчаянное. Рядом Красная армия.

12-го мая 1945 г. перевалили Альпы. Мы — пленные. Англичане размещают нас по деревушкам. Плен, но никакой проволоки и охраны; зато голодное существование. Все принимает воинский вид — вроде Галлиполи. Корниловцы разыскивают друг друга:

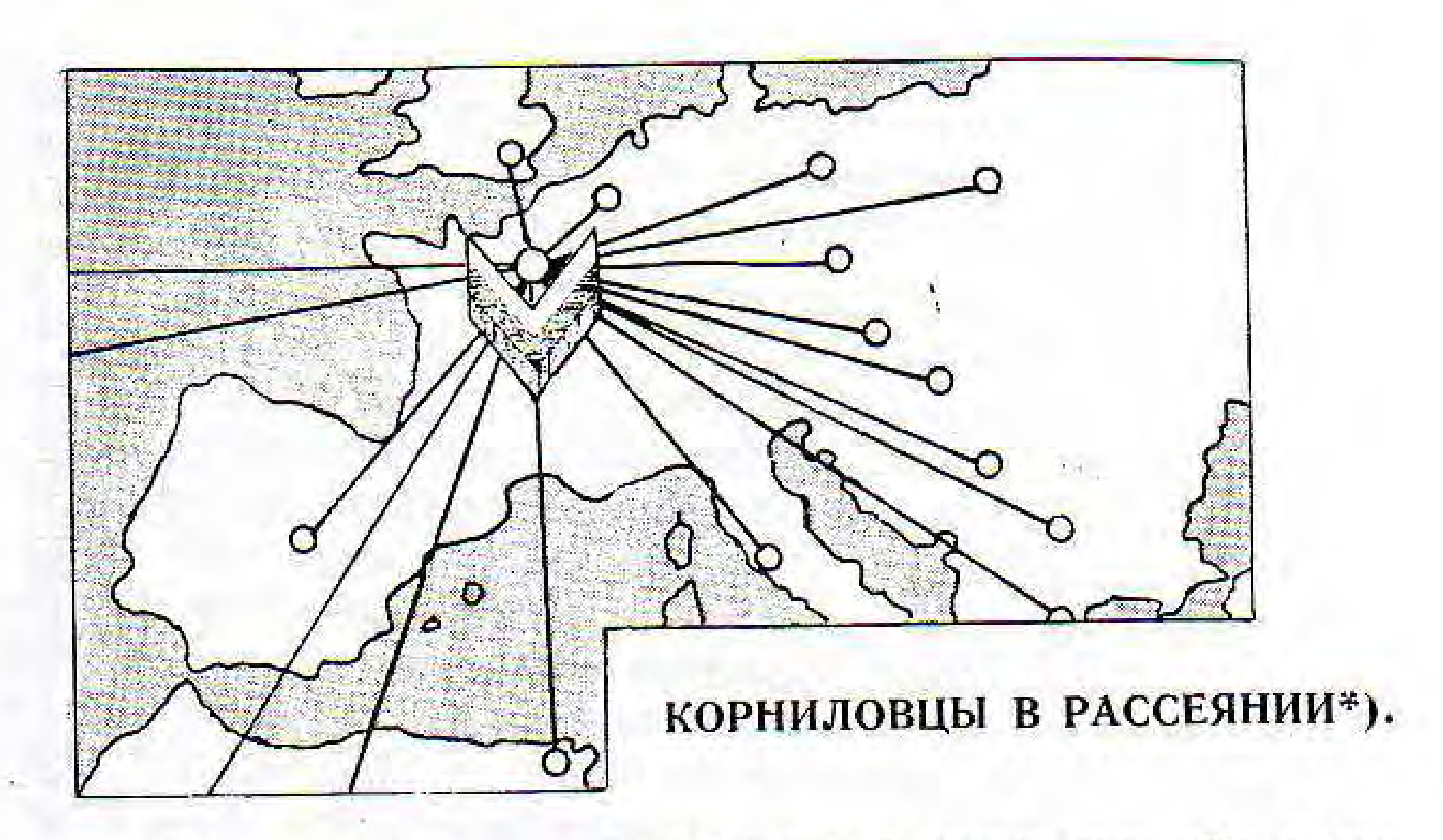

† убиты полковник Кондратьев, капитаны Морозов, Барановский, штабс-капитаны Новицкий, Таранский, поручик Журавский, подпоручики Анохин, Малашихин, Краснер, подпрапорщик Мищенко, унтер-офицер Люботин; умер поручик Курносов; убит большевиками поехавший в Болгарию подполковник Кедринский.

Понесены ненужные жертвы — но вина не наша, не Русского Корпуса.

Многие из Корниловцев награждены Железными крестами. Корниловцы исполнили свой долг. Наша стойкость в боях Корпуса, могилы наших соратников, оставшиеся на его страдном пути, говорят о неумирающих доблести и духе Корниловцев.

Штабс-капитан Стефановский

КОРНИЛОВЦЫ В РАССЕЯНИИ*).

Да, в рассеянии... с твердой волей "охранения себя в своей качественности единственно-открыто-являемого ПОДВИГА РУССКОСТИ". В годовщину Галлиполийских лагерей — стояния "литургии верных" — Корниловцы с трепетным вниманием вслушивались в каждую фразу долгожданного приказа Главнокомандующего Русской Армии:

Оставивъ родную землю, Русская Армія, вотъ ужъ годъ ведетъ на чужбинѣ борьбу за свое бытіе. Забытая всѣмъ міромъ, оставленная малодушными, еще недавно шедшими съ нею, она не только не пала духомъ, но неустанной работой усилила свою мощь. Въ ожиданіи лучшихъ дней, когда Господь сподобитъ насъ возобновить службу Родинѣ, русскіе воины постепенно получаютъ возможность обеспечить трудомъ свое существованіе, находя пріютъ на родственной славянской землѣ. Переброска Арміи на Балканы заканчивается и, прикрывая ее, остались на своемъ посту доблестыя части 1-го Армейскаго Корпуса (во главѣ съ Корниловцами). Сегодня минулъ годъ, какъ Корпусъ высадился на пустынномъ берегу Дарданеллъ (Галлиполи), очутившись подъ открытымъ небомъ. Терпя тяжелыя лишенія, голодъ и стужу, съ непоколебимой твердостью духа принялись части за работу, создавая все собствен-

*) В этой главе даты по новому стилю.

ными руками .Одновременно шли непрерывныя занятія, чтобы учесть ошибки прошлаго, поправить недочеты. Въ сознаніи, что придетъ часъ, когда силы и знанія наши потребуются Родинѣ, всѣ учились. Русскіе воины на чужбинѣ, пренебрегая страданіями, перенося униженія, терпя клевету и злобу враговъ, безропотно несли свой крестъ во имя Родины. Генералъ Врангель. 15/2 ноября 1921, Константинополь.

Ободренные этим приказом и уже сообщенной датой отъезда, все мы с радостью готовились к новому, грядущему. 27-XI тяжелые грузы отправлены на пароход, палатки разобраны. Ночевали под открытым небом; было холодно; до утра жгли свои прутяные нары. С рассветом полк был построен, отслужили молебен и в последний раз окинули взглядом "вылизанные" нами горы, с душевной признательностью за приют и моральное оздоровление... твердым шагом направились в город к пристани на погрузку — нас поджидал турецкий пароход "Ак Денис". На рассвете 19-XI подошли к Константинополю. На моторной лодке прибыл генерал Врангель, восторженно нами на палубе встреченный. Подле Варны пароход попал в минные заграждения, но благополучно выбрался и утром 30-го бросил якорь на внешнем рейде Варны. 10 дней карантина. Только 10-XII погрузились в поезда. Поселились в казармах села Горно-Панчерево. Помыли их, поскребли. Тянуло в город, но ближайшие городки были в 10-15 клм. Ходили за 15 клм. в дивный храм св. Николая на исторической Шипке. На Рождество был оглашен приказ Начальника Штаба Главнокомандующего (от 23-XII 1921 за № 12):

...Послѣ долгой борьбы, совмѣстными усиліями Главнаго Командованія и всѣхъ чиновъ Арміи, одержана блестящая моральная побѣда. Больше года, въ ужасныхъ условіяхъ ждала Армія переселенія въ славянскія страны и столько же времени неустанными трудами Главнокомандующаго созидалось это дѣло. Нынѣ тяжкій трудъ законченъ. Почти весь 1-й Корпусъ въ Болгаріи. Съ великой радостью я привѣтствую въ Болгаріи войска Корпуса и прибывшаго съ послѣднимъ эшелономъ неизмѣнно-доблестнаго ихъ Командира, генерала-отъ-инфантеріи Кутепова и поздравляю съ завершені-

емъ переброски. Дай Богъ вамъ силъ такъ же честно творить великое дѣло любви къ Родинѣ здѣсь, какъ вы творили его въ Галлиполійской пустынѣ. Генералъ-отъ-кавалеріи Шатиловъ.

Прочитан был также и приказ Командира 1-го Армейского Корпуса от 22-го декабря 1921 г. за № 965:

Больше года тому назадъ разрозненные остатки регулярной Русской Арміи были высажены въ Галлиполи и сведены въ 1-й Армейскій Корпусъ. За годъ пребыванія на чужбинѣ Корпусъ сталъ стройной, могучей единицей, сплоченной одной идеей безпредѣльной любви къ Родинѣ и проникнутой высокимъ сознаніемъ долга. Когда послѣдній эшелонъ, назначенный въ Болгарію, уйзжалъ изъ Галлиполи, его провожало все мѣстное населеніе, всѣ мѣстныя, греческія и французскія власти. Армія, которую весь міръ считалъ б ѣ ж е н ц а м и, осознала себя и пріобрѣла общее уваженіе, какъ А р м і я. Во время стоянки эшелона въ Константинополѣ ко мнѣ явились и поднесли адреса съ привѣтомъ Корпусу отъ 18 общественныхъ организацій, объединяющихъ людей различныхъ политическихъ убѣжденій. Русскіе люди увидѣли въ Русской Арміи крѣпкое ядро государственности и своимъ привѣтомъ показали единеніе съ нами. Проводы въ Галлиполи и привѣтствія русскихъ людей въ Константинополѣ я отношу не къ себѣ, а къ той стойкости, съ которой всѣ части поддерживали честь Арміи и достоинство русскаго имени на чужбинѣ. Я увѣренъ, что на новыхъ мѣстахъ всѣ чины Корпуса, помня завѣты основоположника Арміи генерала Алексѣева, исполнятъ до конца свой долгъ и донесутъ на Родину незапятнаннымъ нашъ трехцвѣтный флагъ, который мы гордо держали въ Галлиполи, и честь Арміи, которую мы свято блюли. Безпредѣльная преданность дѣлу борьбы за счастье Родины и непоколебимая твердость духа при всѣхъ тяжкихъ испытаніяхъ, проявленныя нашимъ любимымъ вождемъ, генераломъ Врангелемъ, да будетъ для всѣхъ насъ примѣромъ въ нашихъ переживаніяхъ на пути достиженія

нашей завѣтной цѣли — созданіе Великой Россіи. Генералъ-отъ-инфантеріи Кутеповъ.

Новый Год ударники встречали в своей чайной, а 450 гг. офицеров — дружной семьей в офицерском собрании; приглашен был генерал Калитин (герой взятия Эрзерума); когда хор пропел "Святая Русь", он, в слезах, поцеловал наши знамена. — Гостем был и Командир болгарской артиллерийской бригады.

Один из бараков превратили в театр. Стали функционировать Курсы для ротных командиров. Приезжали профессора-лекторы. Весь состав Полка получил новые "корниловские" фуражки. 20-го февраля дорогим гостем прибыл к нам генерал Кутепов. Он сделал смотр Полку, осмотрел помещения и церковь. Был парадный обед, а затем спектакль. Хор наших "Смычков" и общее настроение привели генерала в восторг.

Почти вся болгарская печать жестоко травила нас. Еще 27 марта Главнокомандующий отдал приказ (№ 243):

> Послѣдніе дни вновь травятъ Армію. На нее клевещутъ, ей грозятъ. Сомкнувъ свои ряды, мы отвѣтимъ презрѣніемъ. Родные знамена, пока мы живы, не вырвать изъ нашихъ рукъ. Да помнятъ это тѣ, кто дерзнетъ на нихъ посягнуть. Генералъ Врангель.

Правительства Болгарии и Югославии нашли нежелательным посещение Корпуса генералом Врангелем: оно могло быть истолковано, как "вмешательство во внутренние дела СССР" и быть предметом обсуждения на происходившей в то время Генуэзской конференции. Но приехал в Корпус генерал Шатилов. Он не скрыл от чинов Корпуса, что средства генерала Врангеля иссякают. Поэтому одиночками или небольшими группами начинают Корниловцы подыскивать какой-либо заработок.

К середине мая приезжавшие из штаба генерала Кутепова (г. Тырново) говорили, что болгарские власти приступают к обыскам и к угрозам самому генералу Кутепову. 15-го мая Болгария, которую Российская Императорская Армия столько раз спасала, "заплатила" свой долг: батальоны двух болгарских полков с пулеметами и двумя орудиями, жандармерия оцепили казармы, занятые Корниловцами, обвиненными в "заговоре" против правительства страны. С грубыми оскорблениями было

взято 360 винтовок и около 30 легких пулеметов. Потом были арестованы Командующий Полком полковник Гордиенко, Командир 1-го батальона полковник Дашкевич и его помощник полковник Челядинов (у них при обыске нашли огнестрельное оружие) и под конвоем отправлены в г. Казанлык. Все это было сделано по приказу большевизанствующего правительства Стамболийского.

Но вскоре оно было свергнуто и царь Борис взял власть в руки. Тем не менее "звонок" 15-го мая открыл глаза на реальную обстановку: не отказываясь от идейной непримиримости к большевизму, не теряя связи и морального общения с соратниками для взаимной поддержки в предстоящих испытаниях, надо становиться на работу. Кто пошел в села, кто стал землемером, а большинство пошло в шахты. В истории "рассеяния" Корниловцев Перник — особый и положительный факт: несмотря на тяжелую, грубую работу шахтеров, Корниловцы жили там крепкой войсковой семьей и наладили, помимо быта (кооператив, ресторанчики и т. д.), и культурную жизнь — "Смычки" возродили театр. Не лишена интереса их песенка на первых порах нашей шахтерской жизни:

Вот наконец мы у тихой обители...
Перник-поселок... Кругом рудники...
Станция, церковь... угрюмые жители...
Улица, мост на изгибе реки...

Узкоколейка... тропа каменистая,
Белые здания вдоль полотна...
Между холмами площадка холмистая...
Угольной пыли на всем пелена...

Вот и казармы — дома двухэтажные...
Комнаты... стен угнетающий вид...
Окна... простенки пятнистые, влажные...
Печка, вся в трещинах, сильно дымит...

Нары досчатые... пыль, насекомые...
Грязная тряпка, ботинок, чулок...
Вот — та ночлежка, так русским знакомая,
Вот наш уютный, родной уголок.

Много таких злободневных песенок, добродушно рисующих подлинную трудовую н о в у ю жизнь Корниловцев, было собрано в брошюру.

Постепенно — самотеком или организованно — разбрелись мы по Балканам и по Западной Европе .В 1924 году обозначилось сосредоточение чинов Руской Армии: Париж, Белград, Прага, София, Берлин, Брюссель. Это дало Главнокомандующему основание превратить (приказ № 35 от 1-IX-24) Армию в РУССКИЙ ОБЩЕ - ВОИНСКИЙ СОЮЗ, основное ядро которого составили чины 1-го Корпуса с объединениями своих полков. В Париже — Штаб РОВС-а, по странам — Отделы. Начальником РОВС-а назначен генерал Кутепов. Для нас, Корниловцев, имя Кутепова было притягательно и многие из однополчан потянулись в Париж, во Францию, в соседнюю Бельгию, образовав значительные группы Корниловцев в Париже, Лионе, Брюсселе. В Париже возникло собрание Общества Галлиполийцев, уютное помещение с церковью (иконостас художника Соломко), рестораном, залом для собраний, балов. Председателем Общества был генерал Репьев Михаил Иванович, Корниловцы капитаны Конашевич Ф. А. и Григуль П. Я. были один хозяином собрания, другой членом правления. Корниловскую группу в Париже и Франции возглавил полковник Щеглов, который совместно с полковником Петренко (старшим Корниловского Артиллерийского дивизиона) любовно объединяли Корниловскую семью, созывая собрания и достойно отмечая знаменательные дни боевого прошлого. Слава о Корниловцах вновь воскресла и стала примером для других. Генерал Кутепов часто оказывал нам честь своими посещениями.

Значительная группа однополчан, объединенная полковником Киреевым в Лионе, своей спайкой заняла почетное место в Корниловском Объединении. Местные группы слали свои взносы в кассу Полка для помощи больным, инвалидам, нуждающимся; для той же кассы устраивались, жертвенным трудом Корниловских дам, балы, лотереи, в чем нередко оказывала помощь супруга Командира полка генерала Скоблина, Н. В. Плевицкая.

Потянулись дни, недели, месяцы. Кольнула сердце весть: "25-го апреля 1928 г. в Брюсселе скончался генерал Врангель" — о т л е т е л а д у ш а А р м и и. Внезапная смерть по-

родила слухи; припомнили, как в 1921 году пароход "Агрия" у Константинополя "случайно" протаранил яхту "Лукулл", на которой жил генерал Врангель. Помолились Корниловцы о болярине-воине Петре и сохранили о нем благодарную память.

Следующий большевицкий удар — 26-го января 1930 года генерал Кутепов утром вышел к обедне и не возвратился; и в церкви его не видели. Генерал исчез. Полиция ничего "не обнаружила". Наше возбуждение долго не утихало; толки, болезненное подозрение ко всем и каждому. Больно было Корниловцам лишиться их Александра Павловича Кутепова.

Во главе РОВС-а заменил его генерал Миллер. С тактом умиротворял он взволнованное людское море и заслужил в нашей среде — а также и в общественности — полное уважение. При нем был (как его детище) создан в Версале Русский кадетский корпус для детей чинов РОВС-а; при его поддержке профессор генерал Головин Н. Н. учредил Зарубежные Высшие Военно - Научные курсы. В числе окончивших трехгодичные Курсы были Корниловцы капитан Конашевич и капитан Григуль, получившие, по защите тезы, право ношения — на правой стороне — серебряного нагрудного знака.

Генерал Миллер был своим человеком в парижской Корниловской группе. Во главе Корниловцев Парижа и Франции стал, по кончине полковника Щеглова, полковник Трошин Григорий Захарович, преданный Корниловец и энергичный офицер. Он взял на себя труды и хлопоты по изданию (к 20-летию Полка) книги "Корниловский Ударный полк", написанной писателем Критским и снабженной великолепным предисловием проф. генерала Головина. Печать одобрила книгу и она стала гордостью Полка.

Праздник 20-летия Полка состоялся в Париже 21-IX-1937 г. Собрались, во главе с Командиром полка генералом Скоблиным, Корниловцы из Франции и Бельгии; почетными гостями были: генерал Миллер, генерал Деникин, генералы Шатилов, Богаевский, Стогов, Кусонский, адмирал Кедров и специально приехавшая из Брюсселя наша родная Наталия Лавровна, дочь нашего Шефа, генерала Корнилова. Присутствовали представители воинских частей и общественности. При знаменах, с почетными часовыми, в переполненном соборе служили молебен; затем был в ресторане роскошный банкет.

А на следующий день исчез генерал Миллер. Вот что произошло: Скоблин предложил Адъютанту Полка капитану Григуль с женой проводить (вместе с Плевицкой) отъезжавшую Наталию Лавровну; затем Скоблин, Трошин и Григуль посетят генералов Деникина и Миллера, чтобы поблагодарить их за вчерашнее присутствие на празднике. Оказалось, что генерал Миллер, покинув утром дом, еще не возвратился. Побывав у генерала Деникина, снова поднялись к Миллеру — генерала не было. Его супруга в сторонке высказала Григулю свою тревогу, обещая позвонить, если генерал не вернется к ночи. Около 10 часов ночи Наталия Николаевна Миллер позвонила — генерал не возвратился. Свою тревогу она сообщила адмиралу Кедрову, который спешно созвал в канцелярию РОВС-а (ул. дю Колизè) генералов Кусонского и Стогова и полковника Мацылева. Последний привез из отеля и Скоблина . . .

Оказалось, что в папке генерала Кусонского была записка, в которой генерал Миллер отметил: ". . . утром в сопровождении Скоблина еду на свидание . . ." Вразумительных объяснений Скоблин не дал и адмирал Кедров предложил всем отправиться в полицию. Все поднялись, Скоблин вышел первым и . . . исчез! На утро Плевицкая, вся в слезах, пришла в семью Григуль: "Колю ночью Мацылев увез на улицу Колизè; я прождала до утра, а Коли все нет . . ." Подъехала полицейская машина; Плевицкой было предложено ехать в префектуру вместе с П. Я. Григуль и его дочерью, в качестве переводчицы. Плевицкая была арестована. Днем выяснилось, что Скоблин, сбежав из канцелярии РОВС-а, постучался к нашему капитану Кривошееву и попросил взаймы 2-3 сотни франков: "Кошелек дома забыл!" С этим и все концы в воду. Факты же сами за себя свой вывод сделали.

Велика была драма Корниловцев, их смущение, разочарование, почти физическая боль. "Дело Скоблина" грозило разложением Полка. Но Господь милостив! На первом собрании Корниловцев-парижан полковник Бояринцев ободряющим словом призвал всех к стойкости, к сохранению единения Корниловской семьи. Он стал во главе Корниловцев Парижа и Франции. Вступивший на пост Начальника РОВС-а генерал Архангельский (он проживал в Брюсселе, сохранив в Париже центр и штаб), посоветовавшись с полковником Бояринцовым и с ка-

питаном Григуль, назначил Возглавляющим Объединение Полка полковника Кондратьева, жившего в Болгарии.

Разразилась 2-я Мировая война. Капитуляция Франции вновь рассеяла Корниловцев. Немцы арестовали генерала Шатилова, полковника Мацылева, нашего капитана Григуль. Последних двух освободили через 49 дней и возвратили в Париж, откуда русских принудительно увозили на работы в Германию. В Русском Корпусе в Сербии был убит полковник Кондратьев. Возглавляющим Объединение Корниловцев генерал Архангельский утвердил полковника Бояринцева Митрофана Ивановича; Помощником Возглавляющего оставался капитан Григуль Петр Яковлевич.

По окончании войны многие из Корниловцев перебрались в Америку, покинув разоренную Европу; оставшиеся же сберегли костяк Полка. Полковник Бояринцев потратил много сил, энергии и настойчивости, чтобы вновь объединить всех Корниловцев в дружную семью. Счастливая идея регулярно выпускать бюллетень "Корниловцы" включала рассеявшихся в единую семью. Когда Галлиполийцы Отдела во Франции, во главе с капитаном Григуль, задумали восстановить на кладбище в Сан-Женевьев де Буа Галлиполийский памятник, то Корниловцы откликнулись первыми на убедительный призыв Митрофана Ивановича, собрав настолько значительную сумму, что стало возможным на лицевой стороне цоколя Памятника водрузить памятную доску Шефу и Вождю Корниловцев, генералу Корнилову. Святой долг памяти павшим здравствующие соратники выполнили.

По мысли полковника Бояринцева, был создан Обще-Корниловский Фонд Помощи, выдающий членам Фонда заимообразно ссуды, а также и помощь неимущим в случаях болезни, нужды. Организованность и достоинство жизни Полка заслужили вновь общее признание .Неоднократно свое восхищение и благодарность выражал полковнику генерал Лампе (в январе 1957 г. генерал Архангельский, вследствие преклонного возраста и по состоянию здоровья, назначил своим заместителем генерала Лампе; 2-XI-1959 г. генерал Архангельский тихо скончался).

В 1964 г. полковник Бояринцев подал рапорт о сложении с себя обязанностей Возглавляющего Объединение чинов Корни-

ловского Ударного полка. Генерал Лампе возложил исполнение этого долга на полковника Левитова Михаила Николаевича. Помощником его и сотрудником остался капитан Григуль. Полковник Левитов, в дни войны славный боевой Командир 2-го Корниловского Ударного полка, преданно, жертвенно и тактично отдал себя служению родной Корниловской семье.

В рядах, в составе Русского Обще-Воинского Союза, прямого Наследника и Преемника Русских Императорской и Белых Армий, семья Корниловцев во главе с полковником Левитовым М. Н., крепя спайку, единство и верность идее Белой Борьбы, достойно сохранит честь первородства. Господь щедр и милостив!

"Пусть не всегда были подобны горнему снегу одежды белого ратника — да святится во веки его память", — сказал Иван Бунин. Да святится!

В замену тягостным обидам
Прощенья мудрость нам дана...
В своем страданьи благость видя,
Мы все приемлем. Пьем до дна!

Капитан Григуль

Генерал-от-кавалерии Драгомиров А. М. в день Корниловского праздника: "...провести этот день в вашей дружной и крепкой семье Белых Рыцарей и зарядиться вашей изумительной жизнеспособностью и самоотверженной готовностью душу свою отдать за спасение нашего Отечества, не взирая ни на какие преграды, стоящие на пути..." 1955 г.

"...Белая Армия унесла и сохранила свою непримиримость к коммунизму. Нет уже в мире той силы, которая сломила бы эту непримиримость. Пытали нас огнем и железом, пытали голодом и нравственными муками, пытали страхом и заманчивыми посулами, пытали, наконец, отравляющим ядом развенчания Белой Идеи, поношением памяти наших Вождей и... равнодушием уставших. Всё мы выдержали и выдержим до конца, каков бы он ни был. Наш выбор сделан 40 лет тому назад".

1957 г. Полковник БОЯРИНЦЕВ

КОРНИЛОВЦЫ

Корниловцы-братья, Корниловцы-войны,
Для чести и смерти всегда вы достойны;
Вы шли, не устали, за честь вы стояли
В годину великой Российской печали.

Штыками, сердцами, солдатским гореньем
Скрепляли вы Славы разбитые звенья;
Вы первые снова на бой зашагали
И первые снова победу узнали.

За то, что и грудь и душа устояла,
Последними Родина вас целовала.
За то, что Ей верите верою вещею,
Первыми вас поцелует Воскресшая.

Корниловцы-войны, Корниловцы-братья,
Блеснувшие в полночи Белою Ратью,
Вам, жившим великим солдатским законом,
Поклонится Родина низким поклоном.

Так ждите: и здесь и за гробом безвестным,
Что Родина встанет в сияньи небесном
И будет всех, веривших Ей, всех любимых,
В памяти вечной хранить нерушимо.

Полковник Эйхенбаум Иван

ОРДЕН СВ. НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА

Орден Св. Николая Чудотворца учрежден для награждения тех офицеров и солдат, кто презрев очевидную опасность и явив доблестный пример неустрашимости, присутствия духа и самоотвержения, совершит отличный воинский подвиг, увенчанный полным успехом и доставивший явную пользу. Девиз Ордена: ВЕРОЮ СПАСЕТСЯ РОССИЯ. Праздник Ордена — 22 мая.

В ПАМЯТЬ СЛАВЫ КОРНИЛОВСКОЙ УДАРНОЙ ДИВИЗИИ В БОРЬБЕ ЗА ЧЕСТЬ РОССИИ В БОЯХ В КРЫМУ И ТАВРИИ В 1920 ГОДУ Николаевскими знаменами награждены: 1-й, 2-й и 3-й Корниловские ударные полки.

Николаевскими трубами награждены: 1-я, 5-я, 6-я и 7-я батареи Корниловской Артиллерийской бригады.

Серебряными трубами с лентами Ордена Св. Николая Чудотворца награждено Военное имени генерала Корнилова училище.

Награждены: Орденом Св. Николая Чудотворца 2-й ст. генерал Гешня, помощник Начальника Корниловской Ударной дивизии.

1-го Полка	2-го Полка	3-го Полка
полк. Гордиенко	полк. Пашкевич	полк. Щеголев
полк. Дашкевич	полк. Левитов	ппор. Средний
полк. Ширковский	пполк. Померанцев	
полк. Челядинов	полк. Злотников	
шт. кап. Тавровский	кап. Старчиков	
шт. кап. Гаев	кап. Нашивочников	
шт. кап. Стороженко	шт. кап. Панасюк	Корн. Артилл. бриг.
пор. Федоров	пор. Власенко	полк. Роппонет
пор. Лебедев	пор. Романюк	полк. Бялковский
пор. Пинский	пор. Рекке	полк. Пурпиш
ппор. Сироткин	ппор. Жуков	полк. Гетц
ппор. Васильев	ппор. Бондарь	пполк. Смогаржевский
ппор. Силин	ппор. Дяйкин	пполк. Пио-Ульский
кап. Натус	ппор. Рауп	шт. кап. Маруков Гай
пор. Редько	фельдф. Морозов	пор. Акинлоз
пор. Лясковский	ст. у. оф. Морозов	полк. Глотов
	кап. Трошин	полк. Петренко
	ппор. Маньшин	пор. Попов

ПРОЙДЕННЫЙ ПУТЬ

Боевые действия Корниловского Ударн. отряда у Станиславова и Корниловского Ударн. полка в Киеве были прелюдией к той величественной симфонии, которая называется Белым Движением, белым, т. е. чистым, благородным (белый крестик Георгиевского ордена, белые лилии королевского герба) в противопоставление к красному социализму и мерзкому, грязному большевизму. В Ростове н/Д. Корниловцы включились в Белое Движение генерала Алексеева в Добровольческую Армию генерала Корнилова.

Началом борьбы за Белую Идею был Первый генерала Корнилова поход. 80 дней продолжался он и в нем на протяжении 1300 верст было разыграно 30 боев. Всемирная военная история не знает ничего ему подобного по напряженности воинского усилия, по воодушевленности воинского устремления. Вечная вам слава, Первопоходники, перводерзатели, первострадальцы, первогерои!

Много погибло в Первом походе кадет, гимназистов, юнкеров, офицеров, погиб Корниловский полковник, творец Полка, Неженцев.

*

"Утром привезли на ферму тело Неженцева. Корнилов вышел к нему, долго в тяжелой задумчивости смотрел на него, перекрестил и поцеловал, как погибшего родного сына...

Эта смерть сильно поразила его. Нередко в этот день среди разговора он говорил собеседнику: — "Неженцев убит... Какая потеря..."

Генерал Богаевский А. П. ("Воспоминания")

Марковский Офицерский полк потерял генерала Маркова, легендарно храброго; вскоре затем Дроздовский полк лишился полковника Дроздовского, богатырской воли офицера; затем скончался Шеф Алексеевского полка генерал Алексеев. Тяжелее этих тяжких утрат была смерть в бою генерала Корнилова.

**
*

"...с закрытыми глазами, чуть дыша, лежал Корнилов. Лицо его было уже обмыто. Около него стоял ген. Романовский, доктор, сестра милосердия и еще несколько человек. Когда я подошел, доктор, стоявший у изголовья носилок, приподнял веки Корнилова и тихо сказал: "Кончается"... Еще один вздох и Корнилова не стало".

Генерал Богаевский А. П. ("Воспоминания")

**
*

Значат ли эти утраты Добровольческой Армии, что Господь не благославлял ее на ратное дело? Нет, Он посылал Добровольцам тяжкие испытания, чтобы дать им возможность, превозмогая боль от утраты и полководцев и соратников, выявить Веру и Верность Родине. Впоследствии, несмотря на мнение блаженнейшего митрополита Анастасия, что Белые дрались за Правду Божию, раздались ханжеские голоса, что "Добровольческая Армия не шла с Богом". Да, генерал Врангель не разрешил осуществление экзальтированного плана движения из Крыма на север крестным ходом; генерал Деникин не подражал генералу Дидериксу в наименовании полков именами Святых и даже Богоматери, но Армия после взятия каждого крупного города молебном перед народом благодарила Господа Побед, а Добровольцы шли в бой и умирали с песней "За Русь Святую". И не выражают ли строфы Н. Гумилева богоощущение Добровольцев:

...Я пошел и приняли меня,
И дали мне винтовку и коня,
И поле полное врагов могучих,
Гудящих грозно бомб и пуль певучих,
И небо в молниях и рдяных тучах.

И счастием душа обожжена
С тех самых пор; веселием полна
И ясностью и мудростью — о Боге
Со звездами беседует она,
Глас Бога слышит в воинской тревоге
И Божьими зовет свои дороги.

Выделив несколько слов в стихотворении, подчеркиваю то ощущение тогдашнего нашего офицерского счастья, что наша Белая военная дорога была дорогой Правды Божией.

Корниловцы дрались, проливали свою кровь, умирали за Россию. Политики они не делали. Ее делали на верхах. Теперь хулители говорят: плохо делали, потому что не провозгласили Монарха (верят словам Лейбы Брон-

штейна-Троцкого, что с Монархом могли бы мы победить). Но пробовали вооружиться монархической идеей Южная Армия (Воронеж), Астраханская и Земская Рать (Дальний Восток) и исчезли. А генерал Врангель, осознав, что 17-й, 18-й, 19-й годы дали народу почувствовать отсутствие Монарха, провозгласил необходимость ХОЗЯИНА. Приказ от 20 мая 1920 г. говорил:

Слушайте, русские люди, за что мы боремся:
За поруганную веру и оскорбленные ее святыни,
За освобождение русского народа от ига коммунистов, бродяг и каторжников, в конец разоривших Святую Русь.
За прекращение междоусобной брани.
За то, чтобы крестьянин, приобретая в собственность обрабатываемую им землю, занялся бы мирным трудом.
За то, чтобы истинная свобода и право царили на Руси.
За то, чтобы русский народ сам избрал бы себе ХОЗЯИНА.
Помогите мне, русские люди, спасти Родину.

Генерал Врангель

Корниловцам ставят в упрек одну строфу их песни. Но из песни, возникшей в самом начале, строфа эта была изъята уже в Первом походе. Корниловцы политики не делали. Их "политика" выражалась словами старой солдатской песни: "Православный русский воин, не считая, бьет врагов".

Не политика виновата в неуспехе Белого Движения. Причину неуспеха указывал (в 1929 г.) Генер. Шт. генерал-майор А. А. фон Лампе:

"Что именно было тем роковым обстоятельством, которое отдалило от нашей Родины ее освобождение и в конечном результате привело Белое освободительное движение к его современной, если можно так назвать, заграничной стадии? — **Первой и основной причиной я считаю настроение тех областей, по которым шло наступление Белых... Когда уходили красные — население с удовлетворением подсчитывало, что у него осталось... Когда уходили Белые — население со злобой высчитывало, что у него взяли"**.

Маятник революции еще и в 20-м году продолжал свое движение влево, а Белые не могли заставить его качнуться вправо, потому что население было революционным или безразличным или трусливым.

Добровольческая Армия дралась отлично. Корниловцы дрались, как никто никогда не дрался. Мы сделали, что могли и больше, чем могли...

Тускнели и умирали одиночные огни родного берега. Вот потух и последний. Прощай Родина!"

(Из мемуаров генерала Врангеля).

Таков пройденный нами путь. Прямой и верный... Если бы случилось снова идти, пошли бы тем же путем в бой за Великую Единую, Неделимую Россию.

Полковник Месснер

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Мы чтим величие и силу, славу и духовную устремленность Православной Империи. Ей, Великой, Единой, Неделимой России, Корниловский Ударный полк ратной службой служил на протяжении 41 месяца (с 23-го июня 1917 г. по 1-е ноября 1920 г.) .А может быть благодарная Россия признает, что это были не месяцы, но годы? Ведь засчитывала же Она лучшим своим воинам месяц боевой страды за год. Мы были среди лучших. Если бы мы сами об этом свидетельствовали, то это не было бы правдой. Но об этом свидетельствуют наши враги, свидетельствуют наши бои, наши победы, многие тысячи наших безвестных могил в поле, многие, многие наши раны. На жертвенник Отчества, за Русь Святую, клали Корниловцы свои жизни и орошали его своею кровью. На жертвенник Отечества кладем мы — уж 46-й год в Зарубежье — свои души, исполненные веры, что смилостивится Господь над Россией и возродит ее в силе и славе; души полные надежды, что мы удостоимся принять участие в возрождении Отчизны; души согретые любовью к родной Земле, к родному народу.

* * *

Глянем с воинским почтением на Герб Российской Империи и вдумаемся в символику щита, в центре его находящегося: Святой великомученик и победоносец Георгий поражает змия.

Этим символически говорится, что Небесный Покровитель Христолюбивого воинства Российского дает ему победу над врагами России.

Есть и более глубокий символ в этом изображении: символ победы Христа над Антихристом. И эта символика нашего Государственного Герба дает нам великое благовестование: Силы Небесные победят сатанинскую силу, а орден Св. Николая Чудотворца вещает нам: Верою спасется Россия.

СИМ ПОБЕДИШИ!

ПЕРЕЧЕНЬ ФОТОГРАФИЙ И РИСУНКОВ

Рисунки №№ 15, 17, 20, 21 — из коллекции пор. Дахова.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Склад издания:

EUGENIO MOESSNER, CONGRESO 3610,

BUENOS AIRES (30), ARGENTINA

Este libro terminó de imprimirse en marzo de 1967, en los Talleres Gráficos "Dorrego", Avda. Dorrego 1102, Buenos Aires, República Argentina